

43

p11875.2

УЖЕ НЕ ДЕТИ,
ЕЩЕ НЕ ВЗРОСЛЫЕ

2/93

МЫ

ISSN 0236-3283

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(заместитель главного редактора)
Сергей ЕСИН
Вячеслав ЛЕОНТЬЕВ
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(первый заместитель
главного редактора)

Коммерческий директор
Шахин БАЛАЕВ

Художественный редактор
Елена СОКОВА

Журнал зарегистрирован Министерством
печати и массовой информации
Российской Федерации.
Свидетельство № 1236.
Издатель — газетно-журнальное
объединение «Воскресенье»

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик № 1.
Контактный телефон 267-18-71

© «МЫ», 1993

Сдано в набор 28.12.92 г.
Подписано в печать 26.01.93 г.
Формат 84×108 1/2. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 13,72.
Печать офсетная. Тираж 327900 экз.
Заказ 15.
Типография издательства «Пресса».

2/93
ОСНОВАН В 1990 ГОДУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
для подростков

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Леонид Жуховицкий. Ночной волк. Повесть	5
Зарубежный детектив. Шарль Эксбрайя. Инспектор умрет одиноким. Роман.	
Перевод с французского. Окончание.	94
Олег Дмитриев. Ночные гудки. Стихи	154

ПРОБА ПЕРА

Денис Маслаков. Надо начинать. Стихи	89
--	----

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Кризис. Лекторий С. Т. Агаркова	80
Про ЭТО и не только...	84
Письма в «Мы»	2
Обратная связь. Читатели о журнале	145
Ищу друга	174

ХОЧЕШЬ БЫТЬ ДЕЛОВЫМ?

Людмила Тимофеева. Не думай о секундах свысока: время — деньги.	73
--	----

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Эрик фон Деникен. Колесницы богов. Перевод с английского. Продолжение	178
--	-----

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

«Надо, чтобы однажды крупно повезло...» Молодые актрисы индийского кино	147
--	-----

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Илья Резник: «Еще не вечер...»	158
Андрей Кокарев. Энциклопедия металлического рока. Продолжение	165
Планета-дайджест	170

ПИСЬМА В «МЫ»

Я ОЧЕНЬ РАЗНЫЙ

Мне 15 лет, и в жизни я очень разный. Люблю футбол, играл на первенство Петербурга среди детско-юношеских команд. Я фанат «Зенита» и «Спартак». Я люблю смотреть телевизор и видео, больше всего мне нравятся фильмы с Жан-Клодом Ван Даммом. Люблю читать, но только такие книги, где события развиваются быстро, — например, как в романах А. Дюма.

А еще я люблю думать. Думать о своей жизни, которая, в общем-то, протекает бесполезно и неинтересно. Сейчас учишься, потом пойдешь работать, будешь строить планы, добиваться каких-то целей... А думаем ли мы, что рано или поздно все равно умрем и все наши дела сведутся к нулю? Мне кажется, что конечная цель жизни человека — смерть. Трудно жить с этой мыслью, и мне часто бывает не по себе. Но если верить в Бога и думать о продолжении жизни после смерти, то становится легче.

Бог живет в душе каждого человека. И человеку, понявшему это, жить легче. Его можно попросить о помощи. Люди, открывшие в своих душах Бога, становятся добрее и счастливее.

Я хотел бы, чтобы мои ровесники это поняли. Ведь чем раньше в жизни поймешь цену доброте и счастью, тем легче будет жить.

Олег

Буду рад, если кто-нибудь захочет мне написать, даже если и не думает так, как я: 192284, С.-Петербург, ул. Малая Балканская, 4, корп. 3, кв. 90.

УДИВЛЯЮСЬ ПЕРЕМЕНАМ В СЕБЕ

Я обычная девчонка из провинции. Хотя, может быть, и не совсем обычная — хотя бы потому, что пишу вам. А дело в том, что у меня резко изменилось отношение к моим сверстникам.

Меня стали раздражать все эти недоделанные «крутые мэны» в кожаных куртках и джинсах, у которых на языке одни затертые слова и пошлые мысли. Я перестала понимать их любовь к песням групп типа «Ласковый бык», их пристрастие к словечкам типа «тусовка», «клево», «прикид».

Но я сама удивляюсь переменам в себе. Ведь совсем недавно и я скакала козлом под блеющий голосок Юрочки Шапунова и Алеши Блохина. И мне все это нравилось. Мне

казалось, что все так и должно быть. А теперь мне кажется все это несусветной глупостью, и мне жаль тех девчонок и ребят, кто остался на этом уровне детских игр.

И ребята мне теперь другие нравятся. Мне нравятся молчаливые, сильные, нормальные парни, у которых есть свое дело в голове и кто не помешан на джинсах и блузонах из кооперативных ларьков. А мне всего 14 лет!

Ольга

Архангельская обл.

РОДИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ПОНЯТЬ

Я живу в постоянном конфликте со своими родителями. Вернее, с мамой. Она постоянно лезет в мою жизнь, хочет все обо мне знать. После каждого телефонного звонка — настоящий допрос.

С детства мне внушали, что врать — это плохо. И, наверное, это действительно так. Врать я не научилась, зато научилась отмалчиваться. Но это тоже трудно.

А если бы я попробовала рассказать маме все про себя — что бы с ней было! Не могу же я рассказать ей, чем занимаюсь, где бываю, что нравятся мне только наглые сильные пацаны и их у меня было уже полтора десятка, когда моя мама только и знала одного мужчину в молодости — моего отца. Не могу я рассказать, что пацаны,

с которыми я дружу, курят и любят выпить — у нас дома не знают даже, что такое табачный дым.

А мне нравится жить такой жизнью. Я считаю, что в молодости я не должна ничего потерять, пропустить. И ребята меня уважают. Я ненавижу слабаков, «маменькиных сынков», которые так нравятся моей маме.

Однажды я попробовала с ней поговорить честно. И что же я услышала? Что в их время было все совсем не так. Но что ж об этом теперь вспоминать? Мы сейчас живем в совсем другом мире, и родители должны это понять. Я знаю, что мои папа и мама любят и читают ваш журнал, и надеюсь, что прочитав это письмо, они начнут меня понимать.

Надя

Без адреса

МОЖЕТ, ДЕНЬГИ БРАТЬ?

Я не знаю, что мне делать. Проблема моя, может быть, и нетипичная, но для меня она важна. Дело в том, что я учусь лучше всех в классе. Я не отличница, но у меня всего две четверки. И у меня все просят списать. Мне не жалко — ведь все равно я уроки делаю для себя. Но вот о чем я задумалась. Ведь те, кто переписывают мои тетрадки, не получают знаний. И выходит, что я сама приучаю ребят, к которым я, кстати, отно-

ищу как к своим лучшим друзьям, что им можно не трудиться, не получать знаний. А если я не дам им списать — то окажусь в их глазах жадной, гордячкой. Класс отвернется от меня — а я знаю, что это такое!

Наверное, можно было бы мне ответить, что нельзя завоевывать авторитет уступками, что это все равно не авторитет и т. д. Но в жизни... Я же вижу глаза моих одноклассников, как они смотрят на меня перед контрольными, от отметки за которые зависит то, что будет в табеле за четверть.

А может, мне поступить так, как герои той смешной повести, что вы напечатали в прошлом году, — брать за списывание деньги? Между прочим, мне многие так советуют, без шуток.

Марина
Ивановская обл.

НА УЛИЦЕ ВСЕ ИНАЧЕ

Мне уже исполнилось 18 лет, и сказочный мир детства, в котором все-таки много хорошего, ушел в прошлое. Я теперь вступаю в мир взрослых, в котором мне многое не нравится. Не знаю, понравлюсь ли этому миру я. Возможно, я «витаю в облаках», как говорит моя мама. Но почему-то я дорожу своей наивностью и простотой, но не той, что порою бывает «хуже воровства».

У меня, как и у всех, мечта — найти своего рыцаря. Ведь все мы мечтаем о большой и чистой любви. Наверное, это большая тема всей молодежи. Хочется чего-то необычного, но выходишь на улицу, а там все иначе.

И все равно, когда мне трудно или плохо, я выхожу на улицу или беру в руки хорошую книгу. На улицах полно народа, все куда-то спешит, заняты, никому до тебя нет никакого дела, и это успокаивает. А книга — она как время — хороший целитель.

А еще я люблю свежий воздух, пахнущий дождем, и скромные цветы — незабудки. Летом мне лучше, я могу не думать о своей будущей профессии, хотя раньше она мне нравилась. В институте учиться стала нелегко, плыву по течению, но не оттого, что поглупела, а оттого, что стала равнодушной к жизни. Похоже, мои планы так и останутся в мыслях...

Что же со мной случилось? Почему все валится из рук? Разочарование в жизни? Может быть. Оно неизбежно приходит от однообразия, в котором живешь. Как я боялась, что и со мной это произойдет!

Может быть, помощь мне придет со страниц «Мы»? Мой адрес: 423832, г. Набережные Челны, почт. отделение 32, до востребования. Прятаться мне нечего, но из почтового ящика все воруют — пресса теперь дорогая.

Лейсан АВЗАЛОВА

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

НОЧНОЙ ВОЛК

ПОВЕСТЬ

Накануне приятно стукнуло сорок пять, отмечали без баб, спиртного было по потребности, закуски в обрез, кто-то притащил видик — так что разошлись с первыми трамваями. Просыпаться до полудня он никак не собирался. Однако пришлось.

— Привет, Чемоданов!

Голос в трубке был женский, молодой, знакомый — но сколько их, знакомых...

— Привет, — отозвался он хрипло.

— Ты чего, спал, что ли?

— Да так, чуть-чуть, — буркнул он, еще не поняв, перед кем приходится оправдываться.

— День же на дворе!

— Мало ли что день. Кто говорит-то?

— Ну Чемоданов, — восхитился на том конце провода, — ты даешь! Дочку родную не узнал.

— Ксюха? — обрадовался он, уже совсем проснувшись. — Сама хороша, звонишь раз в полгода. Тут не то что голос — физиономию забудешь.

— Мог бы и сам звякнуть, — вернуло упрек дитятко, но развивать тему ни Ксюшка не стала, ни он. Мог бы и сам, конечно, мог — но трубку чаще цепляла мать, а с ней без крайней нужды лучше было не разговаривать. Разошлись давно и не по-доброму, бывшая жена, по счету третья, оказалась злопамятной, и в Ксюшкиных же интересах было не афишировать беседы с отцом.

— Ну чего у тебя? — спросил Чемоданов. С дочкой он, хоть и виделся редко, жил душа в душу, однако без дела она не звонила.

— Пап, — сказала она, — будешь моим спонсором?

— А что такое? — поинтересовался он благодушно. Дочкины траты были ему всегда по силам и приятны, просила она редко и всегда какую-нибудь мелочь, вроде фонарика или длинных полосатых носков.

— Пап, ты стоишь или сидишь?

— Лежу.

— А-а... Ну тогда нормально. Пап, я замуж выхожу.

— Что?!

— Что слышишь.

— Ты серьезно, что ли?

— Ну пап...

— Тебе же лет-то...

— Во-первых, скоро восемнадцать, во-вторых, теперь и в семнадцать расписывают. В крайнем случае скажем, ждем ребенка, они и справку не требуют.

— Постой... — совсем растерялся он.

— Да не бойся, — хмыкнула дочка где-то в своем отдалении, — нет ничего, просто скажу, чтоб не занудствовали. Все так говорят!

— А мать чего?

— Рычит.

— Что за парень-то?

— Нормальный. На тебя похож.

Чемоданов уже освоил новость.

— Ну и сколько тебе надо?

Было ясно, что тут фонариком не обойдешься.

— Откуда же я знаю? — ответила дочка беззаботно. — Видно будет. Для начала свадьба. А там как получится.

— И долго мне быть спонсором? — проворчал Чемоданов, как бы примериваясь к непривычной роли тестя.

— Что за вопрос? — удивилась Ксюха. — Всю жизнь.

Она хмыкнула и попрощалась. Чемоданов тоже положил трубку. Еще развлекается, паршивка маленькая. И слово-то какое нашла: спонсор!

Впрочем, слово ему понравилось. Ему все Ксюшкины слова нравились. Дочка!

Чемоданов прошел на кухню, поставил на огонь турку. Смолот кофе, засыпал погуще. Огляделся.

Да, видок. Чашки немытые, это ладно, не проблема. А вот полотно, раковина... И ведь вполне может привести женишка. Девушка с фантазией, возьмет и приведет. Знакомить, так сказать. А как же, положено — с родным отцом! А у родного отца конюшня конюшней.

Да, без бабы не обойтись.

«Кого бы позвать?» — подумал Чемоданов.

В принципе проблема стояла не остро — охотниц прибрать всегда хватало. Но Чемоданов прибиральщиц повидал достаточно и породу эту знал. Раз приберет, другой — а там, глядишь, и вещички перетащила. Нет, хватит. Уж лучше конюшня, да своя.

Кофе закипел. Турки хватало как раз на две чашки. Чемоданов не любил, чтобы женщины оставались на ночь, в частности и потому, что турку приходилось делить на двоих, потом ставить заново, и в этой суете ломалась неспешная утренняя радость.

Жанку позову, вспомнил он вдруг и улыбнулся. Хорошая девка, с ней и спать не обязательно. И просить не надо — увидит бардак, сама приберет. Заодно и накормлю как следует. Приберет, поест и уйдет. Хорошая девка.

Он прихлебывал кофе и прикидывал, почему теперь свадьбы. Уж во всяком случае не дешево, дешевого нынче ничего не осталось. Это тебе не фонарик! С другой стороны, свадьба один раз в жизни... если один раз. Ладно, по крайней мере первая свадьба один раз, это уж точно. Кстати, и помимо денег, небось, чего-нибудь надо, подарки всякие...

От непривычности грозивших хлопот стало неуютно, потянуло посоветоваться с кем-нибудь посведущей. Тут выбор был невелик. Он позвонил Маргарите и договорился на вечер.

День впереди лежал свободный, до дежурства сутки с половиной. Поспать, что ли, добрать свое?

Снова позвонили. Мужик, незнакомый. Но уже по просительной интонации стало ясно, что к чему.

— Будьте любезны Геннадия Васильевича.

— Слушаю.

— Я от Юры Великанова.

— Очень приятно, — отозвался Чемоданов без интереса.

— Насчет машины. Он сказал, вы можете помочь.

Все было понятно. Но Чемоданов молчал, потому что заработок напрямую зависел от длины пауз.

Клиент не выдержал первым, и это было хорошо.

— Стартер барахлит, — принялся объяснять он, — и стук какой-то, особенно на поворотах, потом крестовина, вроде...

— Значит, так, — прервал Чемоданов, — сегодня у нас пятница... Позвоните... ну, допустим, в среду. Только не в эту, а в следующую.

— А ездить пока можно?

— Я ж машину не видел, — скучно возразил Чемоданов, — лучше бы, конечно, не надо. Вот вы говорите — стук. Стук понятие растяжимое. Может, амортизатор потек или обод погнули. А может, и двигатель недолго запороть. Зачем вам рисковать?

И снова пауза.

Потом клиент произнес вежливо, но настойчиво:

— Юра сказал, вы могли бы срочно.

Чемоданов опять помедлил.

— Срочно-то можно... Да к чему вам? Деньги, что ли, лишние?

— Такие обстоятельства, — объяснил клиент.

— Ладно, — согласился наконец Чемоданов, — подъезжайте. Надо глазами глянуть. Там решим.

Дальше шло по накатанному. Позвонил Юрке, получил информацию, легонько перекусил и пошел в гараж. Гараж был его собственным, осколок одной из прежних жизней. Развод получился тяжелый, квартира уплыла, машина уплыла, гараж, вон остался. Бывшая подруга жизни, набрав инерцию, хотела и гараж откупить — но уж тут Чемоданов уперся. Просто от злости. Раз она «да», значит, он «нет». И чем настойчивей предлагала, тем приятнее было ее послать. Уже потом, годы спустя, выяснилось, что гараж может кормить до гроба, это когда, плюнув на диплом и инженерный стаж, ушел в автосервис слесарюгой. Хорошая была работа, простая, спокойная и денежная. Но — зарплата не устраивала. Как ни вертись, выходило двести пятьдесят, а то и триста. А ему надо было сто¹. Тогда как раз вспомнил о гараже, собрал инструменты, три железных шкафа набил запчастями, не хуже, чем на складе, приладил к железной двери замок с «ревуном»...

У клиента была «девятка» в экспортном исполнении, голубовато-перламутровая, пробежавшая тридцать пять тысяч. И когда успел так уходить... Впрочем, судя по ботинкам и плащичу мужик был не из тех, кто на машину побирается по родственникам.

Чемоданов велел завести двигатель, потом сделать круг по ближайшим переулкам.

— Ясно, — сказал он, — сцепление надо смотреть. Ну, а прочее... Крестовина у вас есть?

— Нет...

— А стартер?

— Но Юра говорил, вы...

— Достать все можно, — равнодушно сказал Чемоданов, — но цены сейчас знаете? Мой вам совет — отложим это дело недели на две, а вы пока поищите стартер. В Тольятти у вас никого нет? Там они столько на два дешевле. Крестовина ладно, а вот стартер...

Клиенту было лет сорок, плотен, энергичен, с холодноватым

начальственным взглядом, видно было, что просительская роль давалась ему с трудом.

— Как вас зовут? — спросил он жестко, будто для протокола. Прокурор, что ли?

— Геннадий Васильевич.

— Так вот, Геннадий Васильевич, машина мне нужна к понедельнику. Давайте из этого и исходить.

Чемоданов так же равнодушно глядел мимо клиента, прикидывая, сколько запросить. Рядиться он не любил, предпочитал, чтобы цена сразу — последняя.

— Может, и я вам когда чем помогу, — посулил мужик в плащичке.

— А вы по торговой части?

Ни простоватым, ни косноязычным Чемоданов не был, когда-то и в театральной студии поигрывал, и стишки заучивал. Но придуриться, если надо, умел. Так проще. Дурость словно броня, прошиби, если сумеешь.

— В совместном предприятии, — сказал мужик, — но это не имеет значения. Я раньше в исполкоме работал. Время другое, но люди-то везде свои. Оставлю визитку, если что...

— Стартер, крестовина, — туповато перечислял Чемоданов, — колодки передние. Ну и работа. Масло менять?

— Все, что надо, — отмахнулся мужик, — чтобы год мне о ней вообще не думать.

— Девятьсот, — сказал Чемоданов, — если неожиданностей не обнаружатся.

Года два назад цена звучала бы дико. Теперь клиент даже не поморщился. А чего ему! Совместное предприятие, фирмач. Жулик исполкомовский. Разбегаются и тащат, кто чего ухватит.

— Годится, — кивнул мужик, — только тут вот такая деталька: в ведомости расписаться не затруднит?

— За что? — хмуро поинтересовался Чемоданов. К казенным бумагам у него доверия не было.

— За ремонт, — успокоил клиент, — этой же машины. Она у меня на фирму записана. Все законно.

Чемоданов молчал.

— Накину, — сказал клиент, — две сотни. Даже три.

Чемоданов нехотя кивнул. Хрен с ним, за три сотни можно и расписаться.

Он загнал машину в гараж и велел фирмачу прийти в понедельник после обеда.

— Может, с утра? — попробовал тот.

— Вам качество надо или абы как? — проявил твердость Чемоданов. Работы вдвоем было часа на четыре, не больше. Но мало ли что! Четыре часа на дело, двое суток на понт. Деньги-то за понт платят.

Юрка прислал еще клиента на «Москвиче» с помятым

¹ Эта повесть, уважаемые читатели, была закончена автором в конце 1991 года. В связи с этим в ней действует старый масштаб цен, менять который на современный мы считаем бессмысленным — ибо за те два месяца, что журнал будет находиться в производстве, жизнь может опередить самые смелые инфляционные фантазии (Прил. ред.).

задом. Крышку выправить и панель. Тут хозяин был понимающий, и разговор вышел другой. Шестьдесят рублей, с покраской девяносто. Тоже деньги.

* * *

Вечером он поехал к Маргарите.

Ритуля жила в хорошем месте, в хорошем доме, одна в двухкомнатной хорошей квартирке. Работала она в НИИ, чем-то руководила, еще подрабатывала — и денег, и возможностей хватало. Квартирка была ладная, уютная, без случайных вещей все к месту. И холодильник не пустовал, и пара бутылок в буфете всегда стояла. Современная независимая женщина.

Лет пять назад у них получился довольно плотный роман, оба завелись, даже в Ялту вместе сгоняли. Но Чемоданов к тому времени все свои семейные игры бесповоротно отыграл, да и Ритуля, пару раз налетев на углы его характера, поняла, что с таким мужиком спокойней быть в приятелях. На том и задержались. Не виделись порой месяцами. Но когда Чемоданов устал от холостяцкого бардака, когда тянуло в нормальный дом — попить чайку с вареньем, поваляться на мягком, послушать тихую музыку, почитать детективчик — он заваливался именно к Ритуле. Дня на два. Хватало. Самый срок на семейную жизнь.

— Слово-то какое нашла, — с удовольствием пожаловался Чемоданов, — спонсор. Вот паршивка маленькая! И в кого такая нахалка?

— В тебя, — ворчливо отозвалась Ритуля, — в кого же еще? Выпитый папаша.

Она умела сказать приятное под видом гадости. Умная баба. Они сидели друг против друга на кухне, но за чистой яркой скатертью, и чай пили из хороших сервизных чашек. Это был Ритулин принцип: если жизнь серая, так пусть хоть посуда блестит. И одевалась она всегда, как на выход. И мыло в ванной пахло заграницей.

— Всю жизнь, говорит, — развел руками Чемоданов, — вот так. Спонсор!

— Влип ты, Геночка, — вздохнула Ритуля, — наплодил дюжину, теперь вези.

— Ксюшку повезу, — кивнул он, — остальные уж пускай сами. Пешочком. Их много, а горб один.

— Балуень девуку.

— Балую, — подтвердил Чемоданов.

— Мать-то не взбрыкнет?

— Это ее сложности.

Ритуля погрозила пальцем:

— Сядет на шею — до пенсии не слезет.

— Это точно, — весело согласился он.

— Сколько их у тебя всего-то?

Чемоданов слегка задумался. Ритуля знала про него много, первой советчице и положено знать, но на эту рискованную тему дотошный разговор не возникал, просто пошучивали время от времени. Врать Чемоданов без большой нужды не любил, да Ритуле не очень-то и соврешь, умная баба, что есть, то есть. Можно было, конечно, замаять проблему — все мои, и точка. Но и уходить от прямого ответа было не в его натуре.

— Штук восемь, пожалуй, наберется. До трех считал, потом плюнул.

— Что так?

Она спрашивала, засыпая в чайничек свежую заварку, как бы между делом, для поддержания разговора. Он стал намазывать масло на хлеб и ответил тоже между делом:

— А какая разница? Я же не математик.

— Свои все-таки.

— Кто свой, а кто и не свой.

— Соседи помогали? — съязвила Ритуля, которую, похоже, начинала злить беззаботность собеседника.

Чемоданову шутка не понравилась, женщина это почувствовала и повернула разговор к делам практическим, к тому, ради чего он и приехал к ней на ночь глядя.

— Жить-то они где думают?

Чемоданов недоуменно двинул плечами.

— Парень с квартирой?

— Ничего не сказала.

— Прописка-то хоть есть? Не лимитчик?

Он и этого не знал.

— Чего ж не расспросил-то?

— Да не до того было, — усмехнулся он, — спонсор — вот и весь разговор.

— Спонсор — это хорошо, — не без досады возразила Ритуля, — но должен же ты иметь хоть какую-то информацию.

А если к тебе пропишутся?

Угрозу он не принял всерьез.

— Еще чего!

— Вполне реальный вариант. Надо же им где-то жить.

— Найдут. Пусть с матерью размниваются, у них двухкомнатная.

— А мать захочет? — усомнилась Ритуля.

— Это уж не моя головная боль.

— Смотри, — предостерегла она.

Чемоданов только хмыкнул да шевельнул ладонью — на этот счет его предупреждать не надо было. С трех квартир съехал, озлобясь, делил — с него хватит. Больше с места не уйдет. Какая нора есть, такая ему и годится. И попоинить

ни с кем не станет. Все было — и коврики у приятелей, и раскладушка в гараже. Было, но больше не будет. Есть квартира, а там и умрет.

— Четыре квартиры сменил, — сказал он, — а уж эта и умрет.

— А через год похоронят. Мумию. Взломают дверь и похоронят. Читал — старуху нашли?

— Делать мне нечего — газеты читать, — ответил Чемоданов, удивляясь не словам ее, а напряжению в голосе. Злитесь вы с какой стати? Причины не видно, сидят, чай пьют.

— Ладно, давай о приятном, — отвернула Ритуля от опасных тем. — Чего дарить собираешься?

— Кому? — не понял он.

— Молодым.

— Это еще поглядим, какие молодые.

— Ну уж невесте-то надо.

— Эта обязанность ему в тягость не была.

— Если положено... Чего дарить-то, а?

— Смотря какой суммой располагаешь.

— Ты скажи, чего дарить, а уж насчет суммы разберусь.

— Это у нее серьезно?

— Кто их нынче знает!

— Отец должен знать. Тем более такой, как ты. Ты же у нас специалист по девочкам. Кто там сейчас, Жанна?

— Да ты что? — возмутился Чемоданов. — Она-то при чем с ней и не было ничего, дежуришь в очередь, и только.

— С Жанной, правда, кое-что было, но всего раза два и так давно, что можно считать, и не было.

— Полысеешь скоро, — сказала Ритуля, — а все девочки.

— Фраза была нормальная, не обидная, волосами Чемоданов был пока что не беден — но вот интонация ему не понравилась.

— Не любил, когда давят. Было время, давили, и приходилось молчать — ох и паскудное время! Но теперь-то другое. Теперь над ним начальников нет. Хоть баба, хоть президент — на все плевал. Вот уже лет десять на него голос не повышали, а если повышали, жалели, что повышали. Так что от грубости отвыкли.

— Люди должны быть вежливыми. По крайней мере с ним.

— Чего это ты сегодня озверела? — полуболезненно спросил он, и это был не столько вопрос, сколько предостережение.

— Ритуля знала его хорошо и обычно держалась ровно. Но сегодня будто тормоз сорвала.

— А потому что слушать противно!

— Что именно? — спросил он уже с интересом.

— Да все! Ты вот зарылся в нору, а я каждый день у себя в конторе. Двенадцать мужиков в отделе — ты бы на них посмотрел! Дерьмо на дерьме. Даже зарабатывать не хотят. Единственное, на что согласны, — больше получать за то же безделье.

Сытенькие, гладенькие... Мразь! Целый день точат ляды и подсчитывают, сколько инженер получает в Штатах. Ну не дерьмо? — Чего ж таких набрала? Ты же начальник.

— А ты покажи мне других. Буду тебе очень благодарна. Вот покажи одного стоящего мужика!

— До Чемоданова вроде дошло. Все просто: месяца два не виделись. Время! И все эти месяцы надо же было ей как-то жить.

— Одинокая баба! Квартирка, конечно, что надо, но одной и тут не сахар. Может, мужик попался пустой, может, вообще никого не попало. Озвереешь!

— Что, не права?

— Чемоданов улыбнулся:

— Вот ты на них и ори. Я-то при чем?

— Она отвела взгляд, но сказала упрямо:

— А ты такой же, как все. Думаешь, лучше? Да один хрен!

— Баб наменял, детей наплодил, а сам сидишь в норе, как барсук, и ни хрена тебе не надо. Ты знаешь кто? Ты люмпен. Люмпен-мужик.

— То спонсор, то люмпен. Испортило вас образование.

— Конечно, люмпен, — повторила она, — ничего нет, и ничего не надо. День прошел, и слава Богу. Сторож! В сорок пять лет.

— Ты хоть задумывался, зачем живешь?

— А как же! — ухмыльнулся он. — Пока что для удовольствия. А там видно будет.

— Теперь, когда изнанка разговора была ясна, Ритулина ярость его только потешала.

— Ну вот чего ты в жизни путного сделал? — совсем уж разошлась она. — Ну хоть что-нибудь. Хоть карьеру. Или дачу бы какую-нибудь строил. А то как Мамай — одно разорение!

— Должен же мужик хоть чем-то заниматься?

— Чем-то должен, — согласился Чемоданов.

— Ну бабы — ладно, — скривилась она, — кобель есть кобель. А детей зачем настрогал? Они тебе чего — нужны? Настрогал и забыл. Ну вот зачем? На резинках экономил?

— Чемоданов почувствовал, что еще чуть-чуть, и ее совсем занесет, придется отвечать соответственно. Обижать Ритулю не хотелось, ссориться — и вовсе глупо. Он ответил холодно, словно бы отодвигая ее и взглядом, и тоном:

— Так сложилось. Устраивает?

— Она успокоилась так же неожиданно, как и завелась. Спросила с недоумением:

— А правда, зачем? Зачем, Ген, а? Разве ты их любишь?

— Кого как.

— Ну все-таки — зачем?

— Это была уже не прокурорская речь, а нормальный человеческий разговор, и он решил ответить по-человечески. Но объяснение, как оно все получилось, было слишком уж трудно, да

и к чему ворошить. Еще пожалеет, чего доброго. А к жалости у Чемоданова отношение было четкое: бандитов он не любил, но уж лучше быть бандитом, чем жертвой.

К сожалению, выходило так не всегда. Особенно поначалу. Насчет первой женитьбы был уверен: она же и последняя. Васька оползает, чем дальше, тем быстрее, элементарно растерялся. Растерялся, и все. Вроде вчера еще было здорово — любимый муж, любимый зять. И ничего ведь не произошло! А все изменилось. Теща командует, как слугой, жена чуть что — не нравится, уходит. А мальчишке уже пятый год, все видит, все понимает.

На работе мужики советовали: сам дурак, надо сразу поставить себя. Начал «ставить» — но какая же игра без козырей! Инженеришка, полтора ста целковых, кому ты нужен, еще хвост подымает... Так и докатилось до суда.

Ну, в суде все ясно, без проблем. Снял угол. Алименты грошовые, так ведь и зарплата копейки. К сыну не пускают. Пошел искать правду — везде бабы, налаживайте, говорят, отношения с женой. Наладишь, как же... В подъездах прятался, дурак, чтобы хоть увидеть парня, в детсады к забору подманивал. Даже в суд хотел подавать. Хорошо, адвокатша в консультации попалась честная, сразу сказала: «Молодой человек, не тяните пустые номера. Лучше заведите пару новых».

Завел как раз пару, одного за одним. Больше не успел. Купил Ваське подарок на день рождения, всех дел на червонец, а пошло! Свои рваные ходят, а тут мало, что алименты, еще из дому тянет... Словом, ультиматум, или — или. Хоть и глуп был, но понял: в этот раз уступит, всю жизнь будут им полы вытирать.

К третьему разводу готовился загодя: дочке хоть и порадовался, но любить ее не стал. Между прочим, как раз Ксюшку.

Ну, а дальше пошло совсем легко. И опыта поднабрался, и характер отвердел. Жить можно. Тут главное дело — с самого начала не любить. Не втягиваться. Не верить. Как с ним, так и он...

Ритуля смотрела на него, ждала. Поторопила:

— Так зачем тебе их столько-то? А?

Чемоданов ответил:

— Как со мной, так и я.

По глазам увидел — не поняла. А она ведь на то и существовала, чтобы понимать. Он не поленился, объяснил по сути:

— Вот ты смотри. Мне двадцать семь было. Два развода, трое детей. Ползарплаты на алименты. И живи! Прикинул — кругом затык. Одна радость, больше пятидесяти процентов не вычитают. Ну я и решил: как со мной, так и я. Раз — и пьянка — пусть на свете будет больше Чемодановых, а такая Пока говорил, в самом поднялась злоба, в ко

ся на матерок, хотя обычно нормальных слов ему вполне хватало. Прошлое все ж таки зацепило. Он даже забыл, зачем пришел. Вообще разговор выходил такой занимательный, что самый момент был встать и уйти. Но это походило бы на скандал, а скандалить с бабами Чемоданов уже давно себе не позволял. Схватившись с бабой, и получается как бы две бабы.

Ритуля тоже почувствовала запах паленого и мягко ушла от опасной черты: включила телек, кинула на сковородку мясо, притащила французский журнал с длинными машинами и голыми девками. Чемоданов листал его равнодушно: машины что надо, но ему на таких не ездить, и сучки хороши, ничего не скажешь, но ему их на спину не класть. Да и глаза больно уж профессиональны, души не видно. До койки дойдет, наши не хуже.

Время, однако, катилось к полуночи. Уходить, так сейчас. По ящику пошла программа на завтра.

— Ну чего, — спросил Чемоданов, — пойду, что ли?

Ритуля пожала плечами:

— Как хочешь.

— А ты?

— Знаешь, — сказала она с досадой и отвернулась, — реши сам. Я с девяти до шести за мужиков решаю, мне это вот так! Хоть тут реши.

Она встала и вырубилась ящик.

Чемоданов обнял ее со спины, ладони сами собой легли на нужные места.

— Дура, — сказал он, — ох и дура!

Все пришло в норму. Умная баба все равно баба, и деться ей от этого некуда.

Не то чтобы ему хотелось остаться, скорей даже нет. Но Ритуля была не только баба, но и друг, родной человек. И Чемоданов для друга постарался: умотал ее так, чтобы по крайней мере две недели не терзалась одиночеством. На то и люди, чтобы друг друга выручать.

Утром, за завтраком, уже деловито заговорили о Ксюшкиной дурацкой затее.

— Чего ты вообще об этом парне знаешь?

Чемоданов слегка задумался:

— Да пожалуй что ничего.

— Здорово зятя выбираешь!

— Я-то при чем? Ксюшка выбрала.

— А тебе все равно?

Тут он задумался поосновательней.

— Да нет, пожалуй, не все равно. Это ведь, может, и надолго. Хотя бы расспроси ее.

— Не ее надо, — ляпнул Чемоданов и тут же пожалел. Но было, проговорился.

Ясно, — сказала Ритуля, — все ясно. А не боишься, что пок развяжется?
Он постарался удивиться:
— Это ты о чем?
— Насколько я поняла, ближайшая ночь будет посвящена ке. Разве не так?
Чемоданов как мог возмутился:
— Да ты что! Я не самоубийца. Ей же двадцать лет. И добавил для пущей убедительности:
— Я умирать не собираюсь.
Ритуля не настаивала, спокойно обсудила с ним проблему адебных даров, предложила вместе пошастать по комиссион-м. Но когда он уже стоял в прихожей, вдруг сказала:
— Ты знаешь кто? Волк.
Сравнение было не обидное, даже лестное, но в сокровенную о суть Чемоданов сразу не врубился. Выждав паузу, поинтере-овался:
— А почему именно волк?
— Тишичный волк, — сказала Ритуля, — он в овчарню забе-ется, думает, овцу в зубы и домой? Как бы не так. Режет всех одряд. Надо, не надо, а режет. Натура такая. Вроде твоей.
— Ишь ты! — проговорил Чемоданов с уважением. Раньше н про серого зверя такого не знал.
Он чмокнул женщину в щеку и ушел. Сравнение с волком ему понравилось. Надо же — всех подряд! Выходит, и его довели...

* * *

Полдня Чемоданов провел в гараже. Подъехал Юрка, натяну-ли грязные комбинезоны и взялись за тачку щедрого фирмача. Сняли стартер, почистили, сменили пружинку и поставили на место. Видно было, что под капот месяца три не залезали, значит, и еще три не залезут. А там кто разберет, новый стартер или использованный. Остальное сделали на совесть, даже двига-тель помыли, даже диски наблистали и по никелям пастой прошлись. Пусть порадует. Может, еще когда завернет. Самый выгодный клиент. Жулик вонючий!
С «Москвичком» повозились, но то морока была приятная. Чемоданов вообще рихтовку любил, художественная работа. Берешь хрен-те что, вроде мягкой простыни, а выдаешь вещь, гладкую и блестящую, будто только родилась. Хотя если сбоку глянуть, видно, что тень на крышке багажника слегка западает. Чуть-чуть не довел. Учтем на будущее. В три часа уложились, девяносто на двоих, справедливая цена, ни мастеру не обидно, ни клиенту.
— К тебе на неделе фраер подъедет, — сказал Юрка, — «Вол-га» белая с противотуманными фарами, там амортизатор потек

и тяги разболтаны. Насчитай ему рублей на пятьсот. А то, гад, ветровку мне делал, полторы сотни сверху взял.
— Можно и пятьсот, — согласился Чемоданов, — вполне будет кстати. — И пояснил: — Дочку замуж выдаю.
— А у тебя чего, дочка есть? — удивился Юрка. Он знал, что напарник живет один, а до подробностей как-то не доходило.
— У меня все есть, — похвастался Чемоданов, — полный ком-плект.
— Да, сейчас свадьба — дело денежное, — сказал Юрка и с ух-мылкой предположил: — Разве что зятек подкиннет.
— Он подкиннет! — в тон отозвался Чемоданов и с некоторой растерянностью подумал, что вот и подкатился возраст, когда начинают полоскать зятьев.
— Ничего, — утешил Юрка, — для такого дела наберем. Под-ворачиваются варианты.
Они оттерли ладони бензином, переоделись и разошлись.
Чемоданов был доволен напарником. Легкий мужик. И дело сделали, и душой отдохнули, и Ксюхе с того мужского развлече-ния, глядишь, что и перепадет. Всегда бы так.

* * *

Самоубийцей Чемоданов действительно не был и умирать не собирался. Тем не менее субботний вечер он встретил в постели как раз с Викой, которой лишь недавно исполнился двадцать один и которая своим темпераментом вполне могла представ-лять угрозу для здоровья. В принципе Вика была ему не любов-ница, а приятель и союзник — старшая Ксюшкина подруга, единственный достоверный источник информации о дочке. По-единственным годом два назад, Ксюшка же ее и привела, потом Вика раз-другой пришла самостоятельно, ну и... Чемоданова она звала Геной и на «ты», но разницу в возрасте, похоже, уважала, во всяком случае, если звал, бросала все и приезжала немедлен-но. Поводы были только деловые, но если обстановка позволяла, как правило, возникало и безусловное: от касания, а то и от взгляда тело бросало к телу, и они возились в койке яростно и самозабвенно, как два борца в азартной тренировочной битве, за которую ни медалей, ни денег.
Вот и сейчас вышло именно так.
— Здорово с тобой все-таки, — ворчливо признала Вика, — хоть одно в жизни, да умеешь.
Это была ее манера: поворчать, а при случае и вставить гадость.
После чего они сразу же перешли к делу, ради которого Чемоданов ее и вызволил.
Происходило это рандеву не у него, то есть как раз у него, но не дома, а на работе.

Вот уже довольно много лет по основной своей профессии Чемоданов был сторож, по должности ночной дежурный — так когда-то придумало начальство, чтобы звучало престижней. Чемоданов однако за престижем не гнался, он был готов зваться хоть дворником, лишь бы условия те же. Поскольку работенка была — мечта.

Высотка НИИ торчала, как карандаш, весь первый этаж был в решетках, на дверях мощные засовы и на каждом шагу сигнализация — не из-за особой секретности, а потому, что институт как раз и занимался сигнализацией. Сторожить такой объект было одно удовольствие, тем более что тот, кто оснащал здание лет десять назад, слава Богу, оказался реалистом: в просторной дежурке помещался не только стол с креслом на колесиках, не только два железных шкафа на случай непредвиденностей, но и цветной телевизор и, главное, широкий диван, на котором можно было и спать, и не спать. Каждую неделю Чемоданов дежурил ночь или две, по скользящему графику, плюс в выходной целые сутки. Когда нанимался, его порывались сделать бригадиром, но он уклонился: там зарплата была сто сорок, а ему надо было — сто.

— Ксюшка звонила, — сказал он Вике.

Это не был вопрос, она и не ответила.

— Сказала, замуж выходит. Вроде не хохмила.

Опять молчание.

Тогда он спросил прямо:

— Ты этого малого знаешь?

— А то! — сказала она.

— Ну и как он тебе?

— Парень как парень. Прохиндей вроде тебя. Ни одной не пропустит.

Чемоданов нахмурился. В принципе качество не плохое — но не для зятя же.

— Лет ему сколько?

— Двадцать три. Или двадцать четыре.

— Отслужил?

— Справку достал, что псих. Тот еще мальчик! Везде вывернется.

— А специальность какая?

— В фотоателье работает, фотографу помогает. Ну и сам иногда...

— Заработок ничего?

— Да ну... Он больше бесплатно, девочек голеньких.

— Да, повезло с зятем, — усмешкой поощрил Вику Чемоданов. Но она опять замолчала.

Вика была хорошая девка, правдивая, спроси — ответит. Но о чем спросить?

— У них это серьезно? В смысле — женитьба?

— Во вторник заявление подали.

— И чего торопится? — с недоумением пробормотал Чемоданов. — Пожар, что ли?

— Пожара нет, — холодно возразила Вика, — у нее таблетки французские.

Не сразу поняв, он уставился на нее:

— Таблетки?

Вика посмотрела на него с вызовом:

— А чего ты так удивляешься? Презервативы, что ли, лучше? Да их шинный завод выпускает!

— Ей же семнадцать лет.

Особых иллюзий насчет Ксюшки у Чемоданова не было, нахалка хоть куда, но степень ее осведомленности слегка ошарашила.

Вика пренебрежительно фыркнула и поднялась с дивана.

— А семнадцать — что, мало? — сказала она. — Самый возраст. Как раз в семнадцать и скачут из койки в койку.

Чемоданов свел брови, ему не понравилась формулировка.

Вика босиком прошла к стулу с одеждой и стала натягивать трусики.

— Ты чего надулся? — спросила она с досадой. — Или думал, она у тебя еще девушка? Та еще девушка! Рот разинет — асфальт видать.

Фраза была ничего, но Чемоданов не засмеялся.

Вика застегнула лифчик спереди, потом развернула, как положено, легко насунув чашечки на крепкие груди.

— Ну чего ты? — снова сказала она, но уже сочувственно. — Делов-то! Сейчас жизнь такая.

— Дочка все-таки, — виновато объяснил он.

Вика влезла в джинсы, они плотно обтянули аккуратный задок. Чемоданов тоже стал одеваться.

Вика решила его утешить:

— Вообще-то он парень нормальный. Юморной. В компании с ним не стыдно, девки даже завидуют. Прохиндей — это да. А ты сейчас других знаешь? Сам-то какой? Вот и он под каждую юбку лезет.

— И к тебе тоже? — мрачновато пошутил Чемоданов.

Пауза вышла долгая. Лишь потом Вика нехотя отозвалась:

— Я ж говорю, ни одну не пропустит.

Вот тебе раз! Чемоданов даже рот забыл захлопнуть. Ничего себе... Из всех вопросов самым тревожным показался один:

— Ксюшка знает?

Она раздраженно хмыкнула:

— Ха! А кто же их познакомил? Не я, что ли? Да это все мура. У нас с ним и было... так, от нечего делать. А они вроде спелись.

— Ничего себе спелись. Заявление подали.
Вика наконец заметила его огорченное лицо.
— Да не трепи нервы! Делов-то. Вполне нормальный вариант. Я же всех ее мужиков знаю. Другие хуже были.

Утешила...
Чемоданов поставил чайник, но Вика ждать не стала, заторопилась. Надела туфли с железными передками, кооператив под импорт, дружески ткнула губами в его щеку и убежала. Хорошая девка, правдивая. Только на хрена ее правда? Что с ней делать-то?

* * *

В понедельник фраер в плащике заехал за машиной и остался очень доволен блестящими никелями. Он привез две ведомости, и Чемоданов расписался в обеих. Хрен с ним, не посадят же — в нашем-то бардаке! В нашем бардаке сажают, только когда хотят посадить. А этот из начальства, наверняка с начальством же и делится, все повязаны, кто же станет сажать своего.

На вечер у Чемоданова было мероприятие — преферанс. Два дня назад позвонил Степа оговорить время, и сошлись на понедельник. Место не оговаривали, оно не менялось уже лет пятнадцать. У Левки в мастерской, где же еще.

Если точно, мастерская была не Левкина, а народного художника Картохина, большого человека. Но большой человек жил на даче, там имелась другая мастерская, в эту он почти не заглядывал, и просторным помещением под крышей украшал собственный быт продолжатель рода, что, правда, помешало ему решить разные личные задачи, в том числе и продолжить род: то ли не хотел, то ли не получалось, то ли бабы не рисковали рожать от доброго, но бездельного и пьющего мужика. Но для компании Левка был человек золотой, а для Чемоданова к тому же школьный друг, можно считать, родственник, после одного из разводов кантовался у него чуть не год.

Компания сложилась давненько, просто подобралась четверка тогда еще молодых мужиков, кто больше, кто меньше знакомых, но с равной потребностью отдохнуть душой, расслабиться и восстановиться, хоть на вечер замкнуться от суеты в дружественной и снисходительной мужской компании. Что только с тех пор не происходило — руководящие бедняги в окошке селедка то недоуменно шевелили богатыми бровями, то жалко силились растянуть выдох на длинную фразу, менялась политика, исчезали продукты, росли заработки, валился рубль... А здесь ничего не менялось: все тот же старинный стол с прочной красноватой крышкой, у стены другой, резной, с кофейни-

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

ком, бутербродами и матовыми после холодильника бутылками пива, все та же «сочинка», пятисотка, по ноль-три, и распасовка всегда на висты, и пика обязаловка, а мизер перебивается девятерной. Традиция, ритуал, пятачок стабильности во всеобщем бедламе.

Когда-то они были Степа, Левка, Стас и Генаша. В убежище под крышей ими же и остались. Жизненный статус партнеров, конечно, претерпел изменения: Степа, хоть и в той же должности, обрел влияние, разбогател и теперь ездил на почти новой «Тойоте», Левка облысел и обрюзг, Стас вышел в доктора наук, а Генаша в сторожа — но это касалось лишь внешнего мира. Компания ощущала успешность карьер, пожалуй, лишь в одной детали: в эпоху тотального дефицита концертный администратор Степа ни разу не явился без пива.

Присловья за картами тоже были стабильны.

Вот и сегодня Степа плакался, уважал примету, Стас повторял, что карта слезу любит, а Левка твердил, что двух красных не бывает. Впрочем, Левка играл невнимательно, порой просто выпадал, подавшись к телевизору, где звук был вырублен, и Левка пытался определить, чья берет. Он служил в какой-то творческой конторе с малым жалованьем и неутомительным рабочим днем и вот уже года три увлекался политикой — ходил на Пушкин, на Манежную, в Лужники, а на демонстрациях носил радикальные плакаты, такие большие и красивые, что пару раз попадал даже в телевизионные репортажи.

Чемоданов сидел как раз напротив ящика, но его политика не отвлекала. Тем более митинг кончился, и теперь экран занимал бородатенький комментатор: кого-то клеймил, уличающе тыча пальчиком, что было нелегко, ибо маленькая его мордочка то и дело устремлялась вниз, к шпаргалке. Смысл речи Чемоданова не интересовал, но морда говоруна не нравилась, сразу видно, из прихлебателей. Впрочем, в последнее время все морды в ящике стали такие.

— Про кого он? — спросил Левка. Он напрягся, словно читал по губам. — Про Ельцина или Горбачева?

— Да плевать, — сказал Степа, — все равно он молодец.

— Кто молодец? — агрессивно напряжился Левка. — Ельцин или Горбачев?

— Оба, — сказал Чемоданов, — сделай снос, и ты будешь молодец.

— Ты сам-то кто? — поинтересовался Стас. — Демократ или патриот?

Левка ответил матом, и миролюбивый Степа, чтобы не обострять, уточнил за него:

— Демократ, демократ.

— Ну и дурак. Патриотам хоть платят. — Стас произнес это

с удовольствием, как, впрочем, и все, что произносил, потому что у него был густой красивый баритон.

— За доносы? — вскипел Левка.

— Какая разница? Все равно ведь деньги, — философски изрек Стас, разбирая карты по мастям.

Насмешки над Левкиной политикой тоже были традиционны.

— Валийте, — сказал Левка, — смейтесь. Вот введут танки...

Степа укоризненно проговорил:

— Парни, у нас преферанс или митинг?

И опять пошла приятная, веселая, в меру будоражающая кровь мужская забава.

Чемоданов все не мог отвлечься от Ксюшкиной женитьбы, было смешно, но больше тревожно. Молоденькая ведь и дура, много ли ей надо? Много ли и чего именно надо молоденьким дурам, он знал досконально, и знание это не утешало.

Он так ушел в свои мысли, что вместо ненужной червы скинул четвертую бубну, которую как раз и следовало держать до упора, чем высек из доктора наук длинную и красивую матерную фразу. Чемоданов даже оправдываться не стал, так очевиден и позорен был его промах.

Посреди пули сделали перерыв на пиво, неспешно обменялись новостями, не конкретно и потому не зло обругали баб и вновь взялись за работу.

— Не люблю играть, да деньги нужны, — почти автоматически проговорил Стас, сдавая.

— Это разве деньги? — в тон ему возразил Степа. — Вот если бы какие-нибудь там пиастры...

— Согласен и на наши, — вставил Чемоданов.

— А на хрена они тебе, стены оклеивать? — поинтересовался Степа и объявил козыря.

— Дочку замуж выдаю.

— Дочка — это святое, — отозвался Стас и тут же, не удержавшись, укорил: — Придержал бы в тот раз бубну, вот и были бы деньги.

Больше темы не касались, да Чемоданов и не собирался ее развивать. Зачем? Он свое сделал — проинформировал. Будет что сказать, сами скажут.

Когда расходились, выяснилось, что зернышко проросло. Степа придержал его за локоть и спросил негромко:

— Деньги правда нужны?

— Да не помешали бы

— Звякни завтра часа в четыре.

— Годится, — сказал Чемоданов.

Пока шла игра, он окончательно сориентировался в ситуации с Ксюшкой и решил заниматься только тем, что его касается. В конце концов как там у дочки сложится с ее прохвостом, не угадает никто. А вот с кем ей сегодня приятней в койке — это ей

известно доподлинно. Вот и надо, чтобы каждый занимался своим делом: Ксюшка своим дурацким, а он, как отец, обеспечивал тылы. Нынче без денег ни шагу, тем более молодым, им ведь главное, чтобы не хуже других. Так что тут выбирать не из чего. Дура, не дура, а дочка. С кого же ей тянуть, как не с отца? Тянет и правильно делает. Закон жизни...

Со Степой встретились на Страстном бульваре, и тот, сделав на своей «Тойоте» три привычных петли близ Арбатской площади, вырулил напрямик к «Праге». Очереди у ресторана не было, но и пускать не пускали, однако к Степе подобные сложности не относились. Чегоданов не расслышал парольное слово, да и вслушиваться не стал, не пригодится — он был не ресторанный человек. Степа же ориентировался в длинных угловатых коридорах, как в собственной квартире. И с метрдотелем в зимнем саду поздоровался за руку, и столик им выпал у стены, и официант как подвел, так и остался рядом. Степа прошил меню взглядом, но углубляться не стал.

— Володя, — сказал он, — вот это мой друг, и покорми его, как друга. Крепкого не надо, у нас дело. Все, что положено, и бутылку сухаря.

— У друга со здоровьем в порядке? — спросил Володя.

— Зубы есть, цирроз нет, — успокоил Степа, — наш человек.

— Пять минут, — пообещал официант.

Он не ходил и пяти минут — почти сразу возникла рыбка, свежие овощи и два острых салата, ради которых Володя, видимо, и интересовался здоровьем друга. Чегоданову он налил полный бокал, Степе треть и глянул вопросительно.

— За рулем, за рулем, — кивнул тот, — видишь, начальство вожу.

Официант засмеялся, спросил, устроит ли их шашлык, и отошел. Степа снял пиджак, приладил на спинку кресла, ослабил галстук и уселся вольготно, как за домашним столом. Они выпили, и Чегоданов побаловал рот тонко нарезанной, почти прозрачной от жира, слабо подсоленной тешей.

— Так вот насчет денег, — сказал Степа, — ты сейчас сколько выгоняешь?

— Да рублей шестьсот.

В среднем, пожалуй, как раз так и выходило.

— Еще года два назад это были деньги, — сказал Степа, — а сейчас — увы и ах.

— Одному-то хватает, — отмахнулся Чегоданов, — да вот девка, видишь, надумала...

— Она у тебя от какой? — спросил Степа, кое-что про него знавший — за картами мало ли переговорено!

— Вроде от третьей, — припомнил Чегоданов, — я в них запутался. Точно, от третьей.

— Есть вариант, — сказал Степа, — место, похоже, с перспективами, но надо еще присмотреться. Ты в культуре не работал? Чегоданов помотал головой.

— Ну и слава Богу, значит, глаз свежий.

Степа налег на салатики, Чегоданов тоже заработал вилкой. Слово «культура» не обнадеживало. Ну да ладно, не очень-то и рассчитывал.

Поодаль сели трое иностранцев, в таких хороших костюмах и галстуках, что не сразу и замечалось, что сами они, по сути, довольно мятые мужички. И почти тут же за столик рядом опустились две девки, похожие типом и манерой держаться. Открытые блузки, весь товар наружу, тонкие блестящие штаны настолько в обтяжку, что их можно бы и вообще не надевать. Тела были стройные, ухоженные, юные, зато размалеванные лица казались старыми из-за равнодушно-расчетливых глаз.

В мутной своей жизни Чегоданов со шлюхами дела не имел, не приходилось, была к ним какая-то брезгливость: и так все продается, а если еще за это платить... Умом, конечно, понимал, что у каждого свой промысел, и ихний, наверное, не хуже иных. Но уж больно некрасивы были подробности, и ничего, кроме брезгливой жалости, не вызывали ресторанные добытчицы, что часами болтаются от телефона-автомата до туалета или просто курят на диванчиках в коридоре, будто бродячие кошки, зорко дежурящие у помойки в ожидании очередного мусорного ведра.

— Что за место? — спросил он.

— Только не падай, — предостерег Степа. — Театр.

— Театр? — изумился Чегоданов.

— Театр.

— А я при чем?

Степа успокаивающе поднял ладонь:

— Все в норме. Говорю, значит, знаю. Театр — громко сказано. Студия, наполовину самостоятельность. Но это не важно, работать могут.

Разговор получался не деловой, и Чегоданов с удовольствием вспомнил, что сам когда-то занимался этим делом, еще в институте, блистать, конечно, не блистал, но пару раз рольки давали.

— Тут не драма, — мотнул головой Степа, — тут другое.

Он не договорил: официант Володя принес шашлык.

— Твои птички? — спросил Степа, кивнув на девок.

— Не, — сказал Володя, — эти через метра действуют, его система. Мои на юга укатили.

Шлюхи поняли, что разговор о них, перекинулись парой словечек, и одна из них подмигнула незнакомым мужикам просто и приветливо, как своим. Володя подошел к их столику, и девки заказали по чашке кофе.

— Так вот у них не драма, — повторил Степа, — у них эротический театр. Слышал, небось?

Чемоданов кивнул. Он и слышал, и видел как-то тусклую афишку, и по ящику однажды поймал кусок представления: худенькие сопляшки мотались по сцене неумело, зато почти голяком. Ничего, кроме сочувствия, Чемоданов к ним тогда не ощутил: жизнь трудна, конкуренция здоровущая, вот и вертят-ся, кто как может, ищут свой шанс. Словом, представление имел. Но вот Степину идею не улавливал. Его-то как можно к веселому делу приспособить?

Ресторан постепенно наполнялся. Иностранцам Володя принес новые тарелки, они потягивали вино медленно и не чокаясь. Европа! Шлюхи скучали, та, что подмигивала, подошла с сигаретой за огоньком. Степа дал ей прикурить и спросил:

— Не клюют?

Она, не удивившись, пожала плечами:

— Наверное, голубые. Там у них педиков туча хренова. А вы, мальчишки, кто?

У Степы рот был занят шашлыком, пришлось отвечать Чемоданову.

— Бизнесмены.

— Люблю бизнесменов, — изрекла гостя. Но колебалась она не долгие секунды — импортные бизнесмены явно устраивали ее больше своих. Затянувшись и благодарно помахав сигаретой, она отошла к напарнице.

— Тут свой эротический театр, — сказал Чемоданов. Так чего мне там делать?

Степа отпил минералки.

— Я ж говорю — присмотреться. Пока просто присмотреться. Что это такое. Серьезное дело или завтра развалится. Руководитель у них, говорят, талантливый, но пьет. Я видел одну репетицию, в общем, понравилось, в провинции вполне можно продать. Но у них сейчас дело не поставлено. Все бестолково. Ютятся в каком-то клубике, рекламы нет, девушкам платить нечем. Драмкружок. А у нас идея вот такая: присмотреться, и, если перспектива есть, взять на себя. Все, от и до. Транспорт, аренда, реклама, зарплата — все наше, ихняя только работа. Не сумели продать — горим. Наварили — навар наш. Как говорится, деловой риск. Но сперва нужен свой человек, который всю эту контору просветит. От и до. Потому что если решим, сразу придется солидно вкладываться. Мы затрат не боимся, но важно, чтобы ясность была.

Чемоданов спросил не сразу:

— А «мы» — это кто?

— Мы — это мы, — ответил Степа и шепотом постучал себя по груди. — Наша контора. В основном делаем гастроли, ну и все, что вокруг. Пока живем. Но сейчас время неясное, на одну

лошадь ставить нельзя. Вот я знаю малого, шесть лет группу возил. И все путем, они живут, и он в порядке. А в этом году два раза вывез — и оба раза в огромном минусе. Чего-то сдвинулось, и все — треть зала. А ребята с гонором, им свое отдай. Теперь на нем долг семьдесят тысяч. Конечно, не бедный, отдаст. Но ведь обидно! Годами наваривал, а за два месяца все ушло.

— А тогда чего же вы хотите рисковать? — удивился Чемоданов.

— А это диалектика, — сказал Степа и повторил, видно, слово нравилось: — Самая настоящая диалектика. Когда время неясное, на одной ноге стоять нельзя. У нас пока что стабильный плюс. Так вот, чем в налог сдавать, мы лучше свой плюс вложим в дело. Это же подстраховка. Скажем, рок не пойдет — пожалуй-ста, у нас есть и юмор. Юмора наелись — вот вам вокал, классика. В хорошем бизнесе должно быть все. И вот, например, эротика вполне ложится в систему. Это, брат, менеджмент!

Степа был курнос, светлоглаз, сидел мешком, и чужеземное слово клеилось к нему плохо, как и дорогой галстук, и туфли с пряжками.

Шлюхи за своим столиком малость продвинулись вперед. Они, правда, еще не подсели к иностранцам, но уже курили чужие сигареты, вслушивались в чужой разговор, и когда иностранцы смеялись, тоже ржали в масть, громко, но бестолково, поскольку смысл уловить не могли. Та, что подходила, все усаживалась и пересаживалась половчее, в результате чего стул ее теперь находился не столько у своего, сколько у соседского столика.

Специалистка, оценил Чемоданов, и такой хлеб даром не дается.

Тут общительная шлюшка, не переставая говорить с подругой, вдруг выгнулась, улыбнулась иностранцам и ловко стряхнула свой пепел в чужую пепельницу.

Ну класс, восхитился Чемоданов, дуры, может, и дуры, а дело свое вон как секут! Мастерство он уважал в любом ремесле.

Заглядевшись на девочку, он отвлекся от разговора и толком уловил лишь последние Степины слова.

— Ну система, — сказал он, — и что?

Степа глянул с удивлением:

— Как что? Если ложится в систему, так чего же упускать?

— погоди, — Чемоданов прищурился туповато, как делал всегда, когда надо было выгадать время, — это я понимаю. Но вот система — ты какую систему имеешь в виду?

Видно, вопрос был вовсе нелеп, Степа даже вилку отложил.

— Как какую? Нашу, естественно. Наша контора и так далее.

— У вас что, мафия, что ли, своя? — улыбнулся Чемоданов.

Он уже прикинул Степин вариант и, не вдаваясь в суть, решил, что не стоит. Чужая работа, чужой интерес. Ну деньги,

да. Зато в дежурке воля, а там небось от звонка до звонка. Всю жизнь менять. А на хрена? Она и так неплохая. А деньги — что деньги? Два лишних клиента в месяц, вот и деньги.

Степа шутку не принял, сказал серьезно:

— А хоть бы и мафия. Сейчас иначе не проживешь. У всех своя система, от и до.

— Это точно, — сразу согласился Чемоданов. Ему не хотелось обижать приятеля. — И у тех вон за столиком тоже система.

Но, видно, Степу здорово задело, он уперся на своем:

— Вот ты говоришь — мафия. Мы какая мафия? Мы мелочь. Мафия там, — он кинул взгляд к потолку. — Вот там мафия! Все схвачено. И законы свои, и прокуроры свои, а посадят, так и тюрьмы свои. Вот — система! А у нас так, самозащита... Вот мне, например, осенью в Сочи грушу везти, двенадцать концертов продано. А как я их повезу? Нет выхода на кассу — нет билетов. А гостиница? А площадки? Значит, все, кто нужен, должны быть в системе. А иначе что — как на охоту, так собак кормить? Все должно быть в системе, от и до. И те вон веселенькие, — он мотнул головой на шлюх, — тоже нужны. Вдруг понадобится мясо, мне их, что, у гостиниц отлавливать?

Девки между тем уже сидели с иностранцами, та, что побойчей, записывала телефон. Дожали все-таки!

— Ты чего не пьешь? — спросил вдруг Степа.

— Не тянет сегодня.

— А я бы с удовольствием.

— Ну и давай.

— А машина?

— Доброшу, — сказал Чемоданов, — не проблема.

Степа подозвал официанта, и на столе быстро возник маленький прозрачный графинчик.

— Водки охота, а больше ничего, — сказал Степа. — Бывает. Устал, наверное.

Он кинул стопку, поморщился, но закусывать не стал.

— Напряг большой, — словно извинился он, — все время в напруге. Слишком все неопределенно. Наши вот мужики дачи покупают. А я бы лучше фирму поднял. Но с нашей властью сам знаешь — сегодня обещает, а завтра грабанет.

Он снова выпил и опять не закусил.

— Значит, так, — сказал он, — вот тебе координаты, скажешь, от фирмы «Рампа», конкретно от меня. Должность выберешь сам, какую, не важно, все равно платить будем мы.

Чемоданов всунулся было сказать, что в театр не годится никак, но Степа замахал левой рукой — в правой была стопка.

— Ходи и смотри, больше ничего. Главное понять, развоятся они через месяц или нет. Семьсот в месяц — устроит?

Условия были такие, что язык на отказ не сработал. Чемоданов попросил подумать три дня.

— Идет, — кивнул Степа и принял третью, на этот раз основательно заев водку остатками салата. Потом поманил официанта и показал глазами на остатки еды: — Сколько?

— Рублей в восемьдесят, думаю, уложились, — сказал Володя.

Степа достал сотню и жестом усмирил Чемоданова, полезшего было в карман.

Поднялись. Степа поправил галстук и надел пиджак. Обтянутые девки, уже совсем скооперировавшиеся с гостями столицы, заметили это, и та, что уже подходила, почти бегом бросилась к ним, сунула Чемоданову визитную карточку и заспешила назад.

Иностранцы, что ли, послали, удивился он. Но глянув на карточку, удивился еще больше: там значилось «Антонина Егоровна Кленьева, менеджер». Он показал карточку Степе:

— Видал? Вот так-то.

— Не выбрасывай, — сказал тот, и лишь по замедленности речи почувствовалось, что водка дошла. — Будут в системе.

Еще на лестнице он отдал ключи от машины Чемоданову. Тот сел за руль. Сперва разговаривали, потом Степа стал клевать носом. Однако у подъезда, на воздухе, оклемался и бодро пошел к лифту.

А Чемоданов пешочком прогулялся до метро и поехал домой. День получился нормальный. Вообще жизнь нормальная. Завтра свободен, послезавтра свободен, а там суббота, сутки дежурить, чаек пить, телек смотреть, книжечку читать и спать до упора, разве что койка другая. Можно кого-нибудь позвать, если настроение будет.

Нормальная жизнь.

Какого хрена ее менять?

* * *

На этот раз дочкин голос узнавать не пришлось:

— Пап, привет. Как ты там?

— Да нормально. Ты-то как?

— А чего мне сделается! — беспечно прозвучало в ответ.

Перекинулись еще двумя-тремя положенными фразами, и лишь потом Ксюшка безразлично проинформировала: — В «Весну» ходили... ну магазин для новобрачных. Талон-то дали, не выбрасывать же.

Ясно, про себя усмехнулся Чемоданов, все ясно. Но настроение у него не упало, а даже поднялось. Выходит, нужен. Ну, а зачем нужен... Так ведь родители за одним только и нужны. Нормальное дело, закон природы.

Дочка замолчала, и он помог:

— Ну и чего там?

- Да страх один! Цены...
- Хоть есть чего-нибудь?
- Чего-нибудь есть...

От следующего вопроса Чемоданов воздержался. Спросишь — ответит, а ответит, надо покупать, вроде, сам навязался. Цена же и впрямь может оказаться превыше всех возможностей. Пусть уж Ксюшка сама излагает детали, тогда хоть остается свобода маневра, можно услышать, а можно и нет.

— Пап, — сказала дочка, — мы вот решили обручалки не покупать.

Произнесено это было так твердо, будто он настаивал, а она ни в какую.

— Уйма денег, зачем зря выбрасывать. Тут два варианта: или у кого одолжить на недельку, или медяшку купить. Ну не медяшку, сплав такой есть, очень похоже, барыги даже толкают за настоящие. Тоже, конечно, не даром, тридцатник штука — но ведь не шестьсот!

Чемоданов успокоился. Шестьсот — хоть цена теперь известна. Деньги не страшные. Однако еще и свадьба. Да и мало ли что выплывет... с таким-то зятком...

— Зятя когда-нибудь покажешь? — спросил он в лад не разговору, а собственным мыслям.

Ксюшка аж фыркнула от возмущения:

— Пап, неужели ты думаешь... Да, конечно, зайдём!

— Когда? — Чемоданов оглядел родное обиталище — бардак бардаком.

— Да в любой день. Позвоним и зайдём.

«В любой» — значит, по крайней мере не завтра...

Тем не менее с уборкой он решил не откладывать. Позвонил в контору. Дежурил старичок, Григорий Маркович, и Чемоданов попросил записать для Жанны, чтоб объявилась, как придет.

Жанна заступила в ночь и позвонила сразу же, как делала всегда: тихая студенточка из приезжих, еще не отвыкшая слушаться старших и в институте, куда попала с трудом, и в дежурке, где даже на уборщиц глядела как на начальство. Своеволие ей явно было не по карману: мать тянула троих, Жанна, старшая, уже лет с двенадцати подрабатывала по мелочам, да и теперь не ей присылали из дому, а она посылала в дом. Напарник она была уступчивый, всегда готова подменить.

Хороший человек. Раз выпал момент, когда тоска у них совпала. Чемоданов сразу понял, что девчонка не просто неумела, а ей это вообще ни к чему. Но для верности через месячишко повторил пробу: так и оказалось, не по той части, не для того рождена. Ну и плевать, люди разные, по-разному и живут. Если не зарываться, везения на всех хватит...

Он сходил на рынок, купил мяса, картошки, всякой зелени.

Готовить Чемоданов умел, как, впрочем, и стирать, и вообще все по дому: бытовая независимость в любых ситуациях делала уверенней и сильнее. В принципе, и прибраться мог бы сам, но эта мелкая деятельность была ему не по натуре. И вообще предпочитал, чтобы бабскую работу делали бабы. Тем более сейчас. Дочка жениха приведет — так неужто самому полы вылизывать перед будущим зятем?

Жанна пришла сразу после дежурства, с сумкой учебников. Разулась в передней, порадовала служебными новостиками: в дежурке сменили замок, а Григорий Маркович вычистил и запаял старый чайник. Разговор шел на «ты», но в остальном Жанна дистанцию соблюдала. Когда сели за стол, девчонка чуть не расплакалась, равнодушная столица не часто баловала ее настоящим харчем. Чемоданов и сам малость расчувствовался: хорошего человека и кормить приятно.

После ужина он прилег с газеткой, а Жанна прибрала со стола, переделалась в ванной и взялась за уборку. Чемоданов еще спросил лицемерно, не устала ли — она только помотала головой. И полы мыла, и мебелишку протирала она неспешно, на совесть, без пыльных заплаток по углам.

Чемоданов поглядывал на нее с умилением. В старом коротком халатике, босая — а старается-то как! Есть же хорошие девки. Так вот им как раз и не везет. Нет справедливости!

Ему пришло в голову, что вот Ксюшку, например, хрен заставишь отцу полы вымыть, лучше и не пробовать. Хотя, с другой стороны, на то она и дочка. Где такую дочку найти, чтобы об отце заботилась?

— Повезет кому-то! — сказал он, когда Жанна закончила. Не ахти была похвала, но ей хватило, аж засветилась. А ведь и вправду кому-то повезет...

— Выручила, — снова похвалил он и объяснил: — У меня ведь событие, дочка замуж собралась. Вот зятка приведет показывать. Приведет — а у меня, как в Париже, все блесит.

Жанна спросила, сколько дочке. Ответил, что семнадцать, глупа еще, вот и лезет в хомут. Поинтересовался, сколько ей — оказалось, двадцать исполнилось, и Чемоданов позавидовал: королевский возраст, как раз учиться да гулять, потом на эти радости времени уже не будет.

Чай она пила в его тапочках. Потом собралась уходить, уже обулась, куртку сняла с вешалки — и замаялась, словно задумалась.

— А то оставайся, — предложил Чемоданов, — поздно уже.

Она так же молча сняла туфли и аккуратно примостила их на газетке под вешалкой.

... Потом она неуверенно спросила:

— Ген, а почему я ничего не чувствую?

— Как это — ничего? — неискренне удивился Чемоданов.

Он прекрасно видел — ничего, опять ничего. Под ненужными ласками тело ее только сжималось и подрагивало, как от студеного прикосновения, ни на какие зовы не откликалось. Да и особо звать было неловко, девчоночья не по возрасту стыдливость словно бы защитно выставляла робкую ладонь. И чего осталась?

Впрочем, понять было несложно: в очередной раз, уже почти без надежды, проверяла себя. Вопрос ее легко угадывался заранее, Чемоданов заранее же решил удивиться — вот и удивился.

— Не знаю, — слабо шевельнула она плечом, — ведь другие девчонки чувствуют.

— Что чувствуют? — спросил он, словно терпеливый учитель, готовый мягко вразумить неумелого ученика.

— Не знаю, — снова сказала она, — страсть, наверное.

Чемоданов усмехнулся:

— Страсть... Надо же — страсть!

— Я холодная?

— Да нормальная ты! — отмахнулся он как бы даже с досадой. — Самая нормальная баба. И все у тебя нормально. Просто люди разные: есть такие, есть другие. И все нормальные. — Он говорил негромко, даже лениво, самой бытовой интонацией стараясь втемашить в нее покойное ощущение обычности. — Понимаешь, ты как все. Ни лучше, ни хуже. И все у тебя, как у всех. Вот ты пойми: есть, например, светленькие, есть брюнетки, есть рыжие. Кто из них нормальный? Да все. Ну допустим, ты рыжая — и что?

— Но ты же чего-то чувствуешь, а я нет.

— Сравнила! — возмутился Чемоданов. — Я же мужик. А ты девчонка, молоденькая, красивая. Да с тобой и пень почувствует!

Красивой она не была, знала это, и так привыкла жить некрасивой, что даже возражать не стала.

— Со мной не плохо?

— Скажешь тоже!

Он погладил Жанну по щеке — на эту ласку щека отозвалась.

— А говоришь, не чувствуешь, — как бы поймал Чемоданов, — все ты чувствуешь.

И вновь она не ответила на приятные слова:

— А рожать я смогу?

— Да хоть дюжину, — засмеялся Чемоданов.

Он знал, что перебирает, но не боялся перебора. Главное было избавить девчонку от неуверенности, а уж там разберет, где что лишнее. Уж ее-то не занесет. Такие, жестко муштрованные жизнью, знают точную цену и копейке, и слову, и протянутой руке.

— А замуж?

— Что — замуж?

— Ну... стоит или нет?

— А чего ж не стоит, если захочется?

Это он ответил сразу, но потом задумался. Тут уж вопрос был важный, что называется, жизненный. И трахнуться, и даже родить дело разовое. А постоянно жить рядом... Хреновое замужество, оно ведь может и хребет сломать.

— Только мужа надо выбирать с умом, — сказал он, — тут не любой годится. Всякому человеку надо свое. А тебе надо, — он весело потряс пальцем, — чтобы был друг. Прежде всего! Хороший человек. Понимаешь?

— А если ему со мной будет плохо?

Он понял, но сделал вид, что не понял:

— В каком смысле?

— Ну... вот так.

— Почему это ему вдруг будет плохо?

— Я холодная.

— Да ерунда это все! — отмахнулся Чемоданов.

Полежали молча. Он дождался, пока смутное шевеление в мозгу не сложилось в мысль, и лишь тогда сказал уверенно:

— Ты ведь все равно свою бухгалтерию зубришь, так? Вот и зубри, но не дома, а ходи в библиотеку. Ходи и поглядывай. И место выбирай, куда сесть. Тебе знаешь, кто нужен? Вот я примерно опишу, а ты запомни. Очкарик, тощий, умный, растрепанный, и чтоб рубаха грязная. Увидишь такого, и садись рядом. Вот он и есть самый твой. Будешь ему потом рубашки стирать.

— А что холодная? — снова спросила она.

Чемоданов вздохнул и поморщился:

— Опять двадцать пять... Холодная, горячая! Это же твои проблемы. Твои, а не его. Поняла? Молодому мужику что королева красоты, что дырка в заборе — один хрен. Он свой кайф получит! А очкарик зачуханный, тот и разницу не поймет. Сто лет проживете, и всем доволен будет.

Жанна долго собирала смелость на следующий вопрос:

— А что надо, чтобы был доволен?

Чемоданов успокоил:

— Это уже дело техники, выучишься. Все выучиваются. Вот хочешь, приходи раз в неделю, устроим с тобой вечерний университет. Научить всему можно. Вон медведь в цирке на велосипеде катается, а это небось потрудней.

Кончилось еще одной попыткой. Женщину не добудились, но девушка стала поласковой. Жанна в первый раз решила пошутить:

— Сойду для зачуханного?

Запомнила, удивился Чемоданов. Он сболтнул, а она запомнила. Подумал, вздохнул и объяснил серьезно и грустно:

— Зачуханные добрей.

* * *

Вечером в дежурку завалился Юрка и сказал, что есть халтура, легкая и быстрая, как раз под дочкину свадьбу. Старый клиент просит лобовое стекло для «девятки», а лучше два.

— Ну, а мы при чем? — спросил Чегодамов. — Связь какая?

Он конечно понимал, что раз Юрка завел разговор, связь есть — но скорей всего темная и опасная. А темных дел Чегодамов всегда избегал, темнота себя не окупала. Человек рожден для свободы, а не для тюрьмы. Если подопрет, дело другое. Но пока-то не подперло!

— Надо достать, — развел руками Юрка, хотя и без того было ясно, что раз стекла просят, а их нет, значит надо достать.

— По дворам, что ли, мародерничать? — презрительно бросил Чегодамов, и в самой интонации уже прозвучал ответ.

Юрка возмутился и даже обиделся:

— Да ты что, мужик? Я б такое и предлагать не стал. Что мы, ворюги, что ли? Нет, тут дело законное. У нас на старом складе валяются, как раз две штуки.

— Чьи?

— То-то и оно, что ничьи. Государственные! Какой-нибудь начальник заначил и забыл, а может сняли его. Так и валяются.

— А чего до сих пор не сперли?

— Их ящиками задвинули. Я на той неделе крыло для «пятёрки» искал, гляжу — лежат миленькие... Тот мужик давно просил, еще с полгода, да все не было. А тут, оказывается, есть.

— И чего надо делать?

— Вынести. И все. И деньги на бочку.

Можно было кинуть еще пару вопросов — скажем, при чем тут именно Чегодамов и так далее, но он не стал колебать воздух, поскольку ответы и так были ясны. Самому Юрке тащить не с руки, своя контора, узнают даже со спины. Да и комплекцией пожиже: одно стекло возьмет, а два не осилит. Так что без Чегодамова не обойтись.

— Клиенту-то говорил? Может, ему уже и не надо?

Это он спросил просто так, чтобы цену набить. Лобовик от «девятки» всегда нужен, в крайнем случае в запас возьмут, сейчас хватают все, что подвернется, чем больше, тем лучше. Было бы стекло, а клиент найдется.

Юрка заверил, что покупателю надо.

— Ну и где у них чего лежит?

Подробности Чегодамову не понравились. Ночь, забор, стенка склада — это не болт в кармане вынести.

— Три куска, — возразил Юрка.

Чегодамов подумал и решил:

— Романтики слишком много, лет на семь потянет. Деньги хорошие, но свобода дороже.

* * *

Этот голос узнавать не пришлось, как, впрочем, и манеру разговора. Хотя бы «здравствуй» сказала! Куда там — с первой же фразы претензия.

— Чего не звонишь-то?

— Так ведь и ты не звонишь.

— Мог бы поинтересоваться.

— Так и ты могла бы.

— Сын все-таки, — едко напомнила она.

— Это точно, — согласился Чегодамов, сберегая последний мостик для терпимого разговора.

От Клавдии, первой жены, осталась самая тяжелая, но и самая прочная память. Вот уж кого любил! Вот уж кого боялся потерять! Ну дурак был. И угрожал, и упрашивал, и подарки таскал. А всего-то и надо было чистить морду регулярно и без снисхождения. Сейчас бы вся жизнь другая была. И семья нормальная, и квартира, а не нора, и Вася каким бы мог вырасти! Ладно, проехали. Что могло быть, того, к сожалению, нет, а жизнь, она любая хороша, какая выпала, такая и ладно...

— Вася все спрашивает — чего это отец не звонит? Скучает же парень.

Чего ей надо, уже было ясно. Денег ей надо, вот чего, а то не стала бы и звонить. Год не возникала, а теперь вдруг сынок соскучился. И голос злой, потому что звонить неохота, а приходится. Раньше от такого ее настроения он бы три ночи не спал. Но те времена прошли. Прошли и не вернутся.

— Мог бы и сам объявиться, — ответил Чегодамов.

— Сам, что ли, молодым не был? Стесняется первый.

— Так мы ж вроде не ссорились, чего стесняться-то?

— А кто говорит, что ссорились? — слегка растерялась бывшая жена. — Просто не виделись-то сколько. — И сразу же упрекнула: — Ты бы хоть спросил, как он, что!

Помолчали. Упреки Чегодамов не любил никогда. Но тут уж делать было нечего, пришлось спросить.

— Ну и как он? — спросил Чегодамов.

Ответ не так уж и интересовал. Нормально он. Случись что, тон у самой давней из его жен был бы иной.

Она однако словно ждала этого вопроса:

— Повидаться надо, поговорить. Сложности у него.

— А сам не может рассказать? Где он?

— Да чай пьет.

— Вот и пусть расскажет, а уж там чаем займется.

— Сейчас, — сказала Клавдия неуверенно, — погоди минуту.

Чегодамов стал ждать. В трубке шуршало, потом пошли неясными всплесками голоса, слова не различались, но женский явно одолевал. Уговаривает. А он упирается. Еще бы, кому

охота хитрить да врать. Ничего, дождет. С мозгами дефицит, а вот это всегда умела.

И верно, дождала. В трубке появился мужской голос, низковатый, как и у Чемоданова, только пожиже.

— Привет, бать.

— Привет.

— Как ты там?

— Да вроде нормально. Живой.

— Пропал ты куда-то.

Ваське было явно неловко, но помогать ему Чемоданов не хотел.

— Куда же это я пропал? Как будто никуда не пропадал. Где жил, там и живу, ты адрес знаешь. И телефон тот же.

— Да я вот как раз хотел... — промямлил Васька.

— Раз хотел, так чего ж? Буду рад, — сказал Чемоданов без особой радости. Для радости было много времени, но раньше, только тогда сын не приходил.

Пауза вышла такой тягучей, что самого тянуло ее оборвать. Но — не стал, выдержал. И опять слышал, как зудит в трубке, понукая, женский голос.

— Тут вот мать чего-то... — наконец пробормотал Васька и с облегчением отдал трубку.

— Ген, ну чего, повидаемся, что ли? — сразу заговорила Клавдия. — Надо же решить...

— Чего решить?

— Ну вот и поговорим, чего.

Дальше пошли обычные ее штучки: сегодня занята, завтра с утра тоже, а вот часа в три могла бы вырваться, так что пусть к полчетвертому он подъедет к Кузьминкам... Как будто он ее уговаривал встретиться, да еле уломал.

— Не выйдет, — сказал он деловито, — не смогу. Значит, так. На Маяковке... ну, допустим, в четыре.

Вот так вот. Овес к лошади не ходит...

Опоздывать он не собирался, но троллейбус затерло в двух пробках, как раз и набежало пять минут. Не ахти какое время, но у Клавдии появился повод надуться:

— В своем репертуаре.

Он не ответил — не по делу разговор. Чуть-чуть раздражало, что плотная эта бабенка в толстом пиджаке, делавшем ее еще шире, с большими серьгами и большим кольцом все пытается навязать ему свой тон и самой манерой разговора словно бы качает права. Пустой номер — какие у нее права? Все ее права остались там, в весьма отдаленном прошлом. А тут у нее никаких прав нет — ни командовать, ни ворчать, ни даже надуть губы. Все, что может — попросить. А уж он подумает, как ответить.

— Чего там у Васьки-то? — поинтересовался Чемоданов, от-

секая все антимонии. Встретились поговорить, вот и давай говорить. По делу. Если дело есть.

— Плохо у Васьки! — произнесла она с вызовом, словно бы неурядицы сына укрепили ее позицию в разговоре.

— А говорил — нормально.

Может, именно так Васька и не говорил, ну да ладно, кто помнит.

— А у него всегда нормально, — Клавдия резко махнула левой кистью, потому что в правой была сумка, нарядная, но большая, как хозяйственная.

Она всю жизнь выбирала массивное: и сапоги толстые, и кофты толстые, и шапка сугробом, и в шубе катилась, как колобок. Отличать хорошее от плохого ей было не дано, вот и брала по весу, чтобы хоть в этом — наверняка.

Как же Чемоданов любил ее! Как жалел! Какой болью отзывались в нем тогда ее надутые губы! И когда все посыпалось, как же страшился, дурак, не за себя, а за нее да за Ваську, что погибнут, потонут в омутах жизни...

Ладно, обошлось, никто не погиб. И она вон цела, и Ваське двадцать... четыре уже, пожалуй.

— Сколько Ваське сейчас, двадцать четыре?

— Мог бы, кстати, и с днем рождения поздравить родного сына.

— Да и он мог бы родного отца. — Втягиваться в перебранку Чемоданов не собирался и вновь спросил с деловитой резкостью: — Так чего у него?

— Безвольный он, — сказала Клавдия, — компания какая-то.

— Какой же парень без компании.

— Ты бы посмотрел на эту компанию! Бездельники одни. Здоровые дураки, сидят во дворе, в подкидного играют. И на Ваську влияют. Последнее время вообще... Хоть раз в неделю, да выпивши. В ту субботу весь подъезд облевал.

— Значит, не втянулся еще, привычки нет.

— Ночевать не приходит.

— Ну и что? Тебе-то чего бояться? Он же не девка.

— С того года три места сменил, нигде не держится.

— А сейчас?

— Чего сейчас? — Клавдия раздраженно фыркнула. — Вот не могу его никуда приткнуть. Второй месяц болтается. Не грузчиком же его, все же техникум кончил. А деньги, между прочим, берет.

Парень как парень, подумал Чемоданов, сейчас они все такие. Лучше бы, конечно, был покрепче на задних лапах. Ну да сами хотели. Уж как он старался, а эту стену не прошиб. Объяснял, уговаривал, чуть не на брюхе ползал. Но он был проситель, а жена с тещей хозяева, вот и куражились по-хозяйски. Докуражились. Суки..

— Ну и чего думаешь делать?
Вопрос прозвучал безразлично, как он и хотел. В свое время сына от него отодрали. А теперь чего ж? Твой сын, ты и думай.

Она сказала в землю:

— Отвлечь надо. Ничем не занят, вот и пьет.

— А чем отвлечь? Надо же, чтобы он чем-то интересовался.

— Да он интересуется, — оживилась Клавдия, — это у него как раз есть.

Чем интересуется, она не сказала. Не сказала — он и спрашивать не стал. Это он давно усвоил, помогли: не лезь с советами, пока сильно не попросят.

Они так и стояли на приступках у метро, мешая выходящим, их толкали, а какая-то тетка тяжелой авоськой злобно въехала Клавдии по ногам. Та скривилась от боли. Чемоданову стало жалко ее: хоть и дура, и сука, а все же человек. Он мотнул головой в сторону и пошел неспеша, она заторопилась следом. Рядом, в саду «Аквариум», нашлась лавочка.

— Он машины любит, — сказала Клавдия, — машины и больше ничего. Целый день возился бы!

— Ну и чего ты предлагаешь? В автосервис устроить?

— В какой еще автосервис? — удивилась Клавдия. — Не пойдет он туда. И не надо. Уж вот где пьянчуги!

— А чего тогда? — громко и грубо спросил Чемоданов, злясь на себя, что все же влез с рекомендацией.

Клавдия молчала, глаза ее косили в сторону — вот уж точно ляпнет что-нибудь несуразное. Этот ее косящий взгляд перед очередной дурастью Чемоданов помнил слишком хорошо.

Так и вышло.

— Свою бы ему купить, — выдавила она наконец и втянула голову, будто ждала, что за умную идею тут же схлопочет по макушке.

— Чего — свою? — переспросил Чемоданов, не уверенный, что понял верно.

— О чем говорим-то? — огрызнулась она. — Не о телеге же! Машину, конечно.

— Ого...

— А чего «ого»? Двадцать четыре парню. У других, вон, уже в двадцать...

— У тебя что, очередь подходит? — догадался было он.

Но Клавдия снова фыркнула:

— Кто ж меня поставит!

— А тогда где купить?

— Где все.

— На рынке, что ли? Так это сколько же нынче стоит!

Ее слова были до такой степени неразумны, что даже раздражения не вызвали. Ну дура! Втемяшилось в голову — нет чтобы сперва разузнать, что почем...

Но оказалось, опять не угадал. Клавдия тут же согласилась:

— Жуткие цены! Вон пишут — по двести тысяч за «Волгу» дерут. Да и «Жигули»... Нет, про новую он даже не мечтает. Ему хоть какую. Тут вот мужчина подержанную продает, «Москвича». Двенадцать тысяч всего.

Чемоданов подумал немного.

— Сегодня за двенадцать тысяч... Это значит — здорово на ней покатались. Небось уж такая штопанная-клепанная...

— Вот и пускай возится, — сказала она, — пускай чинит. Зато на дурь времени не останется.

Чемоданов развел руками:

— Ну раз вы так решили... Если деньги есть...

Клавдия уставилась на него с возмущением:

— Есть! Это откуда же они у меня есть? Были бы — давно бы купила.

— А как же ты собираешься... — еще спросил было по инерции Чемоданов, но фраза усохла на середине. Чего спрашивать-то? Все ясно. Затем и позвала.

Клавдия поджала губы.

— Я думала, ты поможешь. Тысячи две, может, и наскребу, а больше... Больше мне взять неоткуда. Думала, раз в жизни-то... Для родного-то сына...

За последние десять лет они встречались от силы раз шесть. То вдруг поздравила с днем рождения, а через неделю выяснилось, что нужны деньги парню на велосипед. Нужны — дал. Потом Вася ездил летом на море — дал. Потом самого как-то прислала за деньгами, магнитофон захотел. Разговор с малым вышел пустой и томительный, оба тяготились, просто неудобно было сразу сунуть четыре сотни и отправить домой. Потом понадобилась импортная куртка на пуху — дал. Но машина...

— А мне где взять? — спросил Чемоданов. — Это ведь не велосипед.

— Сейчас двенадцать, — проговорила Клавдия, опять кося в сторону, — а через год будет двадцать.

— Да хоть сто! — взорвался он. — Где я их найду-то?

Бывшая жена уличающе прищурилась:

— Себе-то нашел!

— Что нашел? — не понял Чемоданов.

— Сам на иномарке ездил, а рухлядь старую для сына...

— На какой иномарке?

— На японской!

Он глянул на нее, как на больную. Ну занесло бабу...

— Чего смотришь? — усмехнулась она почти миролюбиво. — Думал, не знает никто? В Москве секретов нет. Ты вот по ресторанам разгуливаешь да на иномарках ездил, а что сына того гляди посадят, это тебе все равно.

Тут он наконец понял. Во анекдот! Это когда они со Степкой в «Прагу» ходили, а потом он за руль сел. То ли сама углядела, то ли добрые люди поведали. Вот, значит, почему позвонила. Ну что ж, выходит, он теперь миллионер.

— Сравнила тоже, — сказал он, — у меня в двадцать четыре и велика не было.

— Время было другое, — отмахнулась она.

— Да и с долгами еще не рассчитался. Иномарки сейчас знаешь почему? Платить и платить. — Он вдруг вспомнил: — Вообще момент неподходящий. Сам ищу, где бы обломилось. Ксюшку помнишь?

Клавдия высокомерно повела плечом:

— Я в твоих бабах давно запуталась.

— Это не баба, это дочка.

— В дочках тем более.

Клавдия стервозность все же взяла свое: она уже забыла, чего собиралась добиться, и теперь старалась лишь лягнуть пообидней. К паскудной этой игре Чемоданов относился, как к беспричинной уличной сваре: сам не ввязывался, но если лезли, рожу не подставлял. Драка так драка... Он согласился благодушно:

— Это верно, настрогал с запасом. Понимаешь, выросла девка. Замуж вот собралась. А свадьба нынче — сама знаешь. И то, и это, и рестораны всякие. Тысячи!

— А без тебя платить некому? — поинтересовалась Клавдия, и по тону он понял, что не промахнулся, достало.

— Да жених студент, — объяснил он и безнадежно махнул рукой, — чего с него взять? А с матерью у Ксюшки контры, мать тем более не даст. Да ты ее помнишь, Елена, учительница, длинноногая такая.

— А ты разве с ней расписывался?

Чемодановскими делами Клавдия никогда не трудила память. А раз забыла, значит, и нечего ей знать.

— Не в бумагах счастье, — сказал он и неопределенно повел рукой.

— А тогда твое какое дело?

— Ну знаешь, — пристыдил Чемоданов, — дочка ведь. Должна же быть какая-то порядочность.

Клавдия с трудом, но все же рассмеялась, ее только что не трясло от злости.

— Ты смотри, а? Наконец-то порядочный нашелся. Мамаша нагуляла Бог знает от кого, а он теперь свадьбу оплачивает. Для сына, родного, законного, рубля не найдется, а доченька с неба свалилась — ей пожалуйста, тысячи на ресторан! Ну порядочный...

Чемоданов сокрушенно вздохнул — этот театр ему все больше и больше нравился. Потом протворил проникновенно:

— Ох, Клавдия, до чего же ты недобрая. Ведь сама женщина, должна понимать. Мы с тобой свое отворковали...

— Ты отворковал, как же!

— Мы отворковали, а для девчонки свадьба — событие. Кольца одни знаешь почему? А подарки? Серьги, например, или цепочка. Мы с тобой взрослые, мы понимаем — а ей-то хочется не хуже, чем у людей.

Тут Клавдия закинулась, понесла невесту что, и про нагульную дочку, и про дурака-папашу, над которым все небось смеются, дочка первая...

— Да нет, она меня любит, — миролюбиво возразил Чемоданов, — любит...

Он и дальше это повторял, отчего бывшая супруга только зверела. Потом пошел вовсе цирк. Она вопила, что он, дурак, еще наплачется, да поздно будет, а Чемоданов бубнил, что кольца надо, серьги надо, платье надо, фату надо, на юг после свадьбы надо... В общем, ловил кайф, как мог.

И вот ведь странное дело — чем больше нес околесицы, тем больше самому казалось, что так оно все и есть, и дочка любит, и жених уважает, и свадьба не свадьба без золотых колец. Сам себе мозги запудрил. Ну не анекдот, а?

Кончилось тем, что Клавдия пустила матерком, сорвалась с лавки и дунула к метро, злобно топая короткими ногами. Тогда Чемоданов кончил играть и негромко кинул вслед:

— Ну-ка стой!

Результата не ожидал, но команда неожиданно сработала, Клавдия остановилась.

— Пускай Васька сам зайдет, — сказал Чемоданов, — с утра завтра. Хрен с ним. Сын все-таки.

* * *

Марафет в квартире наводился для зятя, а достался сыну. Впрочем, на парня отцовское жилище впечатления не произвело. Они сидели на кухне и дожимали вторую турку, хоть Чемоданову кофе не хотелось, да и Ваське вроде тоже — зато оба были при деле и имели возможность освоиться и разогреться для разговора, мало приятного для обоих.

Парень был рослый, порода сказала, но сидел мешком, горбился, руки тонкие, словно бы вовсе без мышц. Баба растила, вот и вырастила по своим мозгам. Туда не бегай, с тем не водись, с этим не дерись... А как мужику после жить, как за себя бороться, этого она в своей пустой башке не держит, ее дело сперва паскудить, а потом виноватых искать. А, ладно, хрен с ней.

— Бать, а чего ты квартиру не сменишь? — спросил мальчик.

— Зачем, — возразил Чемоданов, — какая разница?

— Большая-то лучше.
— Ничего она не лучше, — уверенно возразил он, — для жизни и такой хватит, а важнее жизни все равно ничего на свете нет.

Для жизни Чемоданову этой конуры хватало с запасом. Плита есть, холодильник есть, за стол шестеро вполне усядутся, а больше он и не позовет. Телевизор и тот есть. Даже антресоли имеются, где уже год хранится полный комплект «жигулевской» резины, самая надежная сберкнижка, процент на нее идет такой, что ахнешь. И кресло есть, и зеркало, и, само собой, старая румынская кровать, широкая, при необходимости и для двух девок места хватит, а трех ему все равно не осилить, годы не те. Нормальная квартира, какого еще рожна надо?

Когда-то Чемоданов, как любой всякий, радовался красивой модной тряпке, хотел на стену коврик, а на пол палас. Ну да жизнь учит. Жить надо так, чтобы никого завидки не брали. Самый счастливый человек — у кого нечего украсть.

Видно, Васька все не знал, как перейти к сути, и, не умея повернуть к новой теме, продолжал мусолить старую:

— На двухкомнатную бы сменял.

Чемоданов усмехнулся:

— Это где же найти благодетеля, чтобы из большой поперся в маленькую?

— С доплатой, конечно.

— Так ведь сейчас доплаты-то!

Парень чуть заметно хмыкнул и отвел глаза.

Вот оно что, понял Чемоданов. Молодец, кумекает, все верно: кто на «Тойотах» раскатывает, тот и на доплату найдет...

Все было ясно, если что и оставалось, так это выпить еще по чашечке кофе. Чашки были разномастные, в трещинах. Чемоданов вновь дал гостю ту, что поцелей, и вновь Васька глянул на нее с недоумением.

Наконец парень решил:

— Бать, тут мать говорила...

Пауза.

— Ну? — пожалел Чемоданов.

— Насчет машины-то.

— Ну-ну?

— Так вот как мне — говорить, нет?

— С кем? — не сразу сообразил Чемоданов.

— С хозяином.

— Что за машина?

— «Жигуль» тринадцатый.

— Сколько прошел?

— Вроде восемьдесят.

— Ладно, это не важно, скрутить можно и до двадцати... Года какого?

— Точно не помню... Семьдесят девятого, что ли?

— Гнилой небось?

— Не знаю.

— На яме не смотрел? Ну крылья хотя бы.

— Бать, ну я же ее пока что не видел.

У Чемоданова сломались брови, левая полезла вверх:

— Ну ты купец! А о чем мы тогда толкуем-то?

— Бать, ну чего смотреть, если денег нет? — защищался Васька.

— Берем не глядя?

Малый замолчал, и Чемоданову стало жалко его. Жалкий парень, ни воли, ни хватки. Как жить будет?

Но тут Васька на секунду вскинул глаза, и оказалось, что не все в нем так уж прозрачно. Уж больно взгляд был деловит. Выходило, каждый играл в свою игру: отец старался понять сына, сын оценивал отца. Причем не так уж высоко оценивал. Мать велела попытаться — он и пытался. Выйдет так выйдет, нет так нет.

Если разобраться, иного и ждать не стоило. Взрослый парень, четвертак уже, какой ни есть, а мужик. Свои планы, свой характер. Если имеется характер.

С мужчиной, по идее, и разговаривать полагалось как с мужчиной.

— Ладно, Василий, — сказал Чемоданов, — давай по делу. Что там за рухлядь тебе всучивают, значения не имеет. Сейчас денег все равно нет, а через год-полтора или «Мерседес» этот весь сгниет, или рубли будут другие. Тут ведь что важно? Ну возьми металллом, допустим, — так ведь надо еще до ума довести. А это, считай, вторая цена. Или сам сделай, своими двумя. Ты машины когда чинил?

— Помогал приятелю, — уклончиво отозвался Васька.

— Чего делал?

— Ну...

— Отвертку подавал?

Парень снова отвел глаза, лицо поскучнело — переживал нотапию. Глядя на сына, поскучнел и Чемоданов.

— Вот тебе деловое предложение, — сказал он, — попробую устроить тебя на сервис. Самое перспективное дело. Во-первых, деньги, во-вторых, калым, в-третьих, специальность. Захочешь, по выходным будем вместе подрабатывать, тут варианты есть. Ну, а если жестянку освоишь, тогда вообще хозяин жизни.

— А сколько там выходит? — поинтересовался Васька не слишком охотно.

— Постараешься, и семьсот выгонишь.

— Нормально, — сказал сын и зевнул.

Бог ты мой, сколько же крови стоил ему когда-то этот малый!

Как ловил его Чемоданов во дворе, караулил в подворотнях, подманивал сквозь оградку детского садика, а потом, позже, ждал у школьных ворот! Дико казалось: как это вдруг он без Васьки, а Васька без него? Мальчишка капризничал, кривился, приходилось подкупать его мороженым, конфетами, мандаринами. Ладно, думалось, вырастет — поймет.

Васька вырос и понял годам к тринадцати, к тому времени Чемоданов развелся еще два раза — отчасти, кстати, потому, что по-прежнему главной своей семьей и жизненной обязанностью видел Ваську. А тут у школьных ворот длинненький подросток проговорил хмуро:

— Ты не приходи пока — мать злится. А к школе вообще не надо. Мы ведь фамилию переписали.
— Как переписали? — не понял Чемоданов.
— Ну мою. А то все Перфильевы, я один Чемоданов.
— Стоп, — тупо поднял ладонь Чемоданов. — Так ты теперь кто?
— Перфильев! — словно бы огрызнулся сын и посмотрел с вызовом.

Тут до Чемоданова дошло:

— А, понятно. Вроде бы и не родственники, да?
— Родственники, но... — Васька помедлил и выкрикнул резко, словно обрывая последнюю между ними нитку: — У тебя же есть своя семья? Ну вот и у меня своя!

Резкость Чемоданова не поразила, мало ли чего говорится запале — поразили досадливый, а главное, нелюбящий взгляд, жуткие глаза уперлись в него и будто отталкивали.

Тут главным оказалось не сорваться, никак не сорваться, ни в какую сторону, ни в грубость, ни в жалкость, вообще не дать слабину. И Чемоданов не сорвался, не уронил достоинство мужика и отца — вот только странно было, что далось это так легко. Просто спросил иронически:

— Так ты чего, и отца поменять?
— Ничего я не менял. Просто... Ну лучше мне так. Понимаешь?

Опять слова ничего не значили. Значило другое: что говорить с ним сыну неохота. Не то чтобы об этом именно, а вообще — говорить.

Ну что ж, неохота так неохота.

Оба молчали, но не расходились. Что думал в ту минуту сын, было неясно, — но это вдруг перестало Чемоданова интересовать. Он смотрел на угрюмо враждебного парня и пытался понять себя. И чего так держусь за этого пацана, вдруг задал себе вопрос Чемоданов. Ну сын. Ребенок, да. Так ведь есть и другие. Чего именно к этому прилип? Ну не любит. И хрен с ним. Жить что ли без него нельзя? Сын — это когда любит, когда вырастет и получится друг, надеяться можно, ни в какой передрыге не

заложит. А это разве сын? Вон и фамилию сменил, покрасивее выбрал...

— Понятное дело, — сказал Чемоданов, — рыба где глубже, человек где лучше. Валяй. Я же не против. Если что, телефон знаешь...

Телефон парню понадобился года через два, потом еще через годик. Деньги Чемоданов давал. Интересно было, как дальше: проснется в малом совести или не проснется.

Теперь, можно считать, эксперимент закончен. Не проснулась. Крепко спит.

Чужой здоровый мужик сидел перед ним на стуле, и не надо было ему ничего, кроме денег.

— Ну что, — спросил Чемоданов, — звонить насчет тебя или как?

— Куда? — оживился Васька.

— В сервис, куда же.

— А... Да пока погоди, прикину малость.

— О'кей, — согласился Чемоданов.

Погодить — это можно. Хоть и долго придется. Ничего, время есть.

Сын вдруг быстро заговорил:

— Ну вот гляди. Три месяца учиться, не меньше, так? Ну допустим, даже потом... вычеты, то, се... чистыми полкуска. Это сколько же собирать? Года два, не меньше.

— Больше, — уверенно поправил Чемоданов, — ты еще ремонт не посчитал. Даже если руки свои, части-то все равно казенные. Все не вынесешь, что-то да придется покупать.

— Вот именно! — подхватил парень.

Чемоданов не прерывал. Чего прерывать, все ясно. Васька не слишком и крутил, идея просвечивала. Мол, три года, это еще дожить надо, мало ли что за три года... Вот если бы машину сейчас, а уж потом пойти в сервис...

Малый кончил и ожидающе уставился на отца. Но и Чемоданов глядел на него, как бы ожидая продолжения. Тот повторил:

— Сейчас бы купить, а года за три я бы эту сумму как раз и заработал. Предлагают — сейчас бы и купить.

— А деньги? — спросил Чемоданов. — Деньги-то есть?

Васька собрался с духом и наконец-то спросил в лоб:

— Ты не можешь?

— У меня таких денег нет, — покачал головой Чемоданов.

— А достать на время?

На время — это хорошо. Уточнил бы, на какое. Уж он отработает! Чемоданов сказал спокойно, но твердо, чтобы закрыть вопрос:

— Мне достать негде.

— На иномарку-то достал.

Васька проговорил это негромко, как бы даже не укоряя —

просто напомнил. Видно, с самого начала держал в голове. Ну ясно, держал. Клавдия дура, ей сам Бог велел. Но этот-то, думалось, поумней. Да, повезло с сынулей...

Взрослый ведь мужик. Молодой, но взрослый. И никакого желания хоть палец о палец. Все ему в руки подай. И на это кто хочешь согласишься, даже нелюбимый отец. Два года не объявлялся, а запахло деньгами — и вот он тут.

Вырастила Клавка! Сука...

Чемоданов вздохнул, прищелкнул языком. Но боль его была о давнем, о маленьком Ваське, о том, кого подманивал к забору детсадика. Хороший был пацан... А этот, сидевший напротив, почти не трогал — чужой и чужой.

— Мои возможности как раз на иномарку все и ушли, — сказал Чемоданов, — больше взять негде.

Парень недобро фыркнул:

— Мне тем более негде. Честным трудом такие не зарабатывают.

— Это верно, — согласился Чемоданов, — деньги большие. Так ведь у нас пока что социализм, крепостных нет. Каждый ворует сам на себя.

Васька не возразил. Он, похоже, понял, что разговор кончился, каша не сварилась, и лишь ловил момент уйти.

Вот и пусть уходит. Вырос. Ему теперь, кроме жизни, никто ума не прибавит. Ни на что не способен: ни заработать, ни выпросить, ни украсть.

Ксюшке хоть давать приятно. Дочка...

Видно, усмешка получилась неожиданно ласковой, потому что сын глянул недоуменно:

— Ты чего?

— Да так, — ответил Чемоданов.

Все в норме. С сыном не вышло, зато дочка есть. Все в норме.

Привкус от разговора остался паскудный, хотелось его чем-то перешибить. Чемоданов позвонил Маргарите, и они, как и было договоренно, отправились за подарками к свадьбе.

Сумма по текущим временам имела скромная, но все же деньги. Тем более Ритуля по части покупок была большой специалист. С женихом разделились быстро: обтрепанный старикан в ветеранском магазине на свою инвалидную книжку за умеренную мзду приобрел импортный шарф с шикарной напелкой: носи, не хочу. К невесте, разумеется, подход был иной, все же дочка. Кончилось ювелирной комиссионкой, где Ритуля приглядела золотое колечко с резьбой, годившееся и как обручальное, и как нарядное. В принципе, можно было и уходить. Но Чемоданова приманила серебряная фигурная цепь, красивая

и дорогая. Ритуля две драгоценности в один день не одобрила, но он настоял и даже занял у суровой советчицы недостающие три сотни.

Дискуссия про воспитание шла уже на улице.

— Балуешь девуку, — холодно остерегла Маргарита. Он благодушно согласился — точно, балует.

— А зачем? Думаешь, на пользу? Это ведь вариант известный: мать злая, отец добрый или наоборот. А потом оба локти кусают — вырастили дитяtko.

Чемоданов подумал и объяснил серьезно:

— Нам с тобой трудно живется, так? А девкам, думаешь, легко? Тоже всякого хватает. А там еще, гляди, жажнет какой Чернобыль... Что с нами дальше будет, никому не известно. Есть возможность — надо баловать. По крайней мере будет точно знать, что хоть один человек, отец родной, ее любит.

— А она отца родного?

— И она, — убежденно ответил Чемоданов.

— За подарки?

Он усмехнулся несерьезности ее подкола:

— А кто же нынче любит родителей за так? Лично я таких детей не знаю.

— Смотри, — сказала Маргарита.

Возраст, подумал Чемоданов. Не любит девок, и не за что ей их любить. Они — на ярмарку, прихорашиваются, наряжаются, щебечут, и будущее перед ними, как картинка. А она, хоть и цепляется, уже зависла, чуть-чуть — и под откос, для нее-то подарки уже не выбирают.

А что поделаешь? Рано или поздно всем предстоит...

— Еще ведь свадьбу оплачивать, — напомнила Ритуля, — не забыл?

Свадьбу он, надо сказать, заглядевшись на драгметаллы, как-то упустил. Но большой тревоги это не вызвало. Вывернется, не в первый раз. В конце концов не каждый день любимую дочку замуж выдаешь...

В какую цену нынешние свадьбы, Чемоданов не знал, но в одном был уверен наверняка: лишних денег в таких делах не бывает, тут чем больше, тем лучше. Он позвонил Юрке и попросил заскочить. Оказалось, все на точке замерзания, и клиент не раздумал, и стекла на месте, и цены на них уж точно не упали. Вновь прошлись по деталям, и Юрка даже нарисовал план, где там что размещается.

Чемоданов все же спросил:

— А поймают?

Юрка отмахнулся:

— Кому там ловить? Старик и две бабы. Ну возьмишь с собой сотни три.

Чемоданов подумал, что три сотни, пожалуй, будет даже много, в принципе, хватит и одной. Хотя, с другой стороны, запас карман не тянет. Тем более что деньги у Юрки нашлись, как раз три сотни.

Откладывать решенное дело смысла не имело. Они стогнали в гараж, и Юрка нависнул на крышу своего «Жигуля» багажник.

Ночью все вышло почти по-нарисованному. Забор Чемоданов перемахнул легко, и железный лист в нужном месте легко отвел в сторону, и внутри не заблудился, всего-то пару спичек извел, и стекла вытащил по одному прямо в картоне. Во дворе, в тени склада, в негустой городской тьме крепко перевязал добычу бечевкой, чтобы ловчее потом спускать с забора.

Но кое-что все же получилось не по бумажке. Когда Чемоданов с неудобной ношей обходил цитовую, за спиной негромко, но твердо скомандовали:

— А ну стой!

— Это можно, — ответил Чемоданов и остановился, так и держа на весу две здоровые связанные картонки. Он не обернулся, тем более не опустил груз. Тут главное было поменьше шевелиться. А то пальнут от неожиданности, хрен его знает, что там у этого командира в передних лапах.

Влип, подумал Чемоданов. Чем еще обернется? И на хрена сдались дурные деньги? Жил ведь без них...

Сзади молчали. Тогда он спросил:

— Ну и чего делать?

— Поворачивай давай и иди.

Это было уже кое-что. Чемоданов не спеша повернулся. Уже по скрипучему голосишке понятно стало, что дежурит не баба и не какой случайный подменщик. Так и оказалось — старик.

— Чего уставился? — спросил охранник.

— Вот тебе и раз, — с укором произнес Чемоданов, — напугал до смерти, а теперь — чего уставился? Ты, папаша, прямо убивец.

— А ты вор, — огрызнулся старик.

Ему было, пожалуй, под семьдесят, но возраст пока что роли не играл, поскольку ружье он держал умело. Впрочем, как раз годы могли тут что-то и значить.

— Воевал, что ли?

— Не твое дело, — отрезал старик, — иди.

— Куда?

— Вперед иди.

— А с этим чего? — спросил Чемоданов и указал на свою ношу подбородком, ибо больше было нечем.

— А это неси.

Боевой оказался дедуля. Пришлось тащить стекла до самой

проходной. Что, впрочем, Чемоданова вполне устраивало, чем ближе к выходу, тем лучше. Культурные люди и должны выносить краденое через ворота, а не через забор. Вот только Юрка, небось, заждался — ну да ладно, потерпит, ничего с ним не делается.

Теперь Чемоданов был спокоен. Старика он не боялся. Дедуля оказался хоть и стрелок, но явно не убивец. Седенький, умеренно лысоватый, мелкой комплекции, с добродушно-растерянным лицом. Ну тычет своей мортирой в живот — так то должность такая.

В принципе уже сейчас можно было избавиться от конвоира. Руки заняты — это, конечно, плохо, но в чем-то и хорошо. Два импортных стекла не броня, но все же защита, дробовик так просто не прошибет. Опрокинуть щит на старикана, самому на землю и носком ботинка по ногам — пожалуй что номер и пройдет, либо ружье дуrom выстрелит, либо дуло отклонится. А с таким стражем много не надо, только бы ухватиться за ствол.

Но никакой необходимости в резких телодвижениях Чемоданов не усматривал. Чего лишний шум подымать? Да и стекла не затем добывал, чтобы тут же гробить. Идут и идут, даже не поговорили толком, так что никакой причины суетиться.

В дежурке при проходной Чемоданов поставил товар у двери, а сам сел на стул рядом. Стул был кособоким, из сиденья лезла вата. И стол в комнатухе был соответственный, под драмой клеенкой, с жестяной из-под мятая вместо пепельницы, и лампочка под потолком голая и грязная, и диван у стенки — лучше не смотреть. Да, помещенье. В такую дежурку бабу не приведешь, никакой заботы о людях.

Из опасных предметов имелся телефон, многократно битый, перевязанный клейкой лентой крест-накрест, как раненный герой. Однако мог ведь и работать, вполне мог.

Старик сел за стол, ружье в руках.

— Хреновое у вас начальство, — осудил Чемоданов, — разве ж это обстановка? Сторож ведь тоже человек.

Дед не ответил.

Чемоданов достал сигареты.

— Ты насчет покурить — как?

Опять молчание.

— Да кури, не бойся, — сказал Чемоданов, — не побегу. С товаром догонишь, а без товара мне нельзя. Кури.

Он положил на стол сигарету, толчком подвинул к старику. Тот покосился на курево, но не взял. Упорный дедуля.

— Ну, — сказал Чемоданов уверенно, будто именно он был здесь хозяин, — давай-ка рассказывай, чего порядочных людей пушкой пугаешь? Хорошо, на меня налетел, а другой бы со страху копыта откинул. Вот прямо во дворе. И вышел бы ты, папаша, душегуб.

— Порядочные не воруют, — наконец отозвался дед. Это было хорошо, ибо разговор тем самым начался. А Чемоданов знал по многолетнему опыту, что два разумных человека, начав беседу, рано или поздно договорятся.

— А кто ворует-то? — удивился он. — Ты про это, что ли? Так это друг просил помочь. Ты сам-то, что, друзьям не помогаешь? Да кури ты! На вот.

Он кинул спички, и дед наконец закурил.

— Мои друзья на машинах не ездят, — сказал он после.

— Я вот тоже пешака хожу, — вздохнул Чемоданов, — а друг ездит. Работяга, двенадцать лет копил. А неделю назад стекло вон сперли. Ночью. Обнаглело жулье — сил никаких.

— А сам не жулье? — прищурился дед.

— Я-то? — не сильно, но возмутился Чемоданов. — Обижает, отец. Я что, твое взял? Если твое, скажи — без звука отдам.

— Так и не твое!

— А чье?

— Государственное, — сказал дед.

Чемоданов даже присвистнул, так удивился несерьезности аргумента:

— Ну ты и скажешь! А государство — это кто? Государство в нашей стране самый первый ворюга. Ворюга и бандюга. Ты вон воевал, так?

Старик вновь промолчал.

— Молчи, не молчи, а что воевал, сразу видно: ружье грамотно держишь. Солдат всегда солдат. А теперь скажи: чего тебе государство за твою службу заплатило? Тебе по годам положено сейчас рыбку удить или цветочки сажать на даче — а ты не спишь ночами, ихнее добро стережешь. Это порядок, а?

— Зато чужого не брал сроду, — упирался дед.

— Удивил! — бросил Чемоданов и ткнул окурок в консервную банку. — Чужого и я не брал. А вот свое... Я тебе так скажу: кто у простого человека взял, тот подлец, кто у государства, у бандюги, не взял, тот дурак. Они нас грабят, мы у них вореем, а в результате получается справедливость, — закончил он убежденно, поскольку и в самом деле был в этом убежден.

— Я за это государство до самого Будапешта, — начал было старик, но продолжать не стал, только махнул сухой темной ладонью.

— Вот и пускай оно тебе за твои заслуги диван приличный поставит, — ткнул Чемоданов пальцем в убогую лежанку и этим уличающим жестом как бы подвел итог дискуссии, после чего уже буднично спросил: — Позвонить от тебя можно?

— Не исправен, — сказал дед.

Чемоданов, подозревавший это и ранее, сочувственно покивал:

— Тогда извини, отец, но мне пора. С тобой интересно, но дома ждут. У меня ведь дочка замуж выходит. Событие!

— Вот придет сменщик, — неуверенно сказал дед.

— Так это когда он зайвится! — возразил Чемоданов, будто сменный охранник был их общим приятелем, и перспектива не дожидаться его глубоко огорчала. — Он же небось утром придет. Нет, отец, давай так: вот тебе червонец на доброе здоровье, а я пойду.

Сумма была смехотворна, Чемоданов и назвал ее для смеху. Но старый боец просто вскинулся от возмущения:

— Червонец! Ах ты, ворюга...

— Да ладно, отец, — засмеялся Чемоданов, — я же шучу. Какой там червонец! Нынче и полтинник не деньги.

— Полтинник, — проворчал дед, но малость миролюбивей.

— Да и полтинник — это для бабы, — рассуждал Чемоданов, — а с мужиком надо как с мужиком. Тем более, когда человек жизнь прожил такую... В общем, отец, вот тебе сотня за умный разговор, а я пошел.

Деньги заранее были рассованы по карманам, и он одним движением вынул тоненькую, в четыре четвертных, пачечку. Старик уставился на нее растерянно, ни слова не говоря.

— Да бери, отец, — сказал Чемоданов.

Тот сидел неподвижно, ни кивнул, ни мотнул, но взгляд не отрывался от денег. Чемоданову стало жалко старика. Хрен с ним, на спичках не экономят, решил он, и достал еще сотню.

— На вот, отец. Государство не платит, я приплачу. Компенсация. Да чего ты смотришь на них, как на жабу? Бери, отец. Для знакомства. Авось еще когда зайду.

Он встал и вновь облапил свою добычу.

Старик поднялся, ружье лежало на столе.

— Ты... Это... Вещь-то куда?

Чемоданов изумленно обернулся:

— Да ты что, отец? Я же за ними и приходил.

— А увидят?

— Кто? Они год валяются — кто спросил? И еще год не спросят. Нужная вещь разве вот так бы валялась? Может, их месяц назад унесли. Так что, отец, живи и радуйся.

Чемоданов, приподняв повыше, пронес ношу сквозь вертушку проходной.

— Эй! — негромко крикнул вслед сторож.

— Чего?

— Ты вот чего... — забормотал старик, — ты не приходи больше, а? Ну их, деньги. Сроду не занимался — и не хочу...

Чемоданов приостановился и объяснил серьезно:

— Думаешь, я хочу? Не тревожься, отец, больше не возникну. Не мое это занятие. Просто так сложилось. Дочь замуж выдаю. Такое вот житейское дело.

Развести руками возможности не было, поэтому Чегоданов лишь шевельнул пальцами.

На следующую ночь он позвал Жанну. Пообещал — надо выполнять. Не давши слово крепись, давши держись. Народная мудрость!

На сей раз было получше. Кайфа не получилось, но Чегоданов его и не ждал. Зато приятно было, что его педагогический труд не пропадает даром, девчонка старается. Ничего, пойдет дело. Природа кинула ей подлянку, обчитала при рождении, без вины и причины перевела в третий сорт. Тем не менее не все потеряно, бабка надвое сказала...

Это противостояние — с одной стороны природа и судьба, с другой он, Чегоданов, — его радовало и воодушевляло. У них сила, но и он тоже не тленок, кое-что понимает в колбасных обрезках, так что еще посмотрим, кто кого.

Он показывал Жанне, как лежать, как двигаться, объяснял, какие говорить слова. Ведь тут главное что? Поначалу удержаться. А там привычка появится, может, и любовь, вполне возможное дело, девка-то хорошая. Чегоданов увлекся, стал учить ее, как дышать и даже как стонать. Пригодится! Ну холодная — и что? Вешаться, что ли? Вот это хрен вам, как с нами, так и мы. Жизнь сволочь, но если к ней приладиться, еще все может быть люком.

Утром он сказал Жанне:

— Ты с уборкой особо не старайся, как есть, так и ладно. А то вроде я с тебя плату беру.

Она засмеялась и начала прибираться.

Хорошая девка, домовитая. Ведь и вправду кому-то повезет. Если оценит.

И опять Жаннина уборка пришлась к месту: на следующий же день Ксюшка привела зятя. О торжестве смотрин заранее не предупреждала, просто позвонила за час, будто у отца не было и быть не могло никаких иных забот, только сидеть и ждать родственничка. Однако Чегоданов в трубку ничего подобного не произнес, сказал, чтоб заходили, и отмахнул в сторону прочие вечерние дела, которых, впрочем, было не жалко: предполагавшуюся бабу не грех было отодвинуть и на месяц.

Рука у малого оказалась крепкая, это выяснилось сразу, прочие же достоинства пребывали в тумане, поскольку возможный зять в основном сидел на стуле, улыбался и молчал. Однако спину держал прямо и улыбался только по делу, что вызвало

у Чегоданова определенное профессиональное уважение: он отчасти понял, почему этому крепкому пареньку так фартит с девками. Молодец, нашел методу. Вот так, небось, сидит, посмеивается и ни слова, а молоденькие дуры вертятся вокруг, терзаются любопытством и мучают головенки, как бы этого молчаливого растормошить. А поскольку способов у них не так много, финал известен: койка и ножки циркулем. Не дурак парень, экономно работает.

Вроде бы полагалось выпить. Чегоданов от водки не зависел, но и без бутылки в холодильнике не жил, как и без четвертного в кармане — смолodu помнил, что нищий не мужик. Вот и сейчас достал холодненькую, разлил в два стакана, помедлил перед третьим, и тут зятек успел вставить:

— Она не по этой части.

Ксюшка, дура, тут же засмеялась, будто ей сказали остроумный комплимент. Но что не пьет и что парень не поощряет, Чегоданову понравилось. Клавдия когда-то любила, он не противился, и вот вам результат.

Чегоданов все прикидывал, как называть будущего родственника, решил Валерой и на «ты». Не на «вы» же! Поинтересовался профессией — хороший, солидный, вполне отцовский вопрос. Парень ответил неясно:

— Разное могу. Семью прокормить сумею.

Похоже, Ксюшка не врал, дело оборачивалось серьезно. Но парню-то это на черта при его и так успешном житье? Однако допытываться Чегоданов не стал и вообще дальнейших вопросов не задал, наглядно показав, что себе цену он тоже знает и с достоинством помалкивать умеет.

Зятек стакан вышел легко, но от второго вежливо отказался, загадочно объяснив, что сегодня обстоятельства не позволяют. После чего молодые поднялись и стали прощаться.

Ксюшка глазами спросила, как, мол? Чегоданов неопределенно шевельнул бровями. Дочка подергала за рукав, но он опять уклонился. Впрочем, он и не знал, что ответить. На морду ничего, рука крепкая, от стакана не качается — а там поди его разбери.

Тогда Ксюшка сказала парню:

— Погуляй там минутку.

Он понимающе кивнул, снова стиснул Чегоданову руку и вышел.

Тут уж Ксюшка дала волю любопытству:

— Пап, ну как тебе?

— Чего — как?

— Ну как он?

— Да нормально, — пожал плечами Чегоданов, но похвала прозвучала не по моменту скромно, и он повторил тверже: — Вполне нормально. Крепкий парень.

— Характер тот еще! — сказала дочь.
— Мужик, — развел руками Чемоданов, как бы оправдывая зятя.

— Это точно! — засмеялась Ксюшка.

— Ты-то его любишь?

— А то стала бы! — отозвалась дочь, и неясно было, к чему относится оборванная фраза — то ли к типу отношений, то ли к будущему их узакониванию.

— И скоро предполагаете?

— В ту субботу.

Чемоданов все держал в голове узанное от Вики, и столь стремительный разворот событий его не обрадовал.

— Слушай, а чего вы торопитесь? Присмотрелись бы друг к другу. Обязательно, что ли, расписываться? Поживите так, притритесь...

— Это у матери под боком? — Ксюшка хмыкнула и поставила точку над «и»: — Да я с чертом расписусь, лишь бы из дому.

— Ладно тебе, — остановил Чемоданов, в котором пробудилось нечто вроде родительской солидарности, — мать как мать. Не хуже других.

— А чего она мне жить не дает? — скандально возразила наследница.

— Так ведь мать, — объяснил он, — беспокоится.

— Да провались она!

Он устыдился:

— Ксюш, ты что? Нельзя так о матери.

Он и сам ее не любил: глупа, самоуверенна, напичкана дурацкими принципами, а на людей глядит так, будто весь свет у нее в подчинении. Но это его дело судить. Его, а не Ксюхино. Какая ни есть, а мать. Она мать, он отец. Родители.

— А чего ты ее все защищаешь? — поинтересовалась дочка, и в голосе был не столько протест, сколько обыкновенное любопытство.

— Из справедливости, — сказал Чемоданов, — у нее ведь и достоинства есть. Хозяйка, дом держит.

— Пап... — с досадой протянула Ксюшка.

— Тебя вон родила. Тоже кое-что.

Тут Ксюшка потянулась к нему, погладила пальцем по носу и произнесла с торжеством:

— Любишь!

Ну паршивка...

— Раз уж лучше нет никого, приходится тебя, — проворчал Чемоданов.

Она села на край кровати, задумалась.

— А здорово, что ты с нами не жил. Был бы сейчас обычный старый хрен, учил бы жить.

— А я что, не учу? — удивился он.

— Раз в полгода можно и потерпеть. — Она вздохнула и покачала головой. — А жаль, что у меня не твоя фамилия. Вот только кликухи у нас с тобой... Чемоданов, Кувыркина. Пап, чего нам так не повезло, а?

Но огорчения в голосе не было, губы вновь расплылись в улыбку. Такая с любой фамилией проживет...

О родовом своем имени Чемоданов думал не раз, и теперь объяснил угрюмо:

— Предки были мужики, и у меня, и у матери. Эти, — он мотнул головой вверх, — Шуйские, да Романовы, да Шереметевы. Ну, а нам что позавалаящей. Тоже суки были порядочные. Удавил бы!

— А говорят, при царе было лучше, — с сомнением вставила она.

— Кто наверху, — сказал Чемоданов, — так им и сейчас не плохо.

— Пап, чего ты такой злой?

Чемоданов посмотрел ей в глаза:

— Потому что на добрых воду возят. А на мне — хрен им! Где сядут, там и скину, еще кто на ком покатается.

Ксюшка будто невзначай прошла к окну, глянула вниз, потом вернулась к кровати и вновь села. Чемоданов спросил, стараясь поравнодушней:

— Как думаешь, у тебя с ним надолго?

— Он меня прописывает.

— Ого! — изумился Чемоданов.

— Ему кооператив делают. На двоих будет двухкомнатная.

Он молча покивал. Да, тут дело крепкое. Прописка — это надолго.

Кое-что все же корябало душу, и он решил. Выдавать Виду было нельзя, Чемоданов усомнился как бы от себя:

— Парень-то ничего, вот только вид у него... как бы это сказать... бабника, что ли.

— Вид! — хохотнула дочка.

— Не прав, да?

— У него, пап, не вид, у него вся натура кобелиная. Тот еще мальчик! Но он же мне не перетрахнуться, я с ним жить собираюсь. А для жизни он надежный, то что надо.

Этот странноватый вывод пришлось принять на веру, что Чемоданов и сделал. Жить Ксюшке, значит, ей видней.

Потом она спросила:

— Пап, ты богатый?

Вопрос был приятен, поскольку на данный момент Чемоданов оказался не просто при деньгах, а именно богатый. Непредвиденные расходы по ночной операции Юрка справедливо возложил на клиента, и на рыло пришлось ровно по полторы, без

вычетов, из лапы в лапу. Словом, денег получилось столько, что не грех и позабавиться.

Чемоданов озабоченно нахмурился:

— А много тебе?

— Н-ну... рублей триста.

— Грабишь отца родного, — сказал Чемоданов и выдал ей три сотни.

Ксюшка поцеловала его в щеку, а деньги сунула куда-то за пазуху.

— Пап, — сказала она, — я тут посчитала... В общем, надо бы еще рублей, примерно, двести пятьдесят. Потянешь?

— Сейчас, что ли?

— Да нет, — успокоила Ксюшка, — через неделю.

— Лучше я тебе одним заходом, чтоб два раза не переживать, — вздохнул Чемоданов и полез за деньгами.

— Самому-то останется?

— Я же не женюсь. — Он выдал ей еще три сотни. — А остальные когда?

— Какие остальные? — не поняла дочь. — Это и есть остальные. За все про все.

Теперь не понял он:

— Как, а свадьба? На свадьбу-то надо!

Она сморщилась:

— Пап, какая свадьба! Позовем человек пять, и хорош.

Чемоданов растерялся. Вот это номер! Стоило ночью лазить через забор, стоять под дулом, искушать боевого дедулю. Уж как старался, а теперь, выходит ни к чему?

— Ну, а кольца?

— Я ж тебе сказала, на запись ребята дадут, а так... — Она засмеялась: — Зачем нам золото, когда мы сами золото?

— Да нет, деньги пригодятся, — не столько дочку, сколько себя уговаривал Чемоданов, — может, съездите куда после свадьбы.

— Конечно, поедем, — сказала Ксюшка, — еще до свадьбы стоняем. Ты сказал, пожить надо, вот и поживем. В Крым махнем на недельку, автостопом, давно хотели.

— А автостопом жрать, что ли, не надо?

Дочка хмыкнула:

— Пап, ну еще же муж есть. Пусть и думает.

— Верно, — улыбнулся Чемоданов. Про мужа он как-то подзабыл. — Кстати, его-то как фамилия?

Ксюшка повела плечиком:

— Тоже наша компания. Босяков.

— Не скажи, — возразил Чемоданов, — фамилия как раз аристократическая: вся страна босяцкая. Босякова Ксения Геннадиевна. А чего? Все лучше, чем Кувыркина.

Он так расчувствовался, что вопреки прежнему расчету не

стал ждать торжества, а прямо тут же достал и надел ей на палец купленное с Ритулей колечко. Золото золоту не помешало, дочка завизжала от восторга и кинулась целовать отца.

Может, Чемоданов и цепку бы до свадьбы недодержал — но не дал телефонный звонок. Степа, едва поздоровавшись, велел взять ручку и стал диктовать адрес эротического театра. Пока Чемоданов вспоминал, о чем конкретно договаривались в ресторане, время ушло, какие-то фразы сами собой произнеслись, и отказываться стало неловко. Тем более речь-то шла — сходить да глянуть.

— Бежишь? — спросила Ксюшка.

— Анекдот, — пожаловался он, — в начальство зовут. Чушь какая-то! Откажусь.

Дочку разобрало любопытство, и он не выдержал, расхвстался, понес и про систему, и про эотику, и про менеджмент — дурацкое слово выговорилось легко, будто это не Степа, а он сам только и думал, как бы подстраховать эстраду вокалом, вокал юмором, а юмор эротикой.

Ксюшка, не дослушав, вскинулась:

— Пап, а можно с тобой?

В этом Чемоданов уверен не был, попробовал закрутить обратно, но что-то, а клянчить у отца дочка умела.

На улице он двинулся было к метро, но жених так уверенно выбросил руку перед первым же леваком, будто иным транспортом отродясь не пользовался. Да, мальчик что надо...

Платил, естественно, Чемоданов — парень полез за деньгами, но он так цыкнул, что сразу стало ясно, кто в компании главный, зять или тесть.

Эротический театр помещался в таком дурном месте, что дурней трудно найти даже в Москве, где всего хватает. Заводской район, сплошь трубы, и все дымят. Клубик жалкий, обшарпанный, с одной стороны железная дорога, с другой — трамвай. Даже полы досчатые, с неизвестно каких времен.

Баба у входа никакого Гиви Антоновича не знала, когда же Чемоданов спросил про театр, пренебрежительно махнула в сторону лестницы.

Поднялись. В коридоре на длинной лавке томились штук десять девок, морды напряженные, будто очередь на аборт. Из комнаты напротив вышел хмурый мужичок лет сорока в пиджачке с оторванной пуговицей, прошелся по ним взглядом, будто прилавок оглядел, и так же молча исчез, прикрыв за собой дверь. Чемоданов спросил крайнюю девку, где Гиви Антонович. Она ответила, что не знает, но при этом посмотрела на него с уважением и страхом — видно, для нее Гиви Антонович был очень даже фигурой. Поскольку Ксюшка, а главное жених стояли поодаль и ждали, Чемоданов уверенно толкнул дверь, за которой скорей всего что-то и происходило.

Комната была грязноватая, но просторная, с зеркалом во всю стену, почти пустая. В углу, у низкого столика, двое ели бутерброды, запивая чаем из термоса, — тот самый мужичок и женщина лет тридцати пяти с худощавой крепкой фигуркой. Она сидела мешком, горбясь над столиком, она же держалась так, будто к спине доска привязана, а чаек подносила к губам легким и красиво, как фокусница. Мужик на вопрос не среагировал, она же вежливо ответила, что Гиви Антонович в зале, репетирует. Чемоданов воспитанных людей любил, ему тоже захотелось сказать что-нибудь вежливое.

— Вы бы заперлись, — посоветовал он, — а то поесть не дадут там их целый табун.

— Просмотр с трех, — отозвалась женщина.

В коридоре Чемоданов сказал Ксюшке и парню, чтобы подождали, и пошел искать зал. Ксюшка села на лавку и оказалась как бы последней в очереди, а малый привалился к стене напротив и стал разглядывать девок. Вид у него был такой, будто все они заранее согласны, и лишь от него зависит, какую помянуть. Да, повезло с зятьком! А чего с ним сделаешь? Убить его, что ли?

В тесном зальчике сидело человек пять. Чемоданов прошел вперед, половицы громко закрипели, и впереди крикнули:

— Тихо! Я же просил — тихо!

Чемоданов торопливо сел — деревянное кресло опустилось со стуком. Ну местечко выбрали...

— Фонограмма! — крикнул тот же голос, и пошла музыка, легкая, плавная, с картавым иноязычным текстом, который был непонятен и потому сам воспринимался как музыка. На сцене быстрой птичьей побегкой выскочили три девчонки в голубых балахонах, повернулись и по одной начали эти балахоны снимать. Еще повернулись и так же, по очереди, сбросили лифчики. У двух груди торчали, третья же, по мнению Чемоданова, лифчик скидала зря.

Однако музыка все же забирала, смотреть на молодые тела было приятно, да и двигались хорошо, в лад. Приятное зрелище, подумал Чемоданов, надо бы сюда с кем-нибудь сходить. Может, с Жанной? Кстати, будет ей урок...

Потом две девки встали на колени, вытянув руки к потолку, а третья, с вялыми грудями, танцевала одна. Работала она здорово, ничего не скажешь, жаль только, сиськи трепыхались. Затем музыка перешла на дробь, как при подъеме флага в пионерлагере, а девки, на этот раз все три, стали медленно стягивать трусики.

Но тут впереди резко захлопали, крикнули «Стоп!», и хлипкий седой мужчина побежал к сцене.

— Вы что танцуете? — спросил он девок. Те виновато молчали, и он ответил сам: — Вы танцуете баню. Пришли, заголи-

— Н
Вик
— Д
ант. Я
Уте
Чем
пила
импор
шая д
делать

лись — а дальше? Мылиться? Ваш этюд называется «Освобождение»! Разница понятна? Не раздевание, а освобождение. Где игра с залом, а? Где вызов? Где эпатаж? Еще раз повторяю идею в зале рабы, а вы свободны. Ясно?

Девки молчали.

— С начала, — сказал он, — все с начала. И свет, — это он крикнул кому-то за сцену, — свет должен их не ждать, а ловить. Темнота, музыка, выход — и тут их ловят оба прожектора! Девки подтянули трусики, собрали свои лифчики с балахонами и понуро побрели за кулисы.

Седой пошел назад, к своему месту, и тут заметил Чегоданова.

— Вы ко мне?

— Я от Степана Аркадьевича.

— Это по поводу?..

— Насчет работы, — сказал Чегоданов.

— А-а, — вспомнил Гиви Антонович, — да, да, был такой разговор. Если не ошибаюсь, речь шла о директоре-распорядителе или главном администраторе. Пока оба места свободны, так что можете исходить из своих планов. Ставки там семьсот и пятьсот.

— Это мне много, — сказал Чегоданов, — мне бы рублей полтора.

Гиви Антонович посмотрел на него с недоумением и на всякий случай улыбнулся — улыбка далась ему плохо, то ли был в иных заботах, то ли Бог обошел юмором. Тут опять началась музыка, и он заторопился:

— Пройдите в танцевальный зал, там Игорь Лукич, он полностью в курсе. Решите вопрос с ним.

Он отвернулся к сцене, где красиво семеняли девки. Чегоданову было любопытно, совсем они там скинут трусы или до предела, однако решил, что еще посмотрится, и пошел из зала.

На лавке в длинном коридоре всюю шла пресс-конференция: девки шепотом выкладывали, кто что знал. Зятек все так же подпирает стену, Ксюшка сидела, но уже не с краю, а в середине. Чегоданов толкнул дверь и вошел.

В углу у столика сидели те же двое, женщина и мужичок, плюс третий, малый лет тридцати с красным шарфом на шее. Вместо харча на столе теперь лежали два блокнотика. Средь комнат, поближе к зеркалу во всю стену, стоял стул с гнутым спинкой, и сквозь эту спинку головой вперед лежала молоденькая девчонка в чем мать родила. Чегоданов чуть поколебался, но потом решил, что у каждого в жизни заботы свои, и прошел к столику в углу.

— Мне бы Игоря Лукича, — сказал он негромко.

Мужичок в пиджаке без пуговицы обернулся.

— Гиви Антонович сказал, решать вопрос надо с вами.

— А вы от кого? — спросил мужичок безразлично.

— От Степана Аркадьевича.

Похоже, Степа тут котирировался — мужичок потеплел, покивал и дружелюбно, даже лъстиво попросил минутку подождать.

— Присядьте вот здесь, — сказал он, — у нас маленький спортивный момент.

Девчонка выбралась из стула и стояла теперь босиком на полу, ровно, как солдат, — ждала команды.

— На коленки, — велел малый в шарфе, — и на локти. А носом в пол.

Она встала, как было приказано.

— Пovyшe, — сказал он.

Девчонка вопросительно повернула голову.

— Корму повыше, — пояснила женщина с заметной неприязнью.

— Это будет порно, — отгрызнулась девчонка, но корму подняла.

— Ясно? — спросила женщина своих, те промолчали, и она скомандовала: — Одевайся.

Девчонка натянула трусы и стала влезать в джинсы.

— Гимнастикой занималась? — спросила женщина.

Та ответила неуверенно:

— Да, в школе...

Чегоданов увидел, как малый с шарфом поставил в своем блокнотике плюс, а женщина в своем минус. Потом сказала девчонке:

— Спасибо, иди.

Та не двинулась с места:

— Гожусь, нет?

— Зайди завтра, будет известно.

— Во сколько?

— Там же все написано.

— Сказать, что ли, трудно? — проворчала девчонка и вышла.

— Ну? — спросила женщина.

Малый в шарфе ответил, что фактура подходящая и гибкость достаточная.

— Глупа и упряма, — возразила женщина и повернулась к Игорю Лукичу.

— Что-то есть, — пожал тот плечами, — вообще-то смотри, тебе с ней мучиться.

Малый в шарфе предложил завтра показать Антонычу, на том и порешили.

В комнате помимо входной имелась еще дверь, Игорь Лукич провел Чегоданова туда. Там помещалось нечто вроде кабинета: метров восемь площади, письменный стол, два почти новых креслица и диванчик. Сели.

— Значит, от Степана Аркадьевича?

Чемоданов кивнул.

— На директора-администратора?

— Не знаю, уж больно дело новое, — стемнил Чемоданов. — Не знаю, уж больно дело новое, но и отказываться с поклоном в какие директора он не собирался, но и отказываться с поклоном было неумно — тогда зачем шел?

— Ничего особенного, — успокоил мужичок, — работа как бота. Основной коллектив небольшой, опытный. Девчонки нечно, часто меняются, но это уже творческая сторона, тут у Гиви Антоновича с Вероникой голова болит. А наше хозяйство — экономика — транспорт, гостиница, ну и, естественно, как Я бы вам рекомендовал не отказываться.

— А вы тут кем? — вежливо любопытствовал Чемоданов.

— Главный администратор. Как раз буду ваша правая рука.

Хотелось задать еще вопрос, но было неловко. Мужичок, однако оказался догадливым:

— Насколько я понимаю, — сказал он, — Степану Аркадьевичу предпочтительней на этом месте свой человек. Имеет право. Раз вкладывает деньги, прежде всего полное доверие. Ну, а доверие освоить — для человека с головой неделя. Вот я вам изложил некоторые детали...

Мужичок стал излагать детали, но Чемоданов в них не вникал. Из деталей его в первую голову интересовала одна: в случае чего отправится за решетку? По всему выходило, именно директор, хозяйственный руководитель, ответственный за все. И вот эта деталь Чемоданова никак не устраивала.

Мужичок, видно, что-то почувствовал.

— Возьмите контракт месяца на три, — посоветовал он. — Присмотритесь. Ставка у нас семьсот, но набегают порядочки.

— Семьсот меня не устраивает, — сказал Чемоданов, — меня устраивает сто восемьдесят.

Мужичок, оказалось, понимает жизнь с полуслова.

— Алименты?

— У кого их нынче нет!

— Это проблема решаемая, — заверил собеседник.

Они вернулись в комнату с зеркалом во всю стену. Там что изменилось: все так же женщина с прямой спиной и малюсеньким в красном шарфе помечали что-то в блокнотиках, все так же сквозь спинку стула протискивалась голяком новая претендентка. Пролезла, ловко перекувырнувшись, вскочила на ноги и Чемоданова окатило ознобом, потому что девка эта была Ксюшка. Отведя глаза, он выскочил в коридор. Вот паршивый Зятек теперь сидел на лавке между двух дур, охмурял своим способом: молчал и улыбался, пока они наперебой куражились, определенно стараясь для мужика. Тема была — сколько коек надо пройти, чтобы взяли на гастроли в Европу. Говорили об этом буднично, как о стельнике сверху за джинсы

или сапоги. Чемоданов мгновенно оценил девок и заключил, что койка им светит на двоих одна, как раз будущего зятя, вот только в Европу этот путь не ведет. Ну бардак, подумал он, нет на них водородной бомбы! Он понимал, конечно, что так живут все, и сам он жил именно так, и пусть бы так оно все и шло — если бы только не касалось Ксюшки.

Зятек привстал было ему вслед, но Чемоданов прошел мимо, к лестнице, и тот опять опустился на лавку. И пускай сидит. Хрен с ними, у них своя жизнь.

Ничего особого вроде не случилось, мир не рухнул, все как было, так и шло — но что-то изменилось, в душе словно бы образовалась сквозная дыра, сквозь которую выдувалось тепло, отчего знобило и подташнивало.

Выросла девка, вот и все, подумал он. Была дочка, а теперь сама по себе.

На первом этаже к нему сразу сунулся какой-то мужик, будто специально ждал:

— Слушай, друг, ты не здесь работаешь?

Чемоданов, не сразу врубившись, ответил уклончиво:

— Частично.

— Девки твои?

Первый ответ потащил за собой второй:

— Отчасти мои.

— Сделай парочку, а? — попросил мужик и объяснил: — Друг приехал из Азербайджана.

Лицо у него было добродушное, простоватое — Чемоданов не сразу нашел, что сказать.

— Две сотни дам, — пообещал тот, — три даже.

Чемоданов спросил:

— Ты чего сюда припел? Не знаешь, где... искать?

— Да скромный я, — пожаловался мужик, — не имел такого дела, не приходилось. Да и хочется, чтобы все хорошо, друг ведь, а тут все же артистки. Я там у них на Кавказе месяц гостевал, знаешь, как принимали! Вино, шашлыки, дыни всякие... Мне сказали, сунешь пару сотенных, и порядок. А вот кому сунуть — хрен его знает!

Уже в трамвае Чемоданов подумал, что работенка предполагалась, пожалуй, чересчур веселая. Слава Богу, пронесло.

Никогда баб не покупал, а уж продавать тем более не стал...

Ксюшка позвонила тем же вечером:

— Пап, ты чего убежал?

— А чего, надо было на тебя любоваться?

— Пап, ну это же конкурс, у них все так.

— А тебя чего на этот конкурс понесло? — помедлив, спросил Чемоданов.

Она тоже ответила не сразу:

— Ну... во-первых, интересно себя проверить. А потом знаешь какие там бабки? Там за спектакль — полтинник! один вечер, понял?

Он туло молчал. Вроде и возразить нечего. А с другой стороны...

— Ну чего ты молчишь?

— А чего тут скажешь? — вздохнул Чегоданов. — Ты теперь взрослая, свой мужик есть. Вот пускай он тебе морду и чистит. От огорчения он даже трубку уронил. А когда поднял, частые гудки. Перезванивать он не стал, и Ксюшка не перезвонила.

Степу он повидал на другой день. Тот спешил, в подробности не углублялся, сразу спросил:

— Народ пойдет?

— Это с гарантией.

— Ну и ладно, значит, берем к себе. Работа устроит?

Чегоданов ответил, что нет, и стал объяснять, почему.

— Сходи в бухгалтерию, — перебил Степа, — там тебе полтора штуки выписано.

— Ты не понял, я ж туда как раз не иду.

— Ну и что? — отмахнулся Степа. — С тебя требовалась консультация, ты и дал консультацию. И все. И сумма прописана.

Он побежал на выход, а Чегоданов двинул в бухгалтерию.

Хорошо все же иметь друзей. В России иначе не прожить. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Были бы друзья, а деньги сами появятся.

* * *

Ксюшкину мать Чегоданов никогда особо не любил. Да и поначалу. Тяжелая баба, без юмора и с принципами — ей все было известно наперед, как надо жить, как не надо. Тем не менее тянулось с ней долго, хотя и с большими разрывами — с друзьями сходил и расходился, а она все была, все виделись время от времени.

Началось вообще дуриком, вот уж точно, как волк овцу подвернула на вечеринке, и зарезал. Потом пошло что-то вроде игры, чье упрямство переупрямит — но все схватки кончались вничью. Однако пока шла эта баталия, сработал один из до толе не известный Чегоданову принцип: что замуж не надо, а ребенка надо. В правилах она была тверда и впоследствии ни разу не предлагала очертить законной рамкой их случайные отношения.

А вот с Ксюшкой у него как-то сразу задалось, для нее он всегда был гость хоть и редкий, но дорогой и желанный. К селу ему на шею года в полтора, так ни разу и не слезала.

Пока ползала да ковыляла, Чегоданов еще присматривался

в кого удалась. А подросла, и все стало ясно: такая нахалка — в кого же еще? Дочь. Тут уж не отвертеться. Вот так сложилось, и ничего не переменить: баба чужая, а дочь своя...

Видно, своя дочь не вовремя похвасталась новой цапкой — чужая баба позвонила и ледяным тоном потребовала оставить Ксению в покое. Чегоданов, привыкший к таким закидонам, тут же указал ей необходимую дистанцию:

— Если по делу, давай, если без дела — пока.

— Ты зачем купил ей кольцо?

— Она же замуж выходит.

— Так вот, мне не нравится этот жених.

— А ты что, невеста? — поинтересовался Чегоданов.

— Я мать.

— Была мать. А теперь теща. И берись за ум, пока бабкой не стала, — посоветовал он.

— Свое остроумие оставь для своих шлюх.

Вот это был ее нормальный разговор.

— Да вались ты! — сказал Чегоданов. — Дура.

И повесил трубку.

Да, повезло, что Ксюшка пошла в него.

* * *

Звонить Ксюшке Чегоданов пока что не собирался. Сама позвонит. Уж перед свадьбой-то куда денется, ссора, не ссора, а положено. Отцу-то!

Однако все его планы не прожили и трех дней.

Утром после дежурства принесли телеграмму. Еще расписываясь на талончике, Чегоданов ощутил неладное и почти догадался, что внутри сложенного листка. Догадаться, впрочем, было не трудно: никаких спешных дел с ним не вели, а хорошие новости слишком уж редко нуждаются в телеграфе.

На наклеенных полосочках было вот что: «Матерью плохо позвано поздно Шура».

Первое, что Чегоданов почувствовал, было облегчение: слава Богу, жива. Следом пришел страх и нарастающая безнадежность — видно, плохо совсем, иначе Шура обошлась бы письмом. Мать он любил, и хоть писал ей редко, а ездил и вовсе раз в два года, деньги слал всякий раз, как оказывались свободные. Само сознание, что мать есть, жива, делало его жизнь устойчивей и спокойней. После каждого перевода мать писала одно и то же, что ей много не надо, мол, заботься лучше о себе, а Чегоданов отвечал в веселом тоне — дескать, трать, не беспокойся, сын у тебя мужик здоровый, заработает еще. А теперь самый надежный в его жизни поплавок, заведомо не способный ни на какую измену, погружался в море, и охватывал холод и жуть: что дальше-то, чем заменить, за что уцепиться?

Ничего
ка нахо
Да не т
И же вс
ешила...
моданов
сь. Наде
рт, дру
девка, 1
ь-то?

Просто ждать Шуркиного позднего звонка было тяжело, а по мочь в таком состоянии мог далеко не каждый. К счастью, Вика оказалась у телефона, она приехала сразу и вполне удовлетворилась кратким объяснением, что настроение вдруг упало. Реальная возможность пожалеть сильного мужика разбудила в девочке такую нежность, что ее обычные, вперемежку со стонами судорожные слова о любви на сей раз показались Чемоданов правдой — да, может, и были правдой. Вика куда-то торопилась, она быстро оделась и убежала, но половина давившей его тоски успела раствориться в сопереживающем женском теле. Так что Викина помощь вышла двойная: и время до Шуркиного звонка ужалось, и перетерпеть оставшиеся часы стало легче.

Мать с Шуркой жили в соседней области, в райцентре, в трех часах от Москвы. Шурка, младшая сестра, была крупная, крепкая, но некрасивая, и оттого робкая и несчастная. Когда-то был у нее муж, добрый веселый алкаш, даже сыночек родился. Но он не сумел удержаться на земле. Чемоданов не видел его ни разу, мальчонка прошел по его жизни горькой тенью, косноватыми строчками нескольких материнских писем: родился слабый, хворает, опять хворает, сильно хворает, похоронили. Потом затерялся где-то и муж: уехал подзаработать, прислал пару писем, а там исчез, будто и не существовал никогда. Дальше Шурка жила с матерью, и смысл ее жизни стал в том, чтобы беречь мать. Так вдвоем и существовали.

Шурка позвонила около одиннадцати и не сказала ничего сверх того, что Чемоданов, по сути, уже знал: мать умирает. Еще, правда, были кое-какие детали — в больнице, зовет попрощаться, — но Чемоданов и к этому был готов, уже узнал через справочное, когда среди дня ходят нужные поезда. Он сказал Шурке, что будет завтра.

Теперь надо было сладить еще одно дело, непростое, но, как он считал, необходимое. Хотя время было и позднее, он позвонил Вике и попросил, чтобы срочно объявилась дочь.

Ксюшка говорила тихо и ни разу его не назвала, видимо, сторожилась матери, и правильно делала. Чемоданов сказал ей, что надо увидеться завтра с утра.

— А что такое? — негромко забеспокоилась Ксюшка.

— Вот приходи, и скажу.

Он обещала.

Ксюшка пришла не одна.

— Пап, ничего, что мы вместе?

Чемоданов замаялся всего-то на мгновение, но оба заметили. Дочка растерянно посмотрела на парня, а он легко сказал:

— Я покурю пока.

Вышел в кухню и прикрыл дверь.

— Да он не мешает, — запоздало проговорил Чемоданов, уже

поняв, что теперь дочка себе не хозяйка и с этим придется считаться во всех случаях, кроме разве что нынешнего.

— Пап, так чего у тебя?

Чемоданов сказал:

— Тут вот какое дело — бабуля умирает.

— Какая бабуля? — наморщилась Ксюшка.

— Наша с тобой. Моя мать, твоя бабушка.

— А что с ней?

Дочка спросила это сочувственно, но отстраненно, как о чужом человеке.

— Сердце больное. Как-то держалась, а теперь вот все. Сестра ночью звонила.

— А где она?

Чемоданов назвал городок, область и сказал, что от Москвы это три часа.

— Поедешь? — спросила она.

— А как же. Нельзя же не попрощаться. — Он помедлил, вздохнул и выговорил наконец то, ради чего и позвал ее прийти: — Вместе нам надо ехать. С тобой вместе.

Она была так ошарашена, что даже улыбнулась:

— Со мной?

— Ну да.

— Пап, но я не могу сейчас.

— Потом попрощаться будет не с кем, — глухо сказал Чемоданов.

— Мы уж договорились, Валерка отпуск взял...

— Это ведь смерть, — тяжело напомнил он.

— Но я же ее не знаю совсем, — защищалась Ксюшка.

— Зато она тебя знает. Любимая внучка.

— Она же меня не видела никогда.

— Ну и что? — возразил Чемоданов. — Мне любимая дочь, значит, ей любимая внучка.

Он говорил спокойно, но твердо. Всю жизнь уступал ей и рад был уступать — но сейчас не было у него такой возможности. Он понимал и жалел Ксюшку с ее любовными планами, но у Ксюшки было много времени впереди, а у матери нет. И у Чемоданова не было: матери он был сильно должен, и вот теперь для уплаты оставались дни, а то и часы.

Когда-то он съездил туда с Клавдией и маленьким Васькой. Клавдия, сука, нашла повод показать характер, Васька дичился незнакомой бабки, родство не сладилось, с тем и уехали. Больше Чемоданов не рисковал, в семейные свои сумбуры мать не впутывал, и при всей плодовитости сына осталась она как бы без внуков. Все, что имела, — могилку Шуркиного малыша на местном кладбище. И теперь не мог Чемоданов упустить такую возможность: хоть напоследок показать ей умную, красивую, любимую и любящую дочь.

— Ну если бы он хоть отпуск не взял, — жалко пробормотала Ксюшка.

В общем-то, все было ясно. Девчонка полностью зависела от своего мужика, что Чемоданову было вполне понятно, ибо и от него девки не раз вот так же зависели. Дочку винить было не за что. Но и отступить он не мог.

— Ксюш, — сказал он, — поехали вместе, а? Я тебе денег дам. Тысячу рублей дам, даже больше. Ничего ведь и не надо, посмотрит на тебя напоследок, и все.

У Ксюшки скривилось лицо, прикусила губу:

— Пап, ну ты что? Ну чего ты говоришь-то?

Она повернулась к двери и позвала беспомощно:

— Валер!

Парень не сразу вошел, остановился у двери.

— Валер, — сказала она, — чего делать, а? Бабушка умирает.

Парень нахмурился, подумал немного, раздвинул ладони, потом сложил их в замок и решил:

— Бабушка — это святое.

Присловье было дурацкое, его по разным поводам повторяли за картами Стас — но Чемоданов порадовался, что именно этот мальчик теперь Ксюшкин хозяин. По крайней мере мужик. Главное понимает. А прочее — это уж как сами хотят...

* * *

В междугородной, с мягкими креслами, электричке Чемоданов рассказал дочке про бабулю, про тетку Шуру, про пропавшего ее мужа и умершего мальчонку. Ксюшка слушала сосредоточенно, а про мальчика спросила:

— А он мне был кто?

— Он-то? — Чемоданов на пару секунд задумался. — Да вроде брата. Ну да, так и выходит, двоюродный твой брат.

— Как же все запутанно, — печально проговорила она.

Он согласился:

— Вся наша жизнь запутанная. А что делать? Другой ведь нет...

Мать умирала в районной больничке, в коридоре первого этажа, в тупике за занавеской. Рядом с койкой на железной подставке из шатких прутьев стояла всякая врачебная мурда: болталась рыжая резиновая трубка — матери вся эта спасаловка помочь явно не могла.

Больничка была та же, что и при чемодановской молодости: только запаковали ее капитально, да и стала куда тесней народу в городишке крепко прибавилось, и соответственно прибавилось коек в палатах, раскладушек в коридорах и людей своим разного рода присутствием перегружавших кубатуру низких помещений и, хоть и без умысла, но половинивших и без

того скудный материн паек воздуха — застоявшегося тяжелого больничного духа.

Окно, что ли, отворить, подумал Чемоданов, но не решился — будь матери можно, небось, давно открыли бы.

Шура была при матери, но сбоку, на подхвате, вместе с еще одной женщиной — Чемоданов ее не знал. Главным же за занавеской оказался небольшой старикан, при скромной комплекции и лысой голове державшийся уверенно и с достоинством — не начальником, а как бы общественным распорядителем. Халат на нем был поновей и почище, а больничные сестрички обращались к нему по имени-отчеству: Алексей Исаевич.

Когда Чемоданов вошел, Шура шагнула было ему навстречу, но, вспомнив, шепотом что-то сказала старику. А уж тот, быстро глянув на Чемоданова, произнес командно:

— Так, товарищи, давайте в сторонку, сын приехал. — И уже прямо повернулся к Чемоданову: — Проходите вот сюда. Она вас очень ждала, молодец, что успели.

Чемоданов, не ответив, прошел к матери — ему не понравилась похвала чужого старика, выходило, будто попал он сюда не сам, а как бы выполняя задание. Это к матери-то!

От нее мало что осталось, так мало, что Чемоданов с трудом вылепил губами улыбку: с детства той же матерью был приучен, что больным надо улыбаться, добавляя им бодрости, особенно когда своей нет. Но что было матери в его улыбках! Узнать ее он, конечно, узнал, но сердце сдавило.

— Мам! — позвал он.

Мать не шелохнулась, может, уже и не могла.

— Это я, мам, — сказал он. — Шурка позвонила — вот приехал. Чего ж это ты?

Хотел укорить весело, но не вышло.

Теперь он понял: мать слышит. Она даже попыталась что-то произнести, губы медленно шевельнулись, но слов не было.

Чемоданов тронул ее руку — тепла в ней осталось мало.

— А я тебе внучку привез, — вспомнил он и оглянулся. И как раз в этот момент Ксюшка подошла.

— Внучка, видишь? — спросил Чемоданов мать и вдруг тревожно ощутил, как неуместна молоденькая цветущая девчонка в этом закутке с тошнотным запахом сортира, лекарств и грязного белья, запахом нищей старости и подступившей смерти. Для него самого на койке лежала мать, но для нее-то кто? Незнакомая старуха, почти уже и не живая, не способная ни рукой двинуть, ни слова сказать, ни тем более добраться до туалета. Что могла она чувствовать к умирающей, кроме безразличности и, может, подросткового страха перед тем неизбежным, что для самой пока что в дальней дали?

— Внучка! — повторил Чемоданов уже неуверенно, придерживая Ксюшку за локоть, но легонько, чтобы, если что, могла

сразу же и отойти. В конце концов главное уже сделалось, внучку матери показал, успел, увидела, а требовать от девочки большего...

И действительно, тонкий локоток высвободился. Ну и ладно, подумал он, не для нее зрелище.

Однако Ксюшка скользнула не назад, а вперед, к нечищеной пахнувшей койке, наклонилась, ткнулась губами в серую щек залопотала ласково:

— Бабушка, здравствуй, это ведь я, Ксения, внучка твоя. Бабушка, я — Ксения, слышишь?

И Чемоданов понял, что теперь — все, и что бы эта девочка после не натворила, все ей простится, теперь хоть веревки к нему будет вить — одной этой минутой полностью отработала. Тут опять появился лысый Алексей Исаевич, мягко, но властно увел их из-за занавески, и Чемоданов подчинился распоряжению, как почему-то подчинялись все вокруг.

Позже, когда отлучились поест, Чемоданов спросил Шуру про старика. Оказалось, просто сосед, пенсионер, когда-то был на фабрике главбухом. Жена померла, один, вот и скооперировались: бабы ходили к нему постирать и прибраться, а он учил их жить и опекал в сложном советском мире, где без мозгов и связей ни достать, ни украсть, ни стребовать положенное по закону. Вот, оказывается, и здесь, в больнице, мать хотела приткнуться на раскладушку, но Алексей Исаевич не позволил. взял ходатайство на фабрике, с учетом стажа и заслуг добился не только койки, но и капельницы, которая хоть и не работала, зато свидетельствовала о внимании к пациенту.

Шура нажарила картошки. Ксюшка тут же взялась накрывать и убирать, вообще показала себя послушной, уважительно племянницей, хотя Шура держалась с ней робко, а поначалу даже звала на «вы». Причина столь удивительного дочкиного поведения обнаружилась сразу после обеда, когда она протельно глянула на Чемоданова:

— Пап...

Он спохватился:

— Ну ясно, езжай, парень ждет, неудобно. Главное, с бабушкой попрощалась. У нас ведь родственников — мы с тобой, Шура, вот бабуля...

Он тут же сообразил, что ляпнул глупость, ведь у Ксюшки есть еще и мать, и дядя, но поправляться не стал, и она поправила — то ли момент был не тот, то ли здесь, в его детско-норке, она и впрямь ощутила себя частью его семьи и рода.

Чемоданов хотел проводить дочку на станцию, но оказалось — нет необходимости: уже был сговорен какой-то мальчик с мотоциклом, он был рад услужить и только ждал сигнала. Как с прочими своими проблемами, так и с этой Ксюшкой разбиралась сама...

Мать не задержалась, все кончилось через двое суток, днем, когда Чемоданов вышел в больничный двор покурить. За занавеской началась привычная любой больнице суета, послали за каталкой, а Алексей Исаевич первым выразил сочувствие и добавил, что мать была очень хороший человек, потому и умерла легко, мол, есть такая народная примета. Потом Чемоданов шел за каталкой, Шура плакала, а ему не хотелось, ему хотелось выть и материться от злости на жизнь, а больше на себя, что не сумел обеспечить матери хотя бы нормальную, благоустроенную смерть. Хотя хрен ее знает, какая она нормальная, и где ее достают.

Похоронными делами опять распоряжался лысый сосед. Чемоданов хотел отдать ему деньги, но тот твердо отказался:

— Не надо, решим в рабочем порядке.

И объяснил, что обязательно дождет фабричное начальство, ибо это дело принципа — похороны старейшей работницы дело не только семьи, но прежде всего трудового коллектива.

Ладно, подумал Чемоданов, по крайней мере будет Шурке кому полы скрести да белье стирать, все не одна...

* * *

Переночевав после поминок, он поздней электричкой уехал домой. Похороны вышли хорошие, в ясный, светлый день, с народом и даже со священником, которого привел Алексей Исаевич, а фабрику заставил оплатить. Сам Чемоданов не верил ни во что, но решил, что матери наверняка понравились бы ладные, солидные, красивые похороны. А может, и есть там что, на том свете, думал Чемоданов умиротворенно, может, и видит сейчас...

На станцию он пошел пешком один — просто хотелось хоть краткий час побыть вне людской толчеи, дать возможность всему, что скреблось и дергалось в душе, улечься и успокоиться. И в электричке не было никакого желания разговаривать — однако пришлось. Подсела какая-то баба, заняла сумкой полскамьи и произнесла уверенно:

— Во жизнь! Нет людей — одни сволочи!

Лет ей было тридцать с чем-нибудь, говорила громко и хамовато, видно, покрутилась в начальстве и привыкла, чтобы слушали, что не ляпнет. Не заботясь, расположен попутчик к разговору или нет, тут же и пояснила, кто нынче сволочи. Оказалось, мужики — все или алкаши, или жулье, или ничтожества, или ни на что не годны. Хотя и бабы не лучше, все подряд сучки. Вот если бы были настоящие женщины и себя уважали, то объявили бы разом всем мужикам забастовку, и пусть тогда эти кобели крутятся, как хотят.

Чемоданов пробовал не отвечать, но баба насела и не отпуска-

ла, приводя в доказательство разные житейские истории, одна другой хвастливей. В конце концов Чегодамов озверел, затаился, стал поддакивать, а в Москве пошел ее провожать.

Оказалось, что хоть мужики и сволочи, а бутылка на случай припасена. Чегодамов миндальничать не стал, завалил ее почти сразу. Особо не старался, но оказалось, ей много и не надо. Видно, долго бастовала. Он все проделал как хотел: она еще доставляла и приходила в себя, а он уже оделся и двинулся к двери. Пока ждал лифта, дама очухалась и прямо голяком сквозанула следом на лестничную площадку, смысла в ее куда-то танье не было никакого, только полное недоумение.

— Чао! — сказал Чегодамов и пустил лифт. Сверху неслись растерянные вопли.

На улице было пусто и почти темно, половина фонарей не горела. Тянуло сырью, явно портилась погода. Район был не украинский, но и не ближний, ожидают ли еще автобусы Чегодамов не знал.

И чего потащился, подумал он. Ну отвел душу — а на хрен? Теперь вся затея казалась ненужной. Тем более что злость прошла, бабу было скорее жалко. Ну дура, ну прет, как таня. А кто нынче вежливый? И на черта ему все это понадобилось. Вчера только поминки справляли...

Он вспомнил, как Ритуля говорила тогда про волка — а ведь и вправду похоже. Попалась под клык, порвал, и шкуру в сторону. Так что забастовщица эта, пожалуй, права — мужики точно сволочи. Как, впрочем, и бабы.

Он подумал, что надо бы повидать Ксюшку, как следует похвалить за бабулю. Но тут же дошло, что Ксюшки наверняка в городе нету, уехала автостопом со своим мужиком, ей теперь не до чего. Даже деньги на будущее, может, понадобятся, а может, и нет — малый ее не дурак, рано или поздно ориентируется, где пастись, где охотиться. Вообще странно вышло — денег пять всего, как ехали с дочкой в электричке к матери, и мать еще была живым существом. А теперь ни дочки, ни матери, обиды, только в разные стороны. Все, нет больше обязанностей и долгов нет, выплачены, свободный теперь человек, все можно, хоть напиться, хоть повеситься.

Автобуса не было. Не было и денег на такси, все отдал Шура, денег всего и понадобится, что мелочь на метро. Чегодамов подошел к краю тротуара и стал высматривать левака попроще, всего бы лучше грузовик, чтобы так, за умный разговор, подбрести в сторону центра.

Ладно, сказал он себе, зато главное сделано, и мать проводил по-людски, и дочку на ноги поставил. Так что, в общем и целом жизнь удалась, грех жаловаться.

В конце улицы показалась машина, то ли старенький автобус, то ли фургон. Чегодамов вскинул руку.

ХОЧЕШЬ БЫТЬ ДЕЛОВЫМ?

НЕ ДУМАЙ О СЕКУНДАХ СВЫСОКА: ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ

СЕМЬЯ ТИМОФЕЕВЫХ — ЭТО ПАПА, МАМА И ПЯТЕРО ДЕТЕЙ — ОТ ПЯТИ ДО ДВАДЦАТИ ОДНОГО ГОДА. ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ДОМЕ, КОНЕЧНО, МАМА. ОНА АРХИТЕКТОР. ОНА ЕЩЕ РИСУЕТ, ЗАНИМАЕТСЯ ДИЗАЙНОМ ОДЕЖДЫ, УЧИТСЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЕ. И ТАК КАК У НЕЕ МАЛО ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ НАСТАВЛЯТЬ, РУГАТЬ, ПОУЧАТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ, ОНА ПИШЕТ О НИХ И ДЛЯ НИХ СТАТЬИ И КНИГИ. А ПОЛУЧАЮТСЯ ВЕЩИ. НЕБЕСПОЛЕЗНЫЕ ДЛЯ ВСЕХ...

Здравствуй! Меня зовут Людмила Георгиевна. Я наверняка знаю, что ты хочешь иметь в будущем. Там, в этом взрослом будущем, ты хочешь иметь свой дом, счастливую семью, машину, любимую и хорошо оплачиваемую работу. И я знаю, как ты можешь начать богатеть уже сейчас, во всяком случае, зарабатывать себе карманные деньги. Откуда я это знаю? Очень просто. У меня четверо сыновей и одна дочь. Они такие же, как ты. Любимые их занятия: смотреть телевизор, бегать друг за другом и балдеть в компании

приятелей. Больше всего они любят конфеты, мороженое и жвачки. Самые часто употребляемые слова в разговоре со взрослыми — «не хочу», «не буду». Они, как и ты, не любят чистить зубы, убирать постель, класть на место вещи и забывают говорить «спасибо» и «пожалуйста». И мне, как и твоим родителям, приходится часто напоминать им обо всем этом.

Догадываюсь, что ты внешне похож на родителей. Но ты, единственный и неповторимый, не похож ни на кого, даже на них. Ты станешь именно таким, каким захочешь стать сам, а не каким хотят тебя видеть родители. Твое хотение — причина всех твоих поступков. Любой твой поступок несет дух добра или зла. Зло и добро постоянно борются за тебя в твоём сердце. Ты это ощущаешь всякий раз, когда разрешаешь себе поступить так или иначе. Это твой жизненный опыт. Благодаря ему ты делаешь выводы, от которых будет зависеть твоя будущая жизнь. С некоторыми выводами ты не спеши. Если твои родители мало получают, это не значит, что они плохие ра-

ботники. Они просто никогда особенно о деньгах не думали.

Это сейчас ты можешь найти много книг, где написано, что если ты хочешь разбогатеть, думай о деньгах. Мы же, когда были детьми, слышали вокруг: «Не думайте о деньгах». Уделять им внимание считалось неприличным. Я, например, не знала, что сколько стоит, могу ли я заработать деньги, как их следует тратить и т. п. И совсем не догадывалась, что деньги могут сами расти, если знать, во что их вложить. Вложить деньги — не значит их истратить.

Это значит — купить то, что будет приносить доход. Деньги можно положить в банк и получать проценты, можно купить твердую валюту, можно купить акции прибыльного предприятия и еще много других вариантов. А самые умные люди давно поняли, что выгодно вкладывать деньги в образование и обучение. Бизнесмены платят своим сотрудникам стипендию, чтобы они осваивали новые виды профессий и могли совмещать их. Их практика свидетельствует: таким образом экономится время и деньги сотрудника и фирмы в целом.

Но это сейчас. А в наше время зарплата у всех была почти одинаковой. Нельзя было уволить человека, который плохо работал. Теперь же можно заработать большие деньги и можно остаться безработным. Надеюсь, получение денег нечестным путем тебя не греет. Ты сейчас вместе с родителями боишься и ненавидишь бандитов и воров. И ты, конечно, зна-

ешь, что жестокостью, наглými глазами и хамскими речами можно раздобыть солидные деньги. Но ты ведь хочешь быть уважаемым и нравиться людям, а не вызывать у них ненависть и проклятия. Осуди нечестивцев в сердце своем, и ты никогда таким не станешь.

Да, твой путь к богатству будет не прост, но он точно ведет к успеху, авторитету, любви и уверенности в завтрашнем дне. Захоти этого, и все будет. Запомни, твое желание — твой закон.

Пока тебя содержат родители, но ведь это не продлится вечно. Не теряй времени, приступай к осуществлению своей мечты. Еще десять лет назад я поняла, что моему старшему сыну нужны деньги на мелкие расходы — кино, инструменты, книги, мороженое. Возможности давать деньги просто так у нас не было. Вот я и подумала, что можно поручить сыну сделать что-нибудь необходимое для дома. Я стала искать дела, за которые платили бы ему деньги. Необходимым оказалась починка обуви. Я учла потерю времени на то, чтобы отвезти обувь в мастерскую и забрать. Для семьи выгоднее отдать эту работу сыну. Я помню, как он плакал из-за того, что гвоздь не вбивался в каблук. Потом он умел делать не только набойки, но и супинаторы, и металлические каблучки. При этом он научился пользоваться молотком, ножом, шилом, напильником, пилкой для металла. Плата была символической, но это лучше, чем ничего. Старший сын мой уже

вырос, нашел любимую профессию, а мои каблучки и сейчас в порядке. Тем более что и второй сын чинит обувь для всей семьи. А вы сами знаете, что сегодня вовремя починить сапоги или туфли все равно, что купить новые.

Конечно, твои родители не смогут дать тебе много денег за эту работу. Но ты должен учесть, что пока не ты сам, а они покупают для тебя инструменты и материал. Да с первого раза у тебя не очень и получится. Запомни: хорошо платят только за хорошую работу. И за удовлетворенную потребность. Американцы советуют искать потребности, если хочешь разбогатеть. Не обязательно искать в книгах и выспрашивать на улице: «Люди, что вам надо?» Спроси об этом своих родителей. Они наперебой перечислят тебе то, что с удовольствием попросили бы сделать для них кого-нибудь, поскольку у них не хватает времени. Прояви настойчивость и убеди их, что ты сможешь это сделать, что такая работа тебе нужна. Наверняка поначалу родители не доверят тебе ничего сложного. Их понять можно. Ты мало что умеешь. Они могут поручить тебе мыть, чистить. Я не советую тебе сразу просить большую сумму. Попробуй сначала сделать дело хорошо за символическую плату. Уверю, не так просто вымыть чисто и быстро окна в квартире. Нужна сноровка и терпение. Нужно продумать последовательность работы и положить под руку все не-

обходимое для нее. Наш неустроенный быт — большое поле деятельности для подростка. Пробуй и изобретай. Это только начало. Ты обязательно найдешь такую потребность, за которую будут платить хорошие деньги другие люди. Но начинать искать идею в своем доме.

Кроме работ, которые не требуют особых талантов, ты наверняка сможешь найти применение своим природным способностям. Не упускай свой шанс. Одаренный сделает дело лучше, чем его делает человек, не способный к нему. К сожалению, мы плохо умеем определять свои таланты. Открыть их в себе — значит перепробовать много дел, занятий, наук. Любая способность определяется в действии, в труде, в активной жизни. Не только умение держать молоток и иглоу, но и тонкий слух, хорошая память, наблюдательность, организованность, сочувствие и т. д. — могут обеспечить тебя таким делом, за которое люди без сожаления заплатят тебе деньги.

Допустим, все замечательно — ты нашел свое дело. Но где взять время? Как использовать его эффективно? Основное правило делового человека: время — деньги. Время — твое главное богатство, твой ресурс, который ты можешь тратить или экономить. Посмотри на взрослых, которые вечно жалуются, что у них нет времени. А что они делают с ним? Не поступай так же. Остановить время ты не можешь. Единственное, чему ты можешь научиться, — это управлять собой,

относясь с уважением ко времени. Начни с привычки всех деловых людей — постоянно думать об организации своего труда. То количество труда в единицу времени, которое ты потратишь на выполнение какой-либо работы, будет называться производительностью твоего труда.

Например, можно учиться быстрее и лучше, если правильно организовать свой интеллектуальный труд. Придумано множество методов и упражнений для этого. Скажем, с помощью картинки, символического рисунка к какому-то тексту, можно быстро и верно восстановить в памяти весь текст. Но, честно говоря, все методы по организации умственного труда мало что дадут, если ты не начнешь с главного — желания учиться. Захоти знать и понимать, а не просто получать пятерки. Получая хорошую оценку, не соответствующую твоим знаниям, ты обманываешь себя, ворующь у себя время и, значит, ты и твое дело вряд ли будут процветать.

Но вот ты решил хорошо учиться. Сократить количество уроков в школе ты не можешь. Зато ты можешь так научиться слушать учителя, чтобы экономить время на домашних заданиях. Любое быстрое усвоение материала и его использование в различных упражнениях и задачах — не есть ли цель экономии времени?

Сначала подготовь себя к уроку психологически. Во-первых, не расстраивайся из-за оценок. Они редко говорят

правду о наших знаниях. Вот почему многие не могут поступить в институт, их обманули собственные оценки. Запомни: чтобы получить пятерку, тебе понадобится меньше времени, чем двойку. Ленивый учится дважды. Во-вторых, настройся на урок. Какое бы настроение у тебя ни было, чтобы ни произошло, говори себе перед каждым уроком: «Я спокоен. Я внимателен. Я уверен в себе. Я все пойму. Я сосредоточился. Я люблю писать. Я люблю решать задачи. Я хорошо себя чувствую». Можешь повторить много раз. Делай это с большой верой в то, что говоришь. Это можно произносить по дороге в школу или за партой на перемене, сжав голову руками и закрыв глаза. Дома, перед тем, как сесть за уроки, ляг на диван и произнеси то же самое. Человек — самонастраивающийся организм. Попробуй — и ты сразу заметишь, что лучше понимаешь, о чем пишется в книге и что говорит учитель. Сэкономить время дома сможешь, если на уроке решишь побольше задач. Не болтай с соседом по парте, не теряй время на поднятие руки, а решай себе задачи, делай упражнение по русскому или начинай учить заданное наизусть. Возвращаясь домой, посмотри на небо, травку или снег, скажи себе: «Жизнь прекрасна! Я доволен собой. Я занимался лучше, чем вчера. Я радуюсь жизни».

Теперь поговорим о том, как организовать жизнь после школы. У тебя дома дел

и мало времени. Спланируй его. Выдели как обязательное — поручения родителей и уроки. Кое-что можно учить не за столом. Прочитай текст по географии можно и в транспорте, а слова по английскому неплохо запоминаются на остановке или в очереди в магазине. Некоторые уроки лучше делать утром перед школой, на свежую голову. Особенно запоминается утром то, что надо выучить наизусть. А вообще для тренировки читай дома на одну тему больше, решай на одну задачу больше, делай устно упражнение, которое не задавали. Ты будешь более уверен в себе, повысишь свой авторитет, поменяешь о себе мнение в лучшую сторону. Это немаловажно для начала твоей кампании за хорошую учебу и самоорганизацию. Настоящий успех тебя ждет, когда ты станешь получать от учебы удовольствие.

Иногда очень полезно делать уроки по часам. Поставь себе ограничение во времени на выполнение задания. С каждым разом сокращай его. Это прибавляет интереса к урокам. Прояви смекалку и придумай свои способы запоминания прочитанного. Я могу предложить следующее: при чтении рисуй схемы, графики, чертежи, рисунки и запоминай их; ищи главную мысль и на нее нанизывай все остальное; что узнаешь на одном уроке, соедини с тем, что узнаешь на другом; вспоминай, про какие понятия, имена, названия ты уже слышал и читал; делай из прочитанного выводы.

Наши привычки могут быть

нам друзьями, а могут — врагами. Такая хорошая привычка, как всегда идти в школу с подготовленными уроками, сделает тебя по-настоящему уверенным в себе и в том, что твои желания сбудутся. Все деловые люди ведут дневник, где записывают свои планы, встречи, дела. Дневник делового человека здорово поможет тебе самоорганизоваться и все делать вовремя, четко, не подводя себя и других. Без хороших привычек твой путь к успеху может оборваться.

Ты, конечно, сто раз предупрежден взрослыми об ошибках, которые можешь допустить. И они в общем-то правильно говорят. И ты будешь прав, если станешь придерживаться первого условия послышки: умный учится на чужих ошибках, а дурак — на своих. Но в жизни частенько требуется рискнуть. Деловым людям без этого просто не обойтись. Нередко случается, что их ошибки помогают обрести ценный опыт, который открывает дорогу удачам. Нерешительность, страх парализуют волю, память, связывают язык, делают человека неловким. Говорят, что человек от страха выделяет адреналин, к которому некоторые собаки так чувствительны, что могут даже укусить боящегося их человека. Поэтому — не бойся! Мой старший сын почему-то боялся истории, из-за чего его трудности с этим предметом усугублялись. Он внял моему внушению не бояться плохих оценок по истории, и дела его пошли хорошо. По-настоящему

страшного в нашей жизни, к счастью, очень мало. Не позволяй своим ошибкам взять тебя на испуг. Не опускай руки, владей своими эмоциями, с упорством начинай что-то заново — все это пригодится тебе в будущем. И, конечно, понадобится самообладание и сила воли, если ты в результате своей ошибки потеряешь вложенные тобой в предприятие деньги. Тебе понадобится уверенность в себе, чтобы принять правильное решение.

Взрослые часто подсказывают тебе решения, опираясь на собственный опыт. Но уже сейчас что-то ты должен решать сам. Чем раньше ты начнешь брать на себя ответственность за собственное решение, тем раньше с тобой начнут считаться, доверять тебе более серьезные дела. Не оправдывай доверие взрослого — значит не выйти из отношений «взрослый — ребенок». Старайся, чтобы тебе доверяли, как взрослому. Ищи взрослого, который тебя научит всему, что умеет сам. Я, например, возлагаю на своих детей все более сложные дела по мере их роста. С пяти лет я доверяю стиральную машину сыновьям. Стирка у нас в семье считается мужским делом, она ведь требует немалых физических сил, и мои мальчишки вполне ответственно подходят к этому делу. Я доверяю им с семи лет брать из детского сада младших братьев и сестру. С этого же возраста я доверяю им шить на электрической швейной машинке, сверлить электродрелью дырки в стенке

и т. д. В походе с пяти лет они учатся рубить дрова, пилить бревна, грести на байдарках и многому другому. Мой и твой принцип: смотри, как делает взрослый, — и делай так же.

У каждого из вас в доме масса вещей, с которыми вы можете работать прямо сейчас, чтобы к восемнадцати годам вы были по плечу многие профессии и ремесла. Главное — заботиться и не забывать о принятом решении. Как сказал Карнеги: «Если у тебя есть лимон — делай лимонад». Это значит, что если у тебя дома есть швейная машинка — учись шить, если есть пишущая машинка — учись печатать, если есть компьютер — учись программировать, если есть автомашина — учись водить, если есть слесарные, столярные, плотничьи инструменты — учись владеть ими, если есть фотоаппарат — учись фотографировать. Учатся всегда на практике, поэтому шей себе платья, вяжи свитеры, чини стулья и диваны, разбирай сломанное радио и ищи поломки. Не хватает знаний? Бери книгу, справочник, спрашивай у взрослых. Уверена, ни одна твоя просьба не останется без внимания. Уже этим ты вызовешь к себе уважение.

Домашняя работа — богатейший источник практических занятий. Только на практике ты можешь узнать, что ты любишь делать, а что — нет, какие у тебя способности, насколько ты организован, терпелив, челен, благороден, доброжелателен, не тщеславен, не горделив ли. Живя с родителями, ты

тамы, ты быстрее найдешь дело своей жизни. Лучше поймешь себя, свой характер и его слабые места. Эти уязвимые места могут впоследствии стать теми подводными рифами, о которые разобьются твоё благополучие, счастье и надежды.

Подумай, например, уже сегодня о своей порядочности и о своей культуре. А знаешь ли ты законы человеческого общения? Советую для начала прочесть книгу Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Там ты найдешь убедительные доказательства того, что достаточно много людей получают большое жалование за умение общаться с человеком. Как сказал Оуэн Янг, «человеку, способному поставить себя на место других людей и понять ход их мыслей, нет необходимости беспокоиться о том, что уготовило для него будущее». Искусством общения не удастся овладеть без доброжелательности и сочувствия к людям. А умеешь ли ты не обижаться и не обижать? Знаешь ли, почему проигрывает обиженный и обидчик? Умеешь ли сочувствовать? Умеешь ли слушать другого? Умеешь ли уважать человека?

Еще в XVI веке французский философ Мишель Монтень в книге «Опыты» сказал: «Богатство — образ жизни». Какой образ жизни ты будешь вести — настолько ты будешь богат. Все очень просто. Посчитай, например, во сколько обходится человек, болен. Чем серьезнее болезнь, тем больше средств на лечение требуется. Да даже

то, что ты не чистишь зубы, тебе потом может обойтись очень дорого. Правильный образ жизни — гарант твоего здоровья. Здоровым быть не только приятно, но и экономно.

У каждого человека складывается в течение его дней свой индивидуальный образ жизни. И у тебя складывается — из желаний, привычек, совсем незаметно. Ты можешь привыкнуть недоделывать дела, говорить неправду, опаздывать, сидеть весь день у телевизора, грубить, курить, употреблять наркотики и т. д.

Тебя подстерегает множество ловушек. Многие взрослые из-за своих желаний уже попались в эти ловушки. Значительную часть из заработанных денег они тратят на сигареты, вино, обильную и не всегда здоровую пищу. Трудно бороться с дурными привычками. Легче их не допустить. Прояви волю и скажи себе: «Нет!» Эта победа сохранит твоё здоровье и принесет тебе немалые деньги, которым ты найдешь лучшее применение.

Образ жизни — это твоя культура поведения. Это твоё отношение к потреблению материальных благ, к потреблению пищи. Еще в древности философы хвастались друг перед другом тем, насколько им удалось сэкономить время и деньги на потребление материальных благ. Сенека с гордостью писал в своих письмах, как он однажды за день потратил на пищу самую мелкую монету того времени. Многим из нас далеко до такой экономии. Ты знаешь не-

мало людей, тратящих все свое свободное время на поиски продуктов, а затем на приготовление пищи. Порой даже кажется, что человек родился для того, чтобы есть. Так что проблема образа жизни тесно переплетается с проблемой экономики не только своих ресурсов, но и ресурсов природы, с экологией. Пришло время платить большие деньги за чистую воду, за чистый воздух, за здоровые натуральные продукты, за энергию, отобранную у природы. Если хотите разбогатеть — уже сейчас относитесь ко всем вещам бережно. Продление жизни любой вещи — это сбережение природных ресурсов. Будущему предпринимателю такая привычка пойдет на пользу. У настоящего хозяина все производство безотходное. Ему — еще один источник дохода, всем нам — меньше срада и вони от городских свалок.

Я желаю тебе стать богатым, потому что, имея большие деньги, ты сможешь сделать больше добрых дел. Попробуй понять сказанное в Библии: «Что отдал, то — твое». Святое писание указывает нам на тесную положительную связь материального богатства и духовного. Но о духовном в следующий раз. А материальные блага ты, надеюсь, понял, с какого неба падают. Правильно! Из экономики времени, ресурсов и денег. Как говорит богатейший Скрудж Мак Даг: «Сэкономленные деньги — заработанные деньги».

Людмила ТИМОФЕЕВА

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Лекторий
Сергея Тихоновича
АГАРКОВА

Для каждого из нас жизнь начинается многократно. Благодаря кризисам. Да, да, молодые люди, благодаря тем самым бедам и напастьям, которые, приключаясь с вами, кажутся вам абсолютным злом, ломающим судьбу, перечеркивающим все, ради чего стоить жить. Но это не так, друзья. Даже для вашего юного возраста, в котором кризисы оказываются достаточно сложными.

Почему?

Одна из серьезнейших человеческих бед — одиночество. Неудачи в любви, дружбе, любовный треугольник — эти ситуации, для вашего возраста наиболее частые и особенно драматичные, безусловно, усугубляют чувство одиночества, брошенности.

Сегодня, дорогие наши читатели, мы начинаем публиковать цикл бесед Сергея Тихоновича Агаркова. Наверняка у всех вас есть свой повод для общения с психотерапевтом-сексологом, коим является Сергей Тихонович. Ваши же поводы, интересы, потребности в таком общении он хорошо знает как опытный врач-практик и как генеральный секретарь сексологической Ассоциации «Культура и здоровье». Надеемся, что пояснения, советы и рекомендации Сергея Тихоновича, в том числе по проблемам весьма интимного свойства, помогут многим из вас. А начнем мы с общей проблемы, возникающей у всех людей, а у молодых даже чаще и обостреннее. Итак, слово Сергею Тихоновичу. И сегодня его тема

КРИЗИС

ногда даже, казалось бы, обычные, бытовые неурядицы воспринимаются молодым человеком не менее драматично. А бывает, что вроде бы ничего не произошло, просто кончилась тусовка, дискотека, вы вернулись домой — и вдруг появилось жуткое одиночество...

Отчего так?

Потому что в этой реальности, в жизни, как она есть, вы еще в некотором смысле неполноценный человек. Ваши права не полномасштабны, вы не в состоянии распоряжаться собой, у вас нет таких возможностей, как у взрослых, нет денег, есть подчиненность родителям и т. п. Уже поэтому человек в подростковом возрасте не может чувствовать себя достойно. И у него

не та психология, чтобы прийти к другу и сказать: знаешь, мне очень плохо, меня незаслуженно девушка бросила, я так переживаю... Сегодня вы ищете поддержки в компании, в своих группах, некоторые фанатично ходят на дискотеки, погружаясь в танцы и музыку в мир ирреального. Это в самом деле позволяет хотя бы на время отключиться от действительности со всеми ее проблемами. А кто сказал, что находиться все время в реальности полезно? Человеку обязательно периодически надо погружаться в ирреальное, которое может быть любой природы — и музыка, и религия, и творчество (но не приведи, Господи, наркотики).

Хорошо, если у вас есть друзья, есть взаимопонимание

с родителями, есть дело, увлечение — словом, если есть на что опереться: вы относительно защищены. А если у молодого человека с еще незрелой психикой нет своей группы поддержки, тогда он попадает в группу риска и способен на крайние действия.

На Западе как есть личный юрист, так есть и личный психолог, врач-консультант, у каждого уважающего себя, нормально зарабатывающего гражданина. А мы только сейчас приближаемся к этим вещам. Специалистов у нас в общем-то достаточно, но сами люди еще не готовы воспринимать такую помощь, тем более в нынешних условиях, когда все дорого. Конечно, психолог не ходит за клиентом и не уговаривает его: ты не расстраивайся, все будет хорошо... Но он не обязательно лечит постоянно. Чаще всего он просто помогает человеку осознать себя в кризисной ситуации, как бы являясь его вторым «я», с которым можно поговорить отраженно и все проблемы выяснить. Конечно, смысл имеют и службы доверия, службы психологической помощи, куда люди звонят, чтобы облегчить свое душевное состояние или «в последнюю минуту». Ведь почти всегда человека можно успокоить и отговорить от рокового шага, потому что он ждет, чтобы его отговорили. И чаще всего, позволив и не дозвонившись, он все равно не предпринимает ничего дурного: проходит тот секундный импульс, та роковая

вспышка страсти, что-то отвлекло — человек писал подобные письма, окном, телефонный звонок, сед зашел... Только в ситуации острой дезориентировки возможны глупые, необдуманные действия.

С этой точки зрения хорошо, что в нашей российской культуре письма, дневники, душеизлияния через журнал — популярная и традиционная вещь. Неимение личного психолога вы отчасти компенсируете тем, что пишете письма, в том числе в газету и журналы. Хотя что можно сделать газета или журнал. Да, в сущности, ничего. Но писавший письмо помог сам. В первую очередь писал для себя, чтобы с самим собой поговорить. И то, что человек способен на диалог с собой, что он живет не одними флексмами (ах, обидели — шататься, огорчили — драться), а задумывается, перерабатывает случившееся, оценивает себя — это его помощь самому себе. Такое письмо-размышление играет роль не только своеобразного спускового крючка, но и позволяет лучше понять проблему, больше от нее вынести из кризиса.

Да, можно закатить любую истерику, можно любую бытовую проблему, которая решается легко и бескровно, сама отмирает через какое-то время, воспринимать надрывающую, душераздирающую. Если в таком состоянии пишешь письмо, то невольно пишешь с конвульсивной силой, потому что это «Письмо к себе, к себе, к себе». Но это письмо — это не только декларация. Те из вас, кто писал подобные письма, наверняка сами себе признаются, что нагнетали страсти, чтобы придать больше значимости своей проблеме, которая, и это вы сами чувствовали, в общем-то мелковата, чтобы обратить на себя внимание канкр специфический, в нем человек чаще всего живет не столько надуманной жизнью, сколько счастливо, в действительности большинство наших проблем не драматичны и скоропреходящи.

В подростковом возрасте проблема — это скорее норма, чем отклонение от нее. Для нас, уже не детей, но еще не взрослых, чувства незначимости, неинтересности, одиночества — вечные спутники. Но кризис не вечен. Человек не может быть в нем пожизненно. Он выходит из него обновленным. Прошел один жизненный цикл, начинается другой, открываются иные перспективы, интересы, потребности. После любого кризиса человек выходит не только с потерями — обзленность, опущенность, неверие. Человек выходит очень часто обогащенным. Потому что по-настоящему нас обогащают переживания. Не события жизни, а именно переживание их нам помогает и вооружает нас. Воспринимая и перерабатывая события, человек часто становится разумнее, терпимее, потому что он лучше знает себя, свои пределы, свои законы, свои возможности. Люди вступают во

взаимоотношения и прерывают их. Поэтому каждый кризис имеет массу положительных сторон. Не случайно в религиозной философии кризис — это наказание Господнее, которое нужно принять и пережить. В восточной философии — это концепция пути: таков мой путь, моя судьба, каждый живет жизнью, которую заслужил, раз я так живу, значит, я так должен жить, я должен принять и пройти через те испытания, которые мне выпали. Это не хорошо и не плохо, а это мой путь. С этой точки зрения религия в известном смысле защищает от кризисов, от крайних мер. Она же, кстати, осуждает добровольный уход из жизни.

Можно по-разному относиться к такой религиозно-философской позиции, но одно бесспорно: у человека обязательно будут возникать кризисы, не могут не возникать. Ничего в этом страшного нет. Более того, кризисов, которые продвигают человека вперед, можно только пожелать каждому. Потому что это наш опыт, это движущая сила развития личности. А за все приобретения надо платить. Поэтому, выходя в самостоятельную жизнь и сталкиваясь с жизнью, не раскисайте, не расслабляйтесь. Кризис надо встретить и пережить достойно.

Как? Об этом наша следующая беседа.

Записала Татьяна ПОСЫСАЕВА

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

ПРО ЭТО И НЕ ТОЛЬКО...

Помогите! Подскажите! Посоветуйте!.. Как стать красивой? Стройной? Как познакомиться с девочкой? Может ли быть любовь в 12 лет? Не перечислять тем, которые интересны 14–17-летним. Порой им трудно обратиться к родителям (близким (из-за боязни, что засмеют или просто не обратят внимания)). А подростки думают, переживают, принимают важные решения, влюбляются, ненавидят. Ах, как хочется, чтобы кто-нибудь, с кем можно говорить по душам, не таясь, рядом и помог выбрать верный путь.

Те ребята, кто нам пишет, надеются, что на их вопросы ответят компетентные люди, каким можно довериться, например, Ирине Ильиничне Соковне, сексологу, которую они зовут «наш доктор». В нашем сегодняшнем разговоре участвуют люди, способные помочь вам разрешить ваши проблемы.

Наталья Гайдаренко — психолог благотворительного фонда «Душа человека». А проблема, возникающая нынче довольно часто, — как уберечь детей от сексуального насилия.

Возьмем хотя бы вот эти письма. «Мне 15 лет. В каникулы я познакомилась с парнем, который мне очень понравился. Мы вместе проводим свободное время. А недавно он меня поцеловал. Я люблю его, и нам хорошо вдвоем. Но боюсь, что за поцелуями последует что-то еще. Мне этого сейчас не хочется. Вдруг, если я откажу ему, он меня бросит?» (Аня Л., Москва). «Как сказать НЕТ, чтобы потом не стать жертвой?» (Катя Б.).

— Из письма Ани видно, что она не привыкла обманывать себя и других, предпочитает не

убегать от проблем, пуская на самотек. И это прекрасное свойство настоящей личности.

Самым лучшим вариантом станет спокойное обсуждение твоих сомнений вместе с другом. Ты можешь сказать, что тебе дорог и ты его любишь, не считаешь возможным впасть в интимные отношения именно сейчас. Мне кажется, ты поймешь. Ведь настоящая любовь — это и уважение к другому человеку, и терпение к своим отношениям.

В таком разговоре важно выбрать верный тон: не быть агрессивной и обвиняющей, и не извиняться за собственный выбор. Для выбора лучше всего употребить слово «я», а не «ты» и говорить о своих чувствах.

«Мне страшно, что ты оставишь меня, если я откажу...»; «Я чувствую, что еще не готова...» Использование в разговоре местоимения «Ты» всегда вызывает защитную реакцию и желание действовать наперекор.

После того, как ты расскажешь любимому, что тебе нравится в его характере, как ты его любишь, — закончи разговор четко обозначенной просьбой.

И еще. Наше бессловесное поведение может быть истолковано людьми превратно. Например, девушка с парнем целуются. Молодой человек воспринимает ответную пылкость как безмолвное согласие увлечь себя в постель. Девушка же в этом возрасте в объятиях и поцелуях ищет нежность, эмоциональное подтверждение собственной значимости для любимого, а не сексуальные отношения.

Если ты хочешь только обняться, скажи ему прямо об этом, внеси ясность. Если не быть искренней и честной с другом, тогда с кем же?!

А вот что советуют психологи, которые всегда готовы помочь вам, ребята, если вы позволите по телефону доверия: главное правило, которым девушка может воспользоваться, если не хочет сексуальных отношений, — не начинать их. Надо сказать «нет», и не придумывать никаких отговорок. Ей может казаться, что она действует неумело, ибо не знает, как сделать так, чтобы ее поняли, что от нее требуется больше ничего объяснять, а она и снова повторять

«Нет, я не хочу, и если ты меня принудишь к этому, то это будет насилием», «Нет, ты слишком спешишь», «Нет, твои действия убеждают меня, что я тебя плохо знаю...» Если не подойдут такие варианты, то есть один вопрос, который быстро охладит пыл молодого человека: «Ты уже готов стать отцом?»

— Вот строки из письма пятнадцатилетней Светланы Жильцовой из Курска, она чуть не оказалась близка с восемнадцатилетним юношей, но вовремя сказала «нет», так как не уверена, что любит. В то же время ей хочется начать сексуальные отношения. Как быть?

— Света поступила абсолютно правильно. И в дальнейшем всегда прислушивайся к голосу своей плоти. Не вступай в интимные отношения до тех пор, пока ты сама этого не захочешь, с тем, кого любишь. Иначе тебе грозит большая беда, которая называется фригидностью. Ты потеряешь либидо (половое чувство), если пойдешь на интимные отношения через силу.

— Тебе, Света, отвечала Ирина Ильинична Соковня-Семенова, сексолог, которого вы знаете по многим публикациям в журнале. Думаю, что подобные вопросы интересуют многих твоих сверстниц. Ирина Ильинична, раз вы приняли эстафету ответов, то и следующие вопросы к вам. Когда лучше начинать половые отношения, в каком возрасте?

— Однозначного ответа быть не может. Когда подросток вступает в интимные отно-

шения по зову собственной души, плоти, а не потому, что так принято в компании, или потому, что просто скучно, или потому, что любопытно, — вот тогда он морально созрел, а у каждого человека это происходит в свое время.

— Но ведь есть еще и закон. Он ограничивает возраст вступления в половые отношения, в различных частях света он разный — от 16 до 18 лет. В Великобритании, например, возраст, предусмотренный законом для начала сексуальных отношений, — 16 лет, у нас в стране — 18 лет.

— Раннее вступление в половые отношения считается преступлением, — считает Михаил Олегович Иванов, ассистент кафедры акушерства и гинекологии ММА им. Сеченова. — К 18 годам организм полностью созрел, да и морально человек уже готов к деторождению, основной функции человеческого организма. Про это не надо забывать. И перед тем, как вступить в половую связь в первый раз, нужно убедиться в отсутствии малейшего риска в отношении незапланированной беременности. Партнеры должны выбрать (изучить и использовать) такой способ предохранения, который обеспечивает наименьшее число неудач. Не стоит забывать и о болезнях, которые передаются половым путем, и о СПИДе. Кроме того, для людей важно уважение к личности друг друга, в отличие от обезьян. Нужна и определенная зрелость, чтобы быть равным с партнером, чтобы понимать, что он от тебя ожидает

и какие испытывает к тебе.

— Что можно ответить на такое послание, естественно, тем интереснее у них платоническая фаза. Вот у кошек, например, есть платоническая фаза — фаза намеков, когда устраивает близость с музой, они приближаются друг к другу, ми, которые старше меня, пользуются противозачаточными средствами».

— Сексуальные отношения имеют три стадии. Первая — платоническая — когда духовно общаются: это не взгляды, совпадение интересов — двое становятся ховно близки.

Вторая фаза — эротическая. Она включает в себя и подготовку партнеров к сексу, который они сочтут млемым для себя.

И, наконец, коитус.

Есть люди, которые проходят эти две фазы, сразу приступают к коитальным отношениям, себя обкрадывают. Если это устраивает — ваше дело. Ваше право. Вас удовлетворяет только третья фаза сексуальных отношений? Пожалуй, выбирайте любое. Я гарантирую, что этой девочке, — прислушайтесь и вы, наши читатели, к советам известного сексолога, одного из авторов программы сексуального воспитания в школе, — душой кризис к двадцати годам? Она никогда не будет счастлива, если не пройдет через платоническую и эротическую фазы человеческих отношений. Она навсегда останется партнером только орудием влечения, а не женщиной. Поэтому, она не должна оставаться на этом уровне, потому что это не ее уровень.

ходят хотя бы через эротическую фазу. Чем выше животные, тем интереснее у них платоническая фаза. Вот у кошек, например, есть платоническая фаза — фаза намеков, когда они приближаются друг к другу, они подмигивают, ухаживают, и никто кот не позволит себе насилие над кошкой, только с ее разрешения. И ни одна уважающая себя кошка никогда не подпустит к себе кота, если он за ней предварительно не поухаживает. Так зачем же вам опускаться по эволюционной лестнице ниже кошек?!

По результатам опроса, проведенного институтом социальных исследований среди французских подростков и молодежи в возрасте от 13 до 18 лет, были получены следующие ответы на вопросы.

— В каком возрасте, по-вашему, подростки имеют первый половой контакт?

— 14 лет и младше — ответили 14 процентов;

— 15 лет и 16 лет — считали 52 процента;

— 17–18 лет — думают 18 процентов;

— 3 процента считают, что этот контакт происходит позднее, и столько же не знающих.

— Надо ли быть влюбленным, чтобы заниматься любовью?

— Уверенны, что — «да» — 11 процент, «нет» — 36 процентов и не знают — 3 процента.

— «Доктор, помогите! Я возмущаюсь от эротических фильмов. Фотографий. Мне всего-то 16 лет, а я уже пишу Наташа из области. А вот ее ро-

весница из Пермской области, тоже Наташа, очень хочет любви, но пока занимается только самоудовлетворением. Что вы им посоветуете?

— Можно всю жизнь питаться консервами и суррогатами, быть сытым и даже получать удовольствие. Но оно не сравнимо с наслаждением человека, изголодавшегося после долгой дороги, когда ему дают кусок свежего хлеба. Попробуйте, девочки, обойтись без любовных суррогатов, и к вам придет настоящее чувство. Сразу станете счастливой и здоровей.

— Ребята делятся не только тревогами и печалью, но и радостями.

Пятнадцатилетней Ольге из Магнитогорска, кажется, повезло: «Встретила парня, которому — 24. Мы страшно любим друг друга. Он — прелесть, каких мало. Главное, ему не нужно от меня того, что обычно требуют парни. Он беспокоится о моем здоровье, учебе, настроении».

Только вот разница в годах! Ольга спрашивает: может ли такое случиться, что она выйдет за него замуж? Или же это просто первая влюбленность?

— Он, наверное, замечательный человек. Постарайся, Оля, стать не только любимой, но и необходимой. Учись понимать чужую душу. Счастья тебе!

— Ирина Ильинична, а как быть другой Ольге, уже из Омска. Она любит парня, который не живет со своей семьей, но еще не развелся. Он любит ее и свою дочь.

— На чужих костях счастье не построишь, особенно если это детские кости.

— Сейчас, пожалуйста, не смейтесь. Это серьезно. «Как быть с неразделенной любовью в 12 лет?» — очень интересует москвичку К.

— Главное ее беречь, хранить и ни в коем случае не делить. Тогда душа возмужает и придет взаимность. Он тебя оценит.

— Михаил Олегович, вы как врач-гинеколог ответьте — чем грозит «любовь» в 12 лет.

— Раннее начало половой жизни сильно увеличивает вероятность заболевания раком шейки матки. А представьте, что этот совсем еще ребенок забеременеет! Аборт — это гормональные изменения и механическая травма организма, риск быть инфицированной, бесплодной в будущем, это и воспалительные заболевания, невынашивание. А сколькими болезнями можно заразиться — от гонореи и сифилиса до СПИДа.

— У кого-то любовь в избытке, а кто-то не может разбудить в себе это чувство: «Я очень холодна к противоположному полу. Фригидна. Мне 21 год. Как-то познакомилась с парнем на дискотеке. Встречаемся уже две недели. Были и близкие отношения. Ближе к ночи я становлюсь какая-то скованная. Ему от меня трудно добиться ответной ласки. Чувствую, что это дальше продолжаться не может, и боюсь, что моя холодность отравит постепенно всю мою жизнь. Я не нахожу себе места, думаю, как изменить себя, что делать? Надя».

— Милая Надя, мы хотим, чтобы у вас все наладилось. Для этого рекомендуем обра-

титься в консультацию и семью». Это ваш шанс!

— Вот тревожное письмо из Новосибирска. «Через полтора года я окончу школу, что делать, если я ко всему равнодушна, нет никаких увлечений, никто мне не нравится, мне туга соображать». Еще все-таки Инне хочется спать. «Что мне надо ждать 30—40 лет, многие только в этом возрасте находят призвание?»

— Рекомендуем сменить жим, обязательно прохладить душ дважды в день. Обратите внимание на продукты, богаты железом (яблоки, морковь) и витамином С. Не кисните выше голову!

Те, кто не найдет ответа в этом номере, не расстраивайтесь. Как найти друг друга, бороться с неловкостью, застенчивостью, страхом, растерянностью, мечательные рецепты здоровья, привлекательности — всем этом вы прочитаете в следующих номерах журнала.

Ответы на вопросы читателей
Оксана БРЮЛОВА

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ
303-13-33

Если Вы оказались в трудной ситуации, если Вы нуждаетесь в дружбе, способном выслушать и понять Вас, если Вы не знаете, к кому обратиться за помощью, то Вашего звонка ждут психологи Московской службы телефона Доверия.

ПРОБА ПЕРА

НАДО НАЧИНАТЬ

Денис МАСЛАКОВ
10 лет, Москва

СЛОВАРНЫЕ СЛОВА

Я школьный учу словарь:
«Медведь, молоко, январь,
Лисица, Советский Союз,
Дежурный, пенал и арбуз,
Корова, рабочий, мороз»,
Ужасное слово «колхоз»,
Огромное слово «вокруг»,
Но что ж это нет слова «друг»?

Словарь я пишу без радости —
Ему не хватает главности.

Я взял бы другие слова:
Оставил бы слово «Москва»,
Учил бы серьезно и строго
Хорошее слово «дорога»,
«Собака», «конфета», «Земля»
И «Солнце» бы выучил я.
И взял бы еще я красивое
Странное слово —
«РОССИЯ».

Еще не покрасневшая рябина.
Еще не пожелтевшая листва.
Каникулы! И вовсе не обидно,
Что за окном не море, а Москва.

Садовое шипит, как сковородка.
А двор в тени зовет со всей душой.
Мой город, как собака, знает четко,
Кто свой ему, а кто ему чужой.

ПРОБА ПЕРА

Для чего я?
Ведь не зря!
Надо сделать очень много.
Ждет меня моя дорога,
И чернила, и моря,
Очень важные слова,
Маяки и повороты.
Не распахнуты ворота.
Не открыты острова.
Не исписана тетрадь.

А вопрос живет в ответе:
Десять лет на белом свете!
Ладно. Надо начинать.

Бедный мой город, в котором к обеду темно,
Грязь на дорогах и всюду испачканы стены.
Ты подожди! Мы отмоем тебя непременно.
Мы непременно сделаем к солнцу окно.

Бедный мой город в стране непонятно какой.
Ладно! И пусть! Мы пока с именами своими —
Город Москва и земля под названием Россия.
Может, она уже станет однажды страной.

Мы идем по светлому городу,
Будто это город из сна.
Мы идем по зимнему городу,
Будто это уже весна.
Колокольный звон раздается
Сотню лет или даже двести.
И опять Рождество. Не бойся!
Мы с тобой еще вырастем вместе!
Мы устроим весь мир, как надо.
Вот увидишь, ты будешь рада!

Маше

ЛЕВКЕ, МОЕМУ ДРУГУ,
КОТОРЫЙ ТЕПЕРЬ ЖИВЕТ В АМЕРИКЕ

Когда ты вернешься, я думаю, будет тепло.
Конечно, не будет тогда ни дождя, ни метели,
Чтоб все самолеты в назначенный час прилетели
И чтоб не замерзли у них ни шасси, ни крыло.

Когда ты вернешься, в России не будет беды.
И двоек не будет, и грязи. Я думаю, даже,
Когда ты вернешься, появится мясо в продаже.
Ведь ты не привык, чтобы не было вовсе еды.

Когда ты вернешься, все будет еще впереди.
Я выучусь плавать и стану умнее намного.
Пусть общая Родина будет у нас и дорога,
А там разберемся, чем стоит заняться в пути.

МОЕЙ САМОЙ ЛЮБИМОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ
ИРИНЕ ВЯЧЕСЛАВОВНЕ

Моя Королева, давайте забудем уроки!
Для вас я все время слова и таблицы учу.
Давайте все вместе пойдем погулять по дороге,
Давайте я лучше на велике вас прокачу.

Вы любите очень примеры, моя Королева?
А может, давайте, мы будем дружить просто так!
И будем искать приключения справа и слева,
И книжки читать, и смеяться на каждый пустяк.

ОШИБКИ

Мне нравится не думать о плохом,
Как будто вовсе не было плохого,
Как будто на листе совсем пустом
Я начинаю правильное слово.

Я оставляю старые ошибки
В позавчерашней мусорной корзинке
С черновиком законченного дня.
Но вдруг мои забытые ошибки,
Оттягиваясь, будто на резинке,
Срываются и стучат меня.

ЧЕЛОВЕК НЕ С ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ

Вместо послесловия

Уже познакомившись с Денисом, уже узнав о нем порядочно, чтобы думать, что он вполне благополучный человек, я спросила: «Денис, у тебя счастливое детство?» Он вздохнул и как-то замялся с ответом. Тогда говорю по-другому: что тебе не хватает, чтобы сказать сейчас и сказать в будущем: «У меня было счастливое детство»? У тебя замечательная семья, дай Бог каждому такую дружбу с родителями. К десяти твоим годам открылись перед тобой многие двери, в чем редко везет способным ребятам даже в более старшем возрасте. Кто-то из мальчишек позавидует даже тому, что ты живешь на знаменитом Арбате. Или даже тому, что твой «дом освещают собаки — мохнатые души добра», два любимых твоих пуделя. У тебя замечательные отношения с одноклассниками и учителями... Что еще не хватает тебе для

счастья?.. И тогда он сказал: — Мне не хватает доброты в людях. Сейчас жизнь удобная для многих, поэтомного злых, много ругают и обид. Деньги еще мне не нужны. Деньги. Зачем? Потому что люди не верят друг другу. Они придумали: кто работает — тот ест, кто не работает — тот не ест. Это чтобы оправдать свое неверие друг в друга. Если бы люди друг другу доверяли, зла не было бы. И этих сумасшедших не было бы денег вообще...

«Идея гениальная, но вряд ли осуществимая» — подумали и сказали одновременно мама Дениса и я. Но у меня-то было еще основания подумать: такого уровня доверия, чтобы обходиться без денег, можно добиться человечеству только тогда, но уж покончить с другой привычкой требовать друг от друга: а докажи, что ты хороший — это разве людям под силу? Какое у нас право сомневаться в другом? Мы что, безгрешны, как ангелы?

Вот Денис и впрямь словил ангельское создание. Он любит только математику и всякое техническое, а ко всему другому у него если не любовь, то вполне хорошее отношение. У него нет врагов, и он ни на кого конкретно зла не держит. То есть ему, конечно, очень не нравятся хитрые, пьяницы и дикие люди, которыми загажены наши улицы...

столкнуться с кем-то из этой публики, он наверняка пожалеет и простит этого человека.

Говорят, что не бывает людей из одного положительного. Что в каждом человеке столько всего намешано... Может быть. Но когда еще жизнь чего-то там намешает в этом мальчишке? И еще неизвестно, позволит ли он душе своей замараться. Ведь вот уберется же до десяти лет. Какой-то совершенно хрустальный, чистый человек, как не из этой жизни, не с этой планеты.

Он никогда ни о чем не просит Бога. Но две просьбы все же были. За отца — чтобы он остался жив. А вторая — за собаку. Ее украли. «Господа! — говорил Денис. — Ты знаешь, что я не беспокою Тебя по пустякам. Но сейчас у нас такая беда...» Все деньги, которые родители собрали на ремонт квартиры, были отданы на объявления по телевизору и в газете. И белый пу-дель нашелся. На другом конце Москвы, где его в ночь дождя выбросили испугавшиеся объявлений воры. А квартира, видно, еще одну пятилетку простоит без ремонта, зато все ее обитатели на месте.

Одна старая знаменитая актриса так объясняла мне природе таланта: это, мол, как муха на человека, не глупый он или умный или подлец, тот и талантлив.

Если так, то в случае с Денисом муха направилась по очень точному адресу. Он, видно, потому и талантлив на поэтическом литературном, что по природе своей человек думающий и совестливый. Это вундеркиндам способности как бы запросто так даются, а уж труд и зрелость доводят их до совершенства. А Денис никакой не вундеркинд. Да, легко учится. Да, пишет стихи и прозу. Ну так с кем не бывает. Но с ним случилось и другое: он рано и всерьез стал размышлять о вещах, которые по всем статьям не детского ума дело. А что рождающиеся мысли и открытия запросились на бумагу — это уж следствие.

Никто не скажет точно, кем будет большой Денис Маслаков. Он, например, еще не окончательно расстался с мечтой о капитане дальнего плавания, но уже задумался о журналистике. Разброд в мечтах от взрослых, которые то и дело искушают новыми идеями.

В общем, жизнь словно казенная иллюстрация тезиса о пользе быть умным, добрым и неленивым и о том, что талант дорогу всегда прощадит. Вот и спрашивается: чего еще человеку не хватает? Помните ответ? «Мне не хватает доброты в людях».

Хорошо, что есть любимое дело, когда только ты, перо и бумага...

Т. П.

Шарль ЭКСБРАЙЯ

ИНСПЕКТОР УМРЕТ ОДИНОКИМ

РОМАН

Перевод с французского Евгении АРОНОВИЧ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Горе по поводу ужасной смерти Аннелоре и Гертруды вызвало у Хельмута непреходящий гнев и стремление найти убийцу. У него был личный счет к этому чудовищу, и счет необходимо было оплатить сполна. В образе неизвестного преступника Швенке полиция сонифицировала всех, кого ненавидел в течение своей жизни: школьных учителей, унтер-офицеров на военной службе, полицейское начальство, с которым приходилось иметь дело за долгие годы, офицеров на фронте, вооруженных противников на полях сражений. И даже в том, что Ада перевернулась к нему и вообще стала другой, — в этом тоже был виноват неведомый убийца, которого он искал, — убийца стал символом всех и всего, что сделало Швенке несчастным человеком. Взять преступника и сделать из него жизненной целью, его реваншем в утомительной и беспрезультатной борьбе на протяжении всей жизни, этим и только этим он мог доказать себе и жизни, что не все для него кончено. И это послужило бы хорошим уроком Рольфу Герхарду — пухляку, надутый и ничтожный чиновник поймет, что старые работники полиции еще способны, хоть и производят меньше шума, чем молодые, и меньше суетятся. Тем не менее Швенке понимал, что задача, поставленная перед ним, трудна и почти невыполнима. Гертруды, и не осталось ни малейшего следа. Никто не мог узнать преступника, не на кого опереться, не у кого просить совета. Отто еще что-то скрывает. Может быть, он и вовсе перестал интересоваться делом, уйдя в свой эгоизм и разочарование? А может быть, он предпринимает что-то сам, желая опередить Хельмута? Непохоже на Хьюбнера, идет вразрез с его характером и привычками. Но Хельмут готов был к новым предательствам и разочарованиям. После Отто он подумал о жене, о ее предании к Аннелоре.

Окончание. Начало в № 1.

лоре, которую она даже не знала. Ничего не осталось от женщины, которую он так любил. Она стала жестокой и безжалостной. Хорошо еще, что Рудольф оказался лучше. Если Ада окончательно покинет его, сможет ли он рассчитывать на сына? Он должен стараться добиться успеха и ради сына. Пусть Рудольф гордится отцом, и пусть он скажет это когда-нибудь в присутствии матери.

Телефонный звонок отвлек инспектора от грустных мыслей. Эксперт сообщил, что в комнате Гертруды не нашлось никаких чужих отпечатков. Она умерла так же, как Аннелоре, от тех же самых рук. Инспектор со вздохом повесил трубку. Он не знал, откуда теперь начинать, куда броситься. Он вспомнил о детективах из романов, не знающих поражений, с гениальной интуицией, такие, какие нужны комиссару. Найти в городе, где один миллион шестьсот пятьдесят тысяч жителей, Иоахима Решера, который вовсе не Иоахим Решер, инженера, который вовсе не инженер и которого никто не знает в лицо, — это все равно, что решить задачу квадратуры круга. И это несчастье должно было произойти с Аннелоре, когда она поверила в человека, обещавшего ей положение в обществе. Несчастье случилось с Гертрудой, когда она собралась отдохнуть от своей тяжелой жизни, и Хельмут оказался перед неразрешимой проблемой. Все потому, что трусливый жених не сдержал слова, любовник не побеспокоился о судьбе той, которую недостаточно любил. И в то время, когда инспектор мучился в своем кабинете, не зная, к какому святому взывать, эти двое чувствуют себя совершенно спокойно, не ощущая никакой вины. Ничего, они еще пожалеют обо всем, уж он позаботится!

Матиас Фишер — сын Георга Фишера, одного из крупнейших предпринимателей, владельца экспортно-импортных контор Гамбурга — проживал по Шмилинскиштрассе. Окна дома, все в цветах, выходили на Ауссенальстер, прекрасное озеро, на берегах которого возвышались кварталы, где жили состоятельные торговцы предприниматели. Старая женщина открыла на звонок Швенке.

— Что вам угодно?

— Я хотел бы поговорить с герром Матиасом Фишером.

— Его нет. В это время он не бывает здесь.

— Где я могу найти его?

— Он не любит, когда его беспокоят.

— В самом деле? Но в его интересах встретиться со мной как можно раньше, чтобы избежать серьезных осложнений.

— А мне сказать вы не можете?..

— Нет. Я инспектор полиции.

Эти слова, как всегда, произвели должный эффект. Женщина смутилась и покраснела.

— Это совсем другое дело... Он у себя в клубе: Колоннада, дом называется «Древняя страна».

Ибо.

— Скажите по крайней мере, что плохого сделал наш ас? — крикнула женщина вдогонку уже выходящему Швенке.
 — Ничего противозаконного.
 — Слава тебе, Господи!
 — Не вздумайте звонить ему и предупреждать о моем визите. Это осложнит ситуацию.

Когда Швенке вошел в вестибюль клуба «Древняя страна», встретил дворецкий, строгий и чопорный, точно провинциальный нотариус. Он смерил полицейского высокомерным взглядом, и Швенке голосом заметил:

— Думаю, вы ошиблись. Здесь частное владение. Торжественный тон рассмешил инспектора.
 — Нет, не ошибся.
 Дворецкий вложил все презрение в ответ:
 — Я удивился бы, если бы вы оказались членом клуба. Швенке рассердился.
 — Почему же?
 — В противном случае меня бы предупредили.
 — Так вот, чтобы ничего не скрывать от вас: я не являюсь новым членом вашего клуба, мне просто необходимо безотлагательно увидеться с герром Матиасом Фишером.
 — Члены клуба не любят принимать здесь гостей, особенно если они никого не ждут меня. Он даже не подозревает о моем существовании, но думаю, он не рассердится на вас, если проводите меня к нему.
 — В таком случае извольте следовать за мной, и я посмотрю, пришел ли герр Фишер.
 Швенке последовал за дворецким по коридору, покрытому ковром, заглушающим шаги. Дворецкий открыл перед ним дверь в кабинет, обставленный с богатой мебелью и глубокими креслами. На стенах морские пейзажи. Люстра с подвесками. Швенке вошел в одно из кресел, и его чуть не сморило. Дверь скрипнула, и в кабинет пришел в себя. Вошел весьма элегантный молодой человек. Он рослого роста, шатен, полный собственного достоинства. Он уставился на полицейского, не скрывая удивления. Швенке не без труда поднялся. Пришедший приблизился.
 — Это вы хотели поговорить со мной?
 — Полагаю, вы — герр Матиас Фишер?
 — Да, но не имею чести быть с вами знакомым.
 — Я тоже.
 — Извините, у нас есть общие знакомые?
 — По крайней мере одна знакомая.
 — Правда?
 — Аннелоре Эрбен.

Лицо Матиаса Фишера мгновенно переменялось. Он попытался справиться с волнением, но ему это не удалось.

— Вы...
 — Инспектор Швенке.
 — Но почему?..
 Швенке был приятен испуг молодого человека, он видел в этом реванш Аннелоре. У Фишера дрожали руки, капли пота проступили на висках.
 — Сядем?
 У него, видно, и ноги задрожали, он упал в кресло. Когда инспектор сел, он спросил:
 — Что же вы хотите от меня?
 После паузы Швенке ответил:
 — Ваша реакция на мой приход подсказывает мне, что вы знаете, что случилось с Аннелоре Эрбен.
 — Я прочел в газете...
 — Она любила вас.
 — Может быть...
 — Нет, она любила вас.
 — Какое это имеет значение?
 — Но ведь она рассчитывала на вас, хотела выйти замуж...
 — Аннелоре была не из тех, на ком женятся такие люди, как я.
 — Но из тех, с кем такие люди, как вы, развлекаются?
 Фишер не мог удержать смешка.
 — Не первый же я был, она сама говорила...
 — Напрасно она рассказывала все о себе таким, как вы, она-то надеялась, что ее поймут.
 Фишер ощерился.
 — Прошу вас сменить тон, инспектор, разговаривая со мной.
 — Я привык разговаривать так, как мне нравится.
 — Возможно, с теми, кто живет в Сан-Паули, вы можете говорить, как вам угодно, но я — Матиас Фишер, сын Георга Фишера! Можно подумать, что вы не знаете, с кем имеете дело.
 — Знаю, не беспокойтесь!
 — И тем не менее позволяете себе...
 — Позволяю, потому что имею дело с ничтожеством и трусом. Молодой человек вскочил.
 — Уходите! Ваше начальство узнает, как вы себя ведете в доме, куда проникли незаконно!
 Швенке хранил неподвижность. Он холодно спросил:
 — Вы кончили свое выступление?
 Фишер не знал, как вести себя дальше. Полицейский воспользовался этим.
 — Садитесь и успокойтесь.
 Швенке сел.
 — Здесь не для того, чтобы сказать вам, что я о вас думаю, а чтобы сказать, что Аннелоре Эрбен была убита, а я ищу убийцу.

Наследник династии Фишеров снова вскочил.

— Вы что же, думаете, что я — убийца?

— А почему нет?

— Вы с ума сошли?

— Не думаю.

— Но ведь вы знали Аннелоре, я хотел сказать, фройляйн Эрбен, и вы должны были знать, что мы давно порвали отношения.

— С тех пор вы ее не видели?

— Нет. Это было лучше для обеих сторон.

— Это было бы лучше для вас, герр Фишер.

— Не понимаю.

Швенке засмеялся.

— Что смешного в этой истории?

— Я подумал: что скажет ваш торжественный дворецкий, если я сейчас уведу вас?

— Меня? Куда?

— В полицейский комиссариат на Давидштрассе.

— И вы бы осмелились?

— Еще как!

— Но это скандал!

— А какая мне разница?

— А где ордер на арест?

— Вы пойдете со мной добровольно.

— А если откажусь?

— Тогда через некоторое время я вернусь с ордером, и об этом узнают журналисты.

— А кто вам даст ордер?

— Ордер дают всегда, когда кого-нибудь подозревают в убийстве.

— Опять! Сколько раз вам нужно повторять, что я не при чем. Вы что же, собираетесь арестовать всех, кто когда-нибудь встречался с Аннелоре Эрбен?

— Нет, только тех, кто встречался с ней за несколько минут до ее смерти.

— Но я же вам сказал!..

— То, что вы сказали, герр Фишер, не имеет никакого значения. Потому что вы и трус, и лжец!

Швенке показалось, что за креслом Фишера появился легкий призрак Аннелоре и подмигнул ему. Фишер напоминал кучу лохотьев. Исчезла элегантность. Он больше даже не напоминал беглящего молодого человека спортивного вида, который только что вошел в гостиную.

— Не понимаю, почему вы так ополчились на меня.

— Понять просто. Аннелоре была убита из-за вас. Если бы вы не покинули ее, она бы не оказалась в положении, которое привело ее к гибели. Вы преступник, герр Фишер. Скажите, зачем вы ходили к Аннелоре Эрбен вчера вечером?

Фишер был на пороге обморока. Он еще пытался все отрицать.

— Я не ходил...

— В таком случае мы спросим хозяина гостиницы, не напоминал ли вас господин, ожидавший Аннелоре Эрбен вчера вечером. Швенке встал.

— Согласны ли вы пройти со мной в полицию?

Фишер не пошевелился.

— Вы слышали?

— Инспектор... клянусь вам, я не виноват.

— Вам придется это доказать.

— Поверьте!.. Умоляю!..

— И Аннелоре умоляла вас.

— Если вы арестуете меня, я разобью себе голову.

— И что?

— Вы меня так ненавидите?

Опершись на кресло Фишера и склонившись над ним, Швенке ответил:

— Да, я ненавижу вас и таких, как вы, я хочу уничтожить вас, чтобы другие такие же, владеющие богатством, но обходящиеся без сердца, подумали. В этом городе много таких девушек, как Аннелоре, с которыми вы развлекаетесь, они доверяются вам и таким, как вы, вы сулите им блестящее будущее, обещаете вытащить из нищеты, а когда получаете свое — прощай, малютка! На таких, как ты, Матиас Фишер не может жениться. В Сан-Паули можно безобразничать, но не жениться. Вы были вчера в отеле у фройляйн Эрбен или нет?

— Да.

— Вы ее видели?

— Да.

— Живую или мертвую?

— Живую! Даю слово!..

— Ваше слово ничего для меня не значит.

— Она была жива! Мы поспорили, она хотела ударить меня, и я схватил ее за руки.

— А за шею вы ее не схватили?

— За шею?

— Чтобы заставить девушку замолчать, нужно только немного сдавить ей шею, потом еще немного, чтобы не кричала, а когда замечают, что сделали, становятся убийцами, герр Матиас Фишер.

Фишер завопил:

— Нет, нет и нет!

Швенке выпрямился и с презрением смотрел на рыдающую и вопящую кучу тряпья.

«Вот так, Аннелоре... Этот не забудет тебя никогда».

Послышались торопливые шаги, стук, и вбежал дворецкий.

— Показалось, я слышал... герр Фишер, вам не нужна

— А вы — прочь отсюда, придете, когда позвонят! — прокричал Швенке.

В первый раз в жизни с герром Вольфгангом обращались так. Он смотрел на инспектора, как на доисторическое животное, внезапно откуда-то появившееся.

— Вы не слышали?

Дворецкий точно проснулся:

— Да... конечно..

И он удалился на цыпочках, неслышно затворив за собой дверь. А теперь, Фишер, отвечайте! Вы признаетесь, что нанесли визит Аннелоре Эрбен вчера вечером?

— Да.

— Вы застали ее?

— Нет, я ее ждал.

— Зачем вы хотели видеть ее?

— Не знаю...

— А все же...

— Она позвонила мне днем, сказала, что выходит замуж, хотела посмеяться надо мной. И мне захотелось увидеть ее... могу объяснить. Не знаю, почему, но мысль, что я больше не увижу ее, показалась мне невыносимой.

— Ну да, вы хотели иметь ее под рукой на случай необходимости... провести время. Это в ваших привычках. Ну и что произошло?

— Когда она увидела меня, удивилась. Спросила, зачем я пришел. Я ответил, что хочу поговорить. Она не хотела вести меня в комнату, сказала, что ждет жениха. Но мы все-таки поднялись, потому что хозяин подслушивал. Когда мы вошли в комнату, я стал просить ее не выходить замуж, признался, что все еще люблю ее. Я предложил ей снять хорошую квартиру, давать значительную сумму, а она...

— А она что?

— Она хотела расцарапать мне лицо и говорила всякие слова. Я схватил ее за руки и держал изо всех сил, пока она не успокоилась. Я извинился и ушел. И до сих пор не знаю, зачем пошел туда. Ревность, сожаление... угрызения совести...

— Угрызения совести — теперь, по крайней мере, я надеюсь на это.

Швенке надел шляпу.

— Вам повезло, герр Фишер. Ваши показания совпадают с показаниями Шлютера, хозяина отеля, и с рапортом эксперта, снявшего отпечатки пальцев. Аннелоре задушили не вы. Мне даже жаль, что это так. Я был бы рад надеть на вас наручники. Помните, покидать город вам запрещается.

Инспектор не стал ждать, пока Матиас Фишер придет в себя, и ушел.

Хельмут Швенке перешел на другую сторону Юнгфернштигшоссе и уперся в высокую стену Бинненальстера. Легкая победа, которую он только что одержал над Матиасом Фишером, не удовлетворила его. Он злился на себя, что употребил столько сил и страсти. Для чего было сердиться, ругаться? Ничто не может вернуть Аннелоре. И что даст погоня за преступником, тем более, у Аннелоре никого в этой жизни не осталось? Вечер был светлым, в этой части Северной Германии так еще бывает... Нежные краски небосвода отражались в спокойном зеркале озера. Хельмут представил лодку на атласной поверхности, где так хорошо было бы наслаждаться прозрачным вечерним покоем.

Все в этом пейзаже говорило о мире и спокойствии. Но он знал, что идиллическая картина — только видимость, не более, а за всем этим пропасть грязи, ненависти и крови. И такие, как Матиас Фишер, чувствуют себя в прелестном пейзаже спокойно, их все уважают. А такие, как Аннелоре, погибают страшной смертью, и никого это не волнует, разве что с профессиональной точки зрения. И Гертруда не смогла избавиться от постыдного ремесла, Отто Хюбнер заканчивает свою карьеру и жизнь в полном отчаянии, и это тоже никого не интересует. Ада переменялась и ожесточилась; полицейские, измученные работой и войной, подходят в конце службы, окруженные всеобщей враждебностью, так как стали на сторону убитых. И стоит ли после этого работать без усталости, без еды и сна? И кто бы ни совершил преступление, это все равно окажется какой-нибудь Матиас Фишер, который будет уверен, что прав. С такими мыслями Швенке смотрел на ровную водную поверхность, пока не зажегся первый уличный фонарь, за ним остальные. Толпа стала более плотной, все устремились к еще открытым магазинам. В неверном искусственном свете и этот район напоминал Репербан. Поднялся вечерний ветер, свист его смешался с тихим шорохом едва заметных волн. Хельмут припомнил слова Аннелоре: «Мне кажется, я была бы так счастлива, если бы родилась вашей дочерью, с вами так хорошо, спокойно...» Порыв горя снова захватил Швенке. Нет, он не оставит их в покое, они же не оставляют в покое его. Мало что связывает его теперь с жизнью, разве что профессия, над которой насмехается Хюбнер, но Швенке привяжись к ней, благодаря профессии он имеет возможность встряхнуть как следует Фрица Рора, так же, как встряхнул Матиаса Фишера.

В большом магазине, где работал Фриц Рор, Швенке повезло: несмотря на поздний час, один из начальников отделов оставался на месте, чтобы проверить раскладку новых товаров. Он дал полицейскому адрес Рора.

Рор жил в предместье Ральштедт. Поднявшись по Монкессе, Швенке дошел до вокзала Святого Георга, сел в по-

езд и поехал в предместье. Когда приехал, наступила темнота, и инспектору пришлось спрашивать прохожих, чем нашел Эбершморвег, где стоял ужасный дом, в котором Фриц Рор. Слабая электрическая лампочка едва освещала фанерный, как и архитектура его жилища. Двухскатная крыша вздымалась над кирпичным кубом, окруженным чахлым садом, украшенным белым фаянсовым котом, который свидетельствовал о художественном вкусе человека, выбравшего Аннелоре в жены. Швенке в миллионный раз признался себе, что женщины никогда не понять. Можно представить, как одинока была Аннелоре, если согласилась жить с господином, обитающем в подобном доме, Матиас Фишер покинул ее, и она согласилась зайти к Фрицу Рору. Вот ему Швенке и скажет, что думать о нем.

Над садовой калиткой висел колокольчик, инспектор позвонил. Тут же над дверью зажглась лампа, на ступеньках появилась женщина. Лица Швенке не различил, но размеры были внушительные. Она спросила:

- Чего надо?
- Герра Фрица Рора.
- Это еще зачем?
- Я от директора.
- Муж еще не вернулся. Но скоро будет.
- Хорошо. Я дождусь.

Женщина спустилась с крыльца и открыла калитку.

В дом она вошла первая. Она ввела его в маленькую квадратную комнату, всю стену занимала софа, купленная, скорее всего, по случаю. Два стула, большой белый полированный стол, шкаф из фанеры, такого же происхождения, как и софа, дополняли обстановку. С потолка свисала деревянная люстра, смутно напоминавшая деревенскую. На столе курительный прибор и желтая стеклянная ваза, где кончали свою жизнь несколько цветков.

— Недеюсь, вы не плохие новости принесли? Было бы весело нескати.

— Успокойтесь, мадам, только несколько чисто формальных вопросов.

— Тем лучше! Выпьете пива?

— Нет, благодарю.

Где-то поблизости заплакал ребенок, и хозяйка вздохнула: оставишь их, сразу же начинают баловаться, а у нас здесь так тесно...

— Что вы, не обращайтесь на меня внимания. Она вышла, и тут же раздались крики. Как то же увидел мадам Рор, ненависть его к любовнику давала ему силы.

значительно меньше. Швенке понял, что Рор готов был куда угодно спрятаться от повседневной жизни, такой вульгарной и уродливой. Аннелоре была для него светом и отдохновением, о котором мечтают все несчастливцы в семейной жизни, все неудачники. Хельмут стряхнул с себя сочувствие Рору. То, что этот господин, в сущности, неудачник, не делало его отношение к Аннелоре простительным. Нечего тогда было жениться на этой неряшливой мегере. Каждый человек имеет только ту жену, которую заслуживает. Неужели это правда? Значит, сам он только и заслуживает, что холодную, безразличную Аду, враждебную, молча передвигающуюся по дому? Ужасно... В мире, где война перевернула все законы, подменила идеалы, и никто точно не знает, по какой дороге идти, чтобы чувствовать твердую почву под ногами, на которой можно строить... Ах, да что там!.. Фриц Рор, наверное, напился где-нибудь, где-нибудь увяз. Звонком прервал его размышления. Он прислушался по ступенькам, звякнул ключ, открылась дверь, кто-то произнес фальшивым голосом:

— Это я! Добрый вечер, Кэте!

И из глубины коридора послышалось:

— Тебя там ждут.

Шепот за дверью. Рор, конечно, спрашивал о посетителе, объяснения, данные супругой, не удовлетворили его, или, может быть, он испугался? Швенке глубже уселся в кресло. Сейчас ты увидишь, Аннелоре, как я встряхну его, этого тоже. Обещаю, он тоже никогда не забудет тебя! За дверью кашель, инспектор улыбнулся. Герр Рор собрал все силы и вошел. Хельмут сразу понял, что разгадал его. Высокий, худой, лет сорока, залысины, очки без оправы, лицо рыхлое, привыкшее к покорности, к постоянному подчинению. Да, Фриц Рор очень походил на свой дом. Хозяин приблизился, инспектор не шевельнулся.

— Жена сказала...

— Совершенно неважно, что она сказала, я солгал, чтобы не пугать зря.

На длинной худой шее Рора задвигался кадык, точно у индюка. Жалкое зрелище!

— Не понимаю...

— Я инспектор полиции Хельмут Швенке.

— Инспектор полиции?

— И вы не подозреваете, о чем пойдет речь?

— Нет.

Врет.

— В таком случае, я вам скажу. Я пришел поговорить об Аннелоре Эрбен.

Фриц сел.

— Вы в курсе дела?

— Нет, это удивляет?

— Да. Вы родственник Аннелоре?
 — Я только что представился.
 — Да, вы из полиции. Но какое отношение вы имеете к Аннелоре?
 — А вы не догадываетесь?
 Или он глуп, или убежден, что у полиции нет ничего против него и разыгрывает наивность, или он просто не знает о гибели Аннелоре.
 — Когда вы видели Аннелоре в последний раз?
 — Вчера вечером.
 — Где?
 — В ее отеле.
 — Сколько времени длилась ваша связь?
 Рор сконфузился.
 — Я не хотел бы повредить ее репутации.
 — Ее репутации?
 — Она же выходит замуж. Позвольте спросить, с какой целью вы допрашиваете меня?
 — Я вам объяснил дважды.
 — Но разве моя частная жизнь касается полиции? И жите Аннелоре?
 — Если бы не произошло ничего экстраординарного — нет.
 — Я никогда не слышал, что в вольном городе Гамбурге администратор преследуется законом.
 — Адюльтер не преследуется, преследуется преступление.
 — Преступление?
 — Аннелоре Эрбен была убита вчера вечером.
 Сначала Рор не поверил, потом понял, что только такое событие могло привести полицейского в его дом, но все же спросил:
 — Это правда?
 — Ее задушили.
 Фриц Рор заплакал. Он не притворялся, и Швенке пожалел его.
 И после паузы спросил:
 — Вы ее любили?
 — Больше всего на свете.
 — Значит, когда она позвонила вам вчера, для вас это был удар? Она сказала, что между вами все кончено?
 Рор даже не удивился, что инспектору и это известно.
 — Это был ужасный удар. Я ездил с комиссией за товарами для магазина. Первый раз мне дали такое важное поручение. Это означает, что я получил повышение, и положение мое заметно улучшится. Я привез ей прекрасный шелковый шарф и позвонил в отель, чтобы сообщить о приезде. А она сообщила, что выходит замуж. Так что это я ей позвонил.
 — И все же вы отправились к ней?
 — Я не мог потерять ее. Аннелоре была для меня всем. Вы понимаете, господин инспектор? Я никогда не догадался, что это было.

вы сами видели... Когда Аннелоре вошла в мою жизнь, я совершенно переменялся. Я работал, чтобы стать достойным ее, и вот я получил повышение... Я мог создать ей прекрасные условия...
 — Но она не этого хотела.
 — Конечно. Что еще я мог ей предложить?
 — Оставить ее в покое, думать о ней прежде, чем о себе, развестись, если любили ее и хотели жить с ней вместе.
 — У меня трое детей.
 — Раньше надо было думать. Что у вас произошло вчера вечером у нее в комнате?
 — Я просил ее отказаться от замужества, она засмеялась мне в лицо и сказала, что никогда не любила меня... Я рассердился, я готов был ударить ее...
 — И вы сделали это?
 — Нет. Я только взял ее за плечи, чтобы посмотреть в глаза, а она повторяла, что не любит меня.
 — Она называла при вас жениха по фамилии?
 — Нет.
 — А вы не спрашивали?
 — Меня это не интересовало.
 — Что было дальше?
 — Я ушел, чтобы не заплакать в ее присутствии. Господин инспектор, вы знаете, кто это сделал?
 — Нет еще.
 — Но ведь вы арестуете его? Вы обязательно его арестуете!..
 — Я сделаю для этого все возможное. Но я должен просить вас не уезжать из Гамбурга без моего разрешения.
 За стеной раздался ужасный грохот, падение разных предметов, крики. Фриц грустно усмехнулся:
 — Вот так я и живу, господин инспектор.
 Швенке тут больше нечего было делать, и он ушел. Фриц Рор был уже и так достаточно наказан.
 Идя по темным улицам предместья к станции Ральштедт, Швенке подумал, что, может быть, он не самый несчастный человек на свете.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Будь добра, Ада, приготовь мне на завтра черный костюм. Вся семья, включая Ильзе, сидела за столом, как всегда по вечерам.
 Ада взглянула на мужа с удивлением, и он добавил:
 — Завтра похороны Аннелоре Эрбен.
 — А ты об этой девице? — усмехнулась фрау Швенке. — Нет...
 — Первые, я не хочу, чтобы соседи увидели меня в неподобающем виде, а, кроме того, мертвых должны уважать все.

— Только не тех, кто сами себя не уважали при жизни. И чем тут наши соседи? Какая связь между ними и твоими страна-
стями?

— Аннелоре Эрбен хоронят в Дорфкруге.

Ада отложила вилку.

— Этого еще не хватало! И все должны узнать, какого рода у тебя были друзья?

— Я был ее другом, лучшим ее другом.

Ильзе ничего не понимала в этой перепалке, и фрау Швенке сочла нужным объяснить.

— Представьте, одна из девиц Сан-Паули позволила убить себя, и Хельмут оплакивает ее, точно собственную дочь.

— Она могла быть моей дочерью.

Ильзе дернулась:

— Вашей дочерью, отец? Но каким образом?

Ответила Ада:

— По возрасту, каким же еще образом? Бывают моменты, когда я спрашиваю себя, в своем ли ты уме, Хельмут...

— Ты перестала что-либо понимать, Ада, жаль...

— Я понимаю достаточно, понимаю, например, что ты глупо ведешь себя.

Вмешался Рудольф.

— По-моему, глупо, что вы ссоритесь из-за особы, которую никто, кроме отца, не знает.

И Ильзе вставила словечко:

— Особенно, когда речь идет о подобных созданиях! Их берут все, кому не лень, и быстро бросают...

Хельмут разом возненавидел эту бесстрастную Ильзе, уверенную в себе и понимающую жизнь, как прямую линию, по которой идут размеренными шагами.

— А иногда их убивают.

— Конечно, это грустно, — ответила Ильзе, — но какое, в сущности, это имеет значение?

— Думаю, что если завтра убьют Аду, кто-нибудь тоже скажет, что это не имеет значения, чужие беды никого не интересуют.

— Я требую минимального уважения! Сравнить меня с уличной девкой!

— Аннелоре не была уличной. Ее беда в том, что некому было ее защитить, не на кого ей было опереться.

— Это ко мне ты адресуешься?

— Я адресуюсь ко всем женщинам, которые позволяют себе судить тех, кому не повезло.

Ада побагровела.

— Не желаю выслушивать мораль от такого ничтожества!

— Не такое уж я ничтожество, ведь благодаря мне и моей работе ты имеешь крышу над головой и накормлена.

— А не сменить ли нам тему? — предложил

Ада не желала менять тему.

— Оставь, Рудольф. — Ада сделала досадливый жест. — Эта недостойная ссора позволит Ильзе и тебе понять, каков на самом деле мой муж. Он интересуется больше девками, чем собственной семьей.

— Потому что моя семья мною совершенно не интересуется. Рудольф стукнул кулаком по столу, это настолько было не в его привычках, что все замолчали.

— Мучительный и глупый спор. Мама, отец действует, как считает нужным, и ты не должна его упрекать, он симпатизировал девушке, что такого, что он хочет проводить ее в последний путь? Хельмута обрадовала поддержка сына.

— Хоть один понял меня, благодарю, Рудольф.

Ада встала в гнев.

— Если мой собственный сын против меня, мне остается только уйти.

После ухода фрау Швенке все предпочли молча доесть то, что оставалось на тарелках, но все же Хельмут добавил для Ильзе:

— Ада не всегда была такая. Помню, до войны каждый мог постучаться к нам и попросить о помощи. И каждый встречал хороший прием. Она всегда готова была отдать последнее. Но была война...

Швенке видел перед собой девушку, вместе с которой его сын готовился вступить в жизнь. Он хотел подбодрить их и одновременно предостеречь.

— Надеюсь, что вы не узнаете наших несчастий, что у вас будет хорошая жизнь.

— Конечно, мы будем счастливы, мы же любим друг друга! — воскликнула Ильзе.

— Мы с Адой тоже любили, я и сейчас люблю ее.

— Почему же вы обижаете ее?

Рудольф наклонился и поцеловал невесту.

— Ты сама не знаешь, что говоришь, лучше помолчи.

Но Ильзе не привыкла уступать. Она освободилась из рук Рудольфа.

— А ты думаешь, женщине приятно, когда ее муж объявляет, что любил женщину легкого поведения?

— Хватит, Ильзе!

Вот и его невеста поднялась, побледнев от холодного гнева.

— Ты тоже защищаешь эту девку? В таком случае, почему ты не женился на ней?

Рудольф задохнулся от ярости.

— С какой стати мне было на ней жениться?

— С какой стати мне было на ней познакомиться вас.

Твой отец был бы счастлив познать тебя. Ильзе даже не сразу поняла, что произошло. Ярость Рудольфа не проходила. Однако он с собой и глухо проговорил:

— Прошу прощения, но есть такие вещи, которые я не переношу и никогда не смогу переносить. Если, как мама, ты не понимаешь отца, мне очень жаль, но это еще не причина оскорблять нас.

Ильзе бросила салфетку на стол и вышла. Они услышали, как она поднялась по лестнице. Рудольф пожал плечами.

— Она к маме, теперь они станут вместе ругать нас. Хельмуту было очень неприятно.

— Все из-за меня, но, несмотря на возраст и весь мой опыт, я подозревал в твоей матери такого ожесточения. Меня ставили в тупик полное отсутствие жалости, сочувствия, не знаю, и думать, я словно среди чужих.

— Да брось! Ильзе успокоится, и мы помиримся. Мы слишком долго помолвлены. Что бы теперь не случилось, мы не сможем расстаться. Что касается матери, она еще не выздоровела от всего, что ей пришлось пережить. Попытайся понять... Она отчаянно боролась за выживание. А я? Чтобы добиться нынешнего положения, мне тоже пришлось бороться, позабыв про жалость и совесть. Я сметал с пути всех, кто представлял для меня опасность и применял все приемы, даже запрещенные. Если бы я был подвержен жалости, у меня не было бы будущего, и я до сих пор прозябал бы на каком-нибудь заштатном заводике в должностного инженера.

Рудольф подошел к отцу.

— Кстати, вот сотня, которую я обещал.

— Очень мило с твоей стороны. Хюбнер достал недостающие деньги, и мы можем похоронить Аннелоре Эрбен подобающим образом. Похороны завтра в пятнадцать часов, и что бы ни думала твоя мать, я буду на похоронах. Отто Хюбнер тоже. Возможно, больше никто и не придет.

— А тебе будет приятно, если я тоже приду, пусть посмотрят соседи?

— А работа?

— Я отпущусь после обеда, так и скажу — на похороны родственницы, мне не откажут.

Рудольф отправился провожать заплаканную Ильзе, а Швенке пошел спать. Он чувствовал себя помолодевшим.

Хюбнер зашел за Хельмутом, Ада не вышла. По дороге на кладбище Хельмут рассказал другу о вчерашней ссоре. Отто одобрил его.

— Ты действуешь вслепую, старик. Я всегда говорил и повторял тебе, что мы всем чужие, всем окружающим, даже так называемым близким. В Воронеже мы окончательно распространили мысли и языки.

— Но ты забываешь, что Рудольф стал придет на похороны, чтобы быть рядом со мной.

— Мне это кажется странным.

— А для меня его приход — поддержка.

— Ты никогда не переменишься.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что ты принимаешь желаемое за действительное.

— Что ты принимаешь желаемое за действительное.

Рудольф догнал их у входа на кладбище. Он пожал руку Отто и дружески толкнул отца.

— Если бы мама узнала! Ты хоть ей не говори!

Швенке, почти счастливый, повернулся к Хюбнеру.

— Слышал? Теперь дети учат родителей.

Могили вырыли и ждали по обеим сторонам, опираясь на лопаты.

— А завтра в Люнебург поедешь? — тихо спросил Хюбнер.

— В Люнебург?

— Гертруду позабыл?

— Так это завтра?

— Утром.

— Нельзя не проводить ее, подло, тем более она погибла из-за нас... Ладно, утром поедем вместе поездом, а на станции найдем машину. А что за люди собрались здесь?

Маленькими группами люди сходились к могиле, приготовленной для Аннелоре. Все были одеты скромно, и Хельмут не мог узнать в них жителей квартала Сан-Паули. Нужно было очень внимательно посмотреть на них, чтобы различить знакомые черты.

Соседки Аннелоре с Пауль-Роозенштрассе пришли отдать последний долг подруге. Хозяин «Медведя» Гюнтер в узком пиджаке, свежевыбритый. Заметил Хельмут и Фрица Рора. Как он, интересный, узнал? Любовь, наверное, помогла. Он плакал, и те, что стояли рядом, приняли его за родственника. Были и неизвестные, среди которых, может быть, прятался убийца. Инспектор тихонько подтолкнул локтем товарища:

— Как думаешь, Отто, эта сволочь здесь?

— Его же никто не знает...

— Думаешь, у него хватило наглости явиться?

— Меня бы это не удивило.

Отто заинтриговал Хельмута. Была в его тоне такая уверенность, что Хельмут и не подумал о несерьезности его слов. Но даже если преступник здесь, где он? Кто? Хельмут переводил взгляд с одного лица на другое и сравнивал их с описанием Гертруды. Он ждал, что какой-то внутренний голос подскажет в момент, когда он встретится глазами с убийцей. Прибыл похоронный фургон, и мысли Хельмута переменялись. Женщины рыдали. Гроб опустили на канатах. После Швенке с покойной простился Отто, за которым последовал Хельмут. Все трое они стояли на краю могилы и смотрели на нее, пока она не уходила под землю. Теперь уже Хельмут узнал почти

всех, девиц с друзьями, барменов, Шлютера, напоминающего сего дня нотариуса; Гюнтер подошел слишком близко и едва не свалился в могилу. Фриц Рор убивался ужасно. Не пришел лишь Матис Фишер. Одна женщина, которая пряталась за спинами других, привлекла внимание Швенке.

— Кто это? — спросил он Хюбнера.

— Официантка из «Бука», сосисочной на углу Тальштрассе. Хельмут взглянул в лицо девушки, и у него возникла новая мысль. Ему показалось, что здесь что-то есть, еще немного, и он упадет на след, появится новая нить. Он больше не наблюдал за церемонией. Отто вернул его к реальности.

— Заснул?

Пастор и похоронный фургон исчезли. Могильщики заканчивали работу.

Они покинули кладбище последними.

— Что с тобой? — спросил Хюбнер.

— Не знаю. Эта девушка, официантка из «Бука»...

— Она что, понравилась тебе?

— Дурак...

В воротах несколько человек окружили полицейских и Рудольфа, чтобы выразить им соболезнования, точно они были семьей умершей. Швенке не мог не подумать, что, если бы это увидела Ада, ее бы удар хватил.

Хозяин «Медведя» выразил общее мнение:

— Мы рассчитываем на вас, герр Швенке, и на вас, герр Хюбнер, мы уверены, что вы схватите того, кто это сделал.

Ответил Отто:

— Мы сделаем все возможное, но это будет очень трудно, вы же сами понимаете. Этого мерзавца никто не видел, одна только Гертруда, и вы знаете, что он сделал с ней.

И в этот момент Швенке понял, что мучило его до сего момента.

Он чуть не закричал:

— Официантка!

Все посмотрели на него, спрашивая себя, в своем ли он уме. Официантка ресторана Хагенбек! Вот наш свидетель! Ему необходимо догнать! Извините нас, друзья, мы спешим!

И Хельмут почти потащил сына и товарища прочь от кладбища. Когда они отошли подальше, Швенке объяснил:

— Эта девушка сможет точно описать внешность убийцы, она видела его без черных очков и шляпы. Она обслуживала Решера и Аннелоре в субботу. Если ее описания совпадут с описаниями Гертруды и если она скажет еще что-нибудь новое, может быть, нам это поможет.

— Почему ты думаешь, что девушка запомнила его? Она ведь видит столько лиц.

Хельмут рассказал, что лже-Иоахим пролил пиво, и о чинк, которую звать Гретой, помогла ему почиститься.

— Нельзя терять ни минуты, надо срочно поговорить с девушкой, может, найдем никакого энтузиазма, и Швенке в душе отметил этот факт.

— Штеллинген неблизко. Надеюсь, ты не собираешься идти туда пешком?

— Надо позвонить в комиссариат, чтобы нам прислали машину, схожу домой, позвоню.

— Лучше я сбегаю, отец, я быстро.

— Давай! Скажешь, по поручению инспектора Швенке. Машину срочно на кладбище в Дорфкруг. Поедем в Штеллинген. Достаточно одного шофера.

— Сделаю. Ты позволишь поехать с вами? Все равно на работу уже поздно, четыре часа.

— Понравилась наша работа?

— Волнует!

Рудольф убежал, и его очень долго не было. В нетерпении Хельмут прогуливался по дороге.

— Господи, что он там делает!

Рудольф вернулся бегом, задыхаясь.

— Что так долго?

— Я забыл про маму.

— Какого еще черта ей надо?

— Пришлось объяснить, почему я дома, и перенести телефон.

— Она не слышала твоего разговора?

— Нет, я попросил ее принести папку, за которой я будто бы вернулся, взял первую попавшуюся папку и сказал, что спешу на работу.

— Хорошо разыграл!

Прибыла полицейская машина. Они сели, и Хельмут скомандовал:

— В Штеллинген, к Хагенбеку, Франц!

Очень скоро они прибыли к главному входу в Зоологический сад. Они приказали Францу ждать и бегом бросились в парк, чуть не оттолкнув контролера, который требовал билетов, крикнув: «Полиция», отчего тот едва чувств не лишился. В ресторане они потребовали собрать всех официантов. Метр потребовал объяснений, но узнав, что имеет дело с полицией, поспешил выполнить их требование. Молодые женщины собрались и выстроились вдоль стенки.

— Вы все здесь?

Метр пробежал взглядом по шеренге.

— Кажется, все, — ответил он.

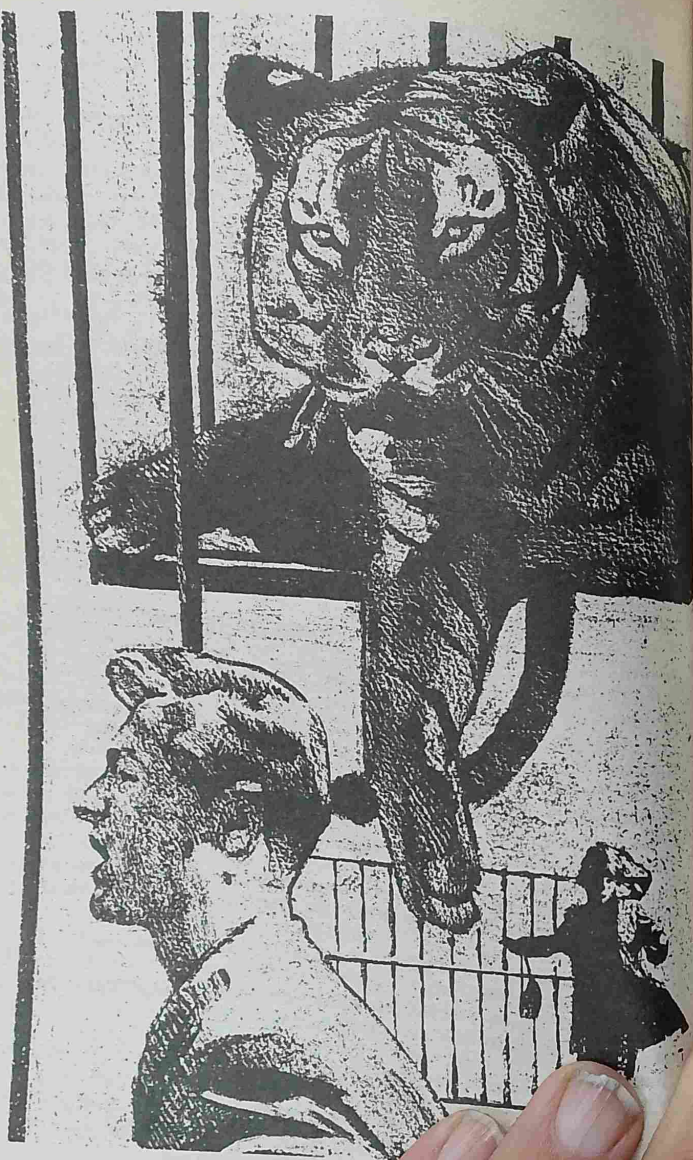
— Кто тут Грета? — снова спросил Хельмут.

— Развязная рыженькая девчонка ответила: Греты нет. Она только что вышла.

Метр возмутился:

— Как это вышла? Кто позволил?
 Рыженькая пожала плечами:
 — Не знаю. Мы все убрали столы, и Грета сказала, что у нас свидание в парке и она сейчас вернется. Ведь так, Хильдегарде!
 Хильдегарде, высокая и бледная, жующая жвачку, подтвердила слова товарки.
 — Точно.
 Хельмут испугался, сам еще не зная чего.
 — А раньше она говорила вам о назначенном свидании?
 — Нет.
 — Не знаете, где именно она собиралась встретиться со своим молодым человеком?
 — В парке, точно не знаем.
 — Как ее фамилия?
 — Шлиссер.
 — Какая она с виду?
 — Маленькая, худенькая, черненькая.
 — Как одета?
 — Черное платье с белым пикейным воротничком.
 — Господин метрдотель, пусть никто из персонала не покидает ресторан до нашего возвращения. Понятно?
 — Понятно, господин инспектор.
 Швенке приказал Хюбнеру и Рудольфу:
 — Идемте! Скорее!
 Они выбежали, а официантки стали ломать голову, что такое могла сотворить Грета, если полиция в такой панике.
 Глядя на редких прохожих, Швенке заметил:
 — Сегодня вторник, посетителей мало, это шанс. Надо как можно скорее отыскать эту Грету Шлиссер.
 Отто спросил:
 — Чего ты боишься?
 — Не люблю совпадений. Девушка уходит перед самым нашим появлением. Может быть, и глупо, но боюсь, что свидание ей назначил Иохим.
 Хюбнер пробормотал:
 — Это похоже на манию.
 — Хотел бы надеяться, Отто, но не уверен, что смогу поговорить с девушкой. Парк велик, мы должны разделиться.
 Рудольф предложил:
 — Не будем терять времени, надо идти скорее. Если вы не пойдете по центральной дороге, там животные саванны, птицы. Встречаемся у клетки с пумами. Оттуда, если не встретим девушку, спустимся на боковые дорожки. Подойдет?
 — Хорошо. Скорее!
 Рудольф длинными прыжками помчался по на

делу австралийской фауны, и перед тем, как разойтись по разным дорогам, два инспектора слышали, как он кричит: «Фройляйн Шлиссер! Фройляйн Шлиссер!» Хюбнер быстрым шагом пошел к львиному рву. Хельмут же, минуя палатки с напитками, направился на северо-запад. Некоторое время они еще слышали голоса друг друга, потом каждый оказался в одиночестве.
 Редкие посетители с удивлением взирали на серьезного господина, пристально осматривающего каждую встречную женщину и зовущего громким голосом фройляйн Шлиссер. Молодые смеялись, старшие возмущались. У Швенке заколотилось сердце, когда он увидел молодую женщину в темном платье с белым воротничком, которая кормила птиц. Он подбежал.
 — Простите, вы фройляйн Грета Шлиссер?
 Прежде, чем та успела ответить, появился мужчина во цвете лет и спросил:
 — Что такое, Клара?
 — Я ошибся. Принял мадемуазель за другую.
 — Старый трюк, придумали бы что-нибудь новенькое.
 Хельмуту понадобилось время, чтобы понять оскорбление, но, поняв, он взорвался:
 — Считаете, что выразились остроумно?
 — Нет, но и вы не лучше.
 — Прекратите, я полицейский и ищу молодую девушку, которой угрожает смертельная опасность.
 И он возобновил путь, крича время от времени: «Фройляйн Шлиссер!» Почему, однако, он сказал, что Грете угрожает смертельная опасность? Он сказал то, что думал втайне все время, как узнал, что Грета внезапно пошла на свидание. Он обошел Театр зверей под бесстрастным взглядом азиатского верблюда и подошел к клетке пум, куда в это же время пришел Хюбнер.
 — Ничего?
 — Ничего. Я обследовал загон для муфлонов, там легко спрятаешься, — все безрезультатно.
 Они услышали голос Рудольфа. Отто заметил:
 — Он преуспел не больше нас.
 Они увидели, как Рудольф показался из аллеи с клетками леопардов и загонами карликовых коз. Он подошел к ним, тяжело дыша, с потным лицом. Он признался:
 — Я бы сбегал к конюшням пони, но не хотел заставлять вас ждать. Я сейчас упаду...
 Не обращая внимания на сына, Хельмут впился взглядом в парочку, приближающуюся к ним от обезьянника.
 — Не они?
 Хюбнер прошептал:
 — Хорошенький у нас будет вид, если не они.
 — Девать, пусть смеются, это лучше, чем найти тело.
 — И спрашивай, как зовут эту девушку.

— Я тебя и не просил.
 Приближающаяся к ним пара вдруг, не доходя, свернула направо и направилась к входу в павильон с ламами. Хюбнер улыбнулся, а Хельмут закричал:

— Ну и что? Если это Грета Шлиссер, кто помешает...
 Его слова были прерваны ужасающим криком из павильона. Хельмут выругался, и все трое побежали со всех ног. Рудольф побежал вперед, и как только они достигли павильона, куда вошла перед ними пара, на пороге с безумным видом показалась девушка. Рудольф взял ее за руку:

— Что случилось?
 Она показала дрожащей рукой назад:

— Там... там... О, Господи!
 Хюбнер и Швенке вбежали в павильон. Они увидели там спутника девушки, который, на грани обморока, смотрел на что-то, расprostертое на земле. Швенке грубо отодвинул его. Женская нога виднелась из-под копы сена, сложенного в углу для подстилки.

— Рудольф, отведи господина на улицу, пусть он успокоит фройляйн, и проследи, чтобы никто сюда не входил.
 Когда молодые люди вышли, Хельмут спросил Отто:

— У меня, значит, мания?
 Отто был раздавлен. Он смотрел на ногу в нейлоновом чулке и говорил:

— Но когда? Когда?..
 Швенке разгреб сено и открыл тело. Худенькая брюнетка, одетая в черное платье с белым пикейным воротником, Грета Шлиссер, ушедшая вслед за Аннелоре и Гертрудой. Швенке опустился на колени. Девушка была еще теплая, на шее следы удушения. Иоахим подписался под новым преступлением. Швенке повернулся к коллеге. Хюбнер, как охотничья собака, обыскивал все углы, и Хельмут увидел, как он что-то поднял и положил в карман.

— Отто!
 Тот не знал, что на него смотрят, он вздрогнул.

— Что?
 — Ее убили только что.
 — Представь себе, я сомневаюсь.
 — В чем?
 — Я хотел сказать, что Иоахим убил ее, когда мы приехали в Зоологический сад, а скорее, когда мы опрашивали в ресторане манток.

Возможно.
 Точно.
 Ну хорошо, точно, и что из этого следует?
 Как он мог догадаться, что мы едем сюда?
 Я не умею разгадывать загадки.

— Скажи, что все это значит? — еле сдерживаясь, спросил Швенке.

— Что?

— Мне не нравится твоя манера поведения.

— Очень жаль.

— Кажется, ты не очень торопишься схватить убийцу.

— А если это так?

— Я обязан спросить тебя, по какой причине?

— Спроси себя и оставь меня в покое.

— А что ты подобрал в сене, Отто?

— Ничего.

— Я видел.

— Значит, плохо видел.

— А если я потребую у тебя вывернуть карманы?

— По какому праву? Мы в одном чине, если я не ошибаюсь.

— Отказываешься?

— Конечно.

— Но ты так странно ведешь себя!

— Пусть так.

И тогда Хельмут медленно проговорил:

— Кроме того, я констатирую, что ты носишь перчатки.

— Старая привычка. Когда я иду на похороны, я одеваюсь, как это было принято в старину.

Делая вид, что не слышит, Швенке продолжал:

— Глядя на синяки на шее Греты, я утверждаю, что это такие же синяки, какие были на шее Аннелоре и Гертруды, и совершенно ясно, что убийца был в перчатках.

— Значит, убийца — я? И когда же я успел убить ее? Почему я ее убил? Ты потом подумай над этим? Может быть, я и Аннелоре убил, и Гертруду? Странные у тебя идеи, Хельмут... Ты воображаешь, что я мало наубивал, нося военную форму, и мне хочется еще?

Швенке, конечно, стало стыдно. Он тихо проговорил:

— Но ведь никто не знал, что мы собирались...

— Никто? Но ты сказал это вслух перед воротами кладбища, там была тьма народу.

— Правда...

Хельмут понял, что допустил ошибку, которая стоила жизни Грете Шлиссер. Какой ужас!

— Ты прав. Я — старая галоша. Ни на что больше не годен... Разучился даже держать язык за зубами и соблюдать элементарную осторожность. Убийца был рядом. Он должен благодарить меня за помощь.

Снаружи послышался шум. Отто пошел посмотреть, что происходит, а Рудольф не пускал их. Отто успокоился, когда Рудольф позвонил в комиссариат из будки у ворот. Убийство от имени инспектора Швенке.

месте преступления и ожидает помощи. Потом он в нескольких словах ввел в курс дела служителей и с ними вместе вошел в павильон. Он велел закрыть дверь, ведущую на луг, где паслись взрослые ламы. Животные попадут в помещение немного позже, вот и все. Один из служителей запротестовал:

— Если появится кто-нибудь из нашего начальства и увидит лам в такой час на лугу, знаете, что он нам сделает?

— Ничего, я объясню ситуацию. Вы подчиняетесь нашему приказу. Мы сделаем прощ: один из вас пойдет предупредить директора и расскажет, что произошло. Все равно нужно сообщить.

Служитель согласился.

— Это правильно. Пойдешь, Ханс?

Ханс не заставил себя упрашивать, он рад был уйти. И он поспешил в дирекцию.

— Итак, герр Швенке, вы довольны собой?

Комиссар Рольф Герхард вызвал Швенке, как только он вернулся из зоопарка.

— Не сказал бы, господин комиссар.

— Это доказывает, что вы иногда мыслите реалистически. Жаль, что это не всегда отражается на работе.

— Господин комиссар!

— Вы не только не способны задержать преступника, вы еще позволяете ему спокойно совершать новые преступления.

— Мне не удалось установить его личность.

— Итак, вы признаете свое бессилие? Помнится, два дня назад вы собирались немедленно арестовать его. Передумали?

— Задержать его оказалось труднее, чем я думал.

— Вы оказались в положении новичка, а еще просили о продолжении службы. И вы еще считаете полезной вашу службу в комиссариате?

— Я сделал все, что мог.

— Значит, вы можете очень мало, позвольте заметить. Благодаря вам завтра над нами будут смеяться все полицейские страны.

— Если можно смеяться над убитыми...

— Не вам иронизировать над коллегами, тем более, над начальством!

— А теперь моя очередь сказать вам, господин комиссар: довольно и вам смеяться надо мной!

Герхард вперила взгляд в инспектора, чтобы убедиться, хорошо ли он расслышал.

— Вы что же, позволяете себе...

— Да, я позволяю себе, господин комиссар! Пора договориться навсегда. Я не собираюсь все время выслушивать ваши шутки, они мешают мне работать. Вы дали неделю, потом отменили этот ничтожный срок до сорока восьми часов. Эти сорок

восемь часов заканчиваются завтра вечером. Можете оставить меня в покое до завтрашнего вечера?

Рольф Герхард изо всех сил старался сохранять спокойствие, разделяя слова:

— Герр Швенке, я никогда не забуду вашу абсолютную дисциплинированность, которую вы только что проявили, и оскорбление, которое вы нанесли мне. Если застра вечером вы не приведете в мой кабинет тройного убийцу, вы не только будете отстранены от дела, вы будете уволены с порицанием, и это через несколько месяцев может сказаться на вашей пенсии!

— Ничего другого я от вас и не ожидал. Могу я теперь приступить к работе?

— Идите работать, герр Швенке. Я жду вас здесь через двадцать четыре часа.

— Я приду, господин комиссар.

— Надеюсь, инспектор.

Отто отправился домой, но Рудольф решил остаться, чтобы вернуться в Дорфкруг вместе с отцом. Швенке заметил, что сын его очень расстроен.

— Что с тобой?

— Не могу забыть тело под соломой, ужасно!..

Швенке положил ему руку на плечо.

— Да, ужасно. Не надо было брать тебя...

— И я ничем не смог помочь...

— Это часто случается в нашей работе. Кажется, что есть люди, отмеченные смертью, такая уж у них судьба...

— Почему?

— Поди узнай... Часто из-за их же глупости. Сначала случаются пустяковые истории, потом все как-то связывается в цепь, все закручивается так, что невозможно остановить... Этот Решер, например, он вовсе не профессиональный убийца, и однако, он убивает, убивает... И когда мы арестуем его, получается: чтобы избежать скандала, который мог бы сказаться на его карьере, он потеряет жизнь, по крайней мере — свободу. Идиотизм!

— Конечно, но я полагаю, он не подумал заранее, а потом было слишком поздно.

— Для каждого в жизни наступает такой момент, когда слишком поздно... Ладно, оставим это...

Они вместе вернулись в Дорфкруг. На пути от трамвайной остановки до дома Швенке рассказал о споре с Рольфом Герхардом.

— Иногда я жалел, что ты не пошел работать в полицию, но после подобных сцен я радуюсь, что ты избрал другой путь. Ничего нет хуже подчинения вышестоящим, которые не понимают в деле и думают лишь о продвижении по службе. Как он может ожидать, что я найду и арестую преступника без твоей помощи? Только не случится ничего невероятного, а этого...

Мне-то может, завтра вечером я уйду из гамбургской полиции. Я же равно, все осточертело, но что скажет твоя мать?..

— Я постараюсь объяснить ей.

— Ада похожа на моего комиссара, она слышит только то, что хочет слышать. Она с торжеством станет доказывать, что все из-за Аннелоре Эрбен. В определенном смысле так и есть. Но если меня выгонят, я не получу полной пенсии, а жизнь и так очень трудная.

— Не бери в голову, я всегда помогу тебе.

— Знаешь, Рудольф, я почти счастлив, что так случилось, несчастье сблизило нас, мы узнали друг друга, мы поняли, что можем рассчитывать друг на друга, это меня за многое вознаграждает.

Домой они вернулись порознь. Ильзе, наверное, в ярости, что Рудольф не встретил ее, как всегда, после работы. Может быть, она даже узнала, что после обеда его не было на работе. Придется ему что-нибудь придумать, чтобы вывернуться. И если бы он явился домой в обществе отца, ничего бы не помогло.

Когда Рудольф ушел вперед, Швенке решил прогуляться по Дорфктуру. За это время Рудольф уладит свои дела. Взаимопонимание с сыном радовало инспектора. Ему теперь казалось, что Аннелоре, Гертруда и даже Грета принадлежали к другому миру, который он отделил от себя. Он снова стал думать об Отто, давнем друге, и ему стало стыдно слов, которые он сказал. Он решил извиниться с самого утра, когда они поедут в Люнебург хоронить Гертруду. Конечно, ехать туда — терять драгоценное время, но Швенке не питал больше никаких иллюзий — вряд ли он задержит неведомого Исааха Решера. Пусть другой ищет, ему все равно. Он не чувствует себя униженным, потому что уверен, что тот, кто придет ему на смену, останется ни с чем, как и он. Несмотря на сочувствие к жертвам, Швенке понимает, что перспектива поймать убийцу нулевая, и это ему тоже все равно, нет больше чувства мести, ничего нет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Швенке с Хюбнером все следующее утро провели в Зоосаде, в слабой надежде найти что-нибудь подозрительное, какую-нибудь нить, которая смогла бы привести к таинственному призраку — Исааху Решеру, а этот призрак оставался вне досягаемости и появился на свет Божий лишь для того, чтобы совершать преступления, потом он снова исчезал неизвестно где.

Сотрудницы Греты, опрошенные одна за другой, оплакивали потерю подруги, но ни одна не смогла сообщить какой-нибудь подробности, которые помогли бы полицейским. То, что рассказал о Грете ее муж, тоже не дало ничего нового, как и быстрый опрос соседей по месту жительства фройляйн Шлиссер. Выясни-

лось, что Грета никогда до того несчастного дня не видела Иоахима — имеется в виду обед Аннелоре с Решером в ресторане, когда она обслуживала их. Однако фройляйн Роземайер, которая подбежала к телефону в ресторане, сообщила, что, если бы ее спросили, она бы и раньше сказала, что, выходя из кабины, Грета сообщила: «Мне повезло, прекрасный звонок, есть возможность заработать пятьсот марок».

Больше фройляйн Роземайер ничего не узнала, так как Грета убежала, не ответив на ее вопросы.

К полудню Хюбнер и Швенке вышли из Зоосада, еще раз напрасно потеряв время. Иоахим Решер оставался мифом. Отто попытался развлечь товарища, вспомнив Рольфа Герхарда, но Хельмут не собирался шутить.

— А что ты собираешься делать? — огорченно спросил Отто.
— Продолжать, — ответил Швенке со вздохом.
— То есть?

— Как будто ты не знаешь! Буду опрашивать людей, которые ничего мне не скажут, которым наплевать на меня, — я ведь полицейский! Потом доложу комиссару. А ты?

— Я? Поеду в Люнебург проводить в последний путь Гертруды. Ты не поедешь со мной?

— А почему бы и нет? За эти четыре часа Решер не станет ни ближе, ни дальше. Едем в Люнебург, Гертруда мне дороже Рольфа Герхарда!

После погребения мать Гертруды пригласила их на ферму, купленную дочерью, где старая женщина разводила кур и кроликов. Теперь, лишившись ежемесячной помощи от дочери, она вынуждена будет продать ферму, если дочь ей ничего не оставила. Полицейские успокоили ее на этот счет, попивая кюммель, преданный старушкой.

— Гертруда часто писала мне о вас в письмах. Она писала, что вы с ней дружили. Хотя не совсем понятно, где вы могли с ней познакомиться. Ведь она работала в косметической фирме. Как же вы познакомились?

— Они только переглянулись.

— У моей Гертруды была хорошая профессия, она одевалась как знатная дама, рекламировала духи, туалеты и парфюмерию ей, наверное, стоили дешево. Иногда она приглашала меня в ресторан рядом с вокзалом, я всегда боялась стеснить ее. Ведь я простая крестьянка... Очень хорошая была у меня дочь, никто не скажет о ней дурного слова. Щедрая, верующая, никогда не пропустила воскресной службы. Почему я не ушла раньше? Какая несправедливость!

Она тихо плакала. И инспектора слушали рассказ о Гертруде, которой никогда не существовало.

— За что же ее убили? Какие люди злые!

Вы поймаете этого проклятого убийцу?
— Мы все сделаем для этого, мадам, но дело очень трудное. Я надеюсь на вас. Надеюсь, что вы схватите его, и я приеду в Гамбург на суд. Как вы думаете? Ему отрубят голову?

— Суд решит.

— Я расскажу суду, какая у меня была прекрасная дочь! Отто подумал, что, если когда-нибудь убийца предстанет перед судом, нужно будет сделать все, чтобы мать Гертруды не попала в процесс, не то она узнает некоторые озорные факты биографии дочери.

— Позвольте, я налью вам еще. Но они спешили на поезд. Старая женщина поцеловала на прощание обоих. Она стояла на пороге, пока они не скрылись за поворотом, где ожидало такси.

После долгого молчания Хельмут проговорил:

— Не знаю, как ей удалось так долго обманывать мать... а та ничего не замечала.

— Мы все играем комедию и очень часто не знаем, кто на самом деле наши самые близкие люди.

Швенке промолчал, боясь новой вспышки мизантропии у друга. Подъезжая к станции, Отто вспомнил:

— Моя жена любила Люнебург — мы провели тут медовый месяц. Она говорила, что мы будем жить здесь в старости... Но она была нетерпелива.

Хельмут снова промолчал. Бегство жены оставалось незаживающей раной для Отто, ничто не могло ее залечить. В купе они молчали, но Хельмут решил все же заговорить.

— Через несколько часов я доставлю Рольфу Герхарду самую большую радость в жизни — предоставлю возможность выбросить меня на улицу.

Хюбнер смотрел в окно. Не поворачивая головы, ответил:

— Брось... Все эти Рольфы Герхарды и им подобные ничего не стоят.

— Не понимаю, что я еще мог делать? А как ты думаешь, кому он передаст дело? Своему любимчику Густаву Белену — он был в отпуске и завтра выходит на работу.

— Не знаю, и вообще плевать на них!

— Тебе плевать, а мне нет!

— А что будешь делать?

— Искать преступника частным образом!

— Да, иногда тебя посещают богатые идеи!

— Я хочу, чтобы восторжествовала справедливость!

Хюбнер взорвался:

— Справедливости! А что такое твоя справедливость? Я сам не знаю, но в чем я убежден, так это в том, что никто не должен убивать ближнего!

— Кто же делал в течение пяти лет?

- Это разные вещи.
- Ничего подобного!
- Во всяком случае, ни Аннелоре, ни Гертруда не должны были умереть.
- А другие? А погибшие под бомбами должны были умереть?
- А русские, которых мы убивали для примера?
- С ума сойдешь с тобой, Отто! Похоже, ты не хочешь, чтобы мы нашли убийцу?
- А если и так?
- Почему?

— Потому что с меня довольно. Хватит убивать, лишая свободу, отдавать людей судьям. Я, конечно, не одобряю этого человека, но я вижу его затравленным, загнанным зверем, который продолжает убивать, чтобы скрыться, спастись, — из-за нас он не может делать ничего другого. Представляешь себе его страх? Он должен предугадывать наши действия, отгадывать намерения. Каждый миг он рискует жизнью, всем... Он не колеблясь отравился на похороны Аннелоре, боясь, что мы раскроем его.

- Что же, разве мы — преступники?
- Мы — тоже.

Швенке возмутился, но, как всегда, не смог найти аргументов, чтобы сокрушить парадоксы Отто. И тоже стал смотреть в окно. И до прибытия в Гамбург они не разговаривали.

Без всяких иллюзий Швенке провел вторую половину дня в Сан-Паули. Он искал, спрашивал: а вдруг отыщется какой-нибудь свидетель, о существовании которого он и не подозревал. К девяти часами часам он решил возвратиться в комиссариат, чтобы предстать перед Рольфом Герхардом, признать поражение и получить отставку.

Хюбнер ждал и, когда увидел Швенке, который вешал пальто и шляпу и готовился идти наверх к комиссару, сказал:

- Смелее, старый дурак, нужно пережить всего одну неприятную минуту. Вспомни, нам с тобой приходилось и похуже.
 - Спасибо, Отто, я постараюсь сохранять спокойствие.
- Не ожидая ответа, Швенке поднялся и стал стучать в дверь кабинета Герхарда. Привлеченный шумом, в конце коридора появился дежурный.

- Вы ищете комиссара, инспектор?
- Да.
- Он недавно звонил и передал, что задерживается и будет поздно вечером, я как раз шел к вам, он сказал, что обязательно должен вас увидеть.
- Хорошо, Фридрих. Если увидите комиссара раньше, скажите, что я буду обязательно, хотя и не дежурю сегодня.
- Сделаю, инспектор.

Швенке не хотелось возвращаться в Дорфкруг. У него было ощущение, что истекают последние часы его работы, Швенке снова

на Репербан, эти места он считал чуть не частной собственностью. Тем, кто видел инспектора на улице, казалось, что хозяин может прийти сюда, готовясь покинуть их навсегда. Он, конечно, должен был потерять свой собственный мир. Швенке обменивался несколькими словами с владельцами кабаре, и эти опереточные генералы и адмиралы держались весьма любезно, так как давно знали и ценили инспектора. Что ждет его завтра? Он спустился по Репербану и дошел до конца квартала, там, направо, начиналась Гроссе Фрайхайтштрассе. Вот и сосисочная «Бук», изрядно освещен, любопытные глазают, как хозяин у всех на виду жидит сосиски и колбасу. Здесь он был с Аннелоре. Призрак ее шел рядом с ним. Чуть дальше к Швенке присоединился и призрак Гертруды. Погруженный в воспоминания, инспектор бродил без цели по кварталу Сан-Паули. Незаметно для себя, он, сделав круг, вернулся к комиссариату в момент, когда часы пробили полвосьмого.

Хюбнер ждал его.

- Скорее, Хельмут, тебя ждут.
- Кто?
- Шлютер.
- Чего ему?
- Он не говорил. Ждет тебя.

Шлютер ждал в кабинете. Он встал.

- Добрый вечер, господин инспектор!
- Добрый вечер, Шлютер! Садитесь! У вас что-нибудь есть для меня?
- Да, господин инспектор. Я обещал помогать вам и держу слово.
- Слушаю.

Хюбнер спросил:

- Я здесь лишний?
- Швенке только пожал плечами, и Отто уселся верхом на стул. Гордый ролью, которую играл, Шлютер торжественно произнес после паузы:
- Ева Риндинг вернулась, чтобы узнать, говорит ли ему что-нибудь это имя, но понял, что Отто известно не больше, чем ему самому.
- А кто такая Ева Риндинг?
- Подруга Аннелоре Эрбен, ее соседка по площадке. Полицейские насторожились.
- Где она была?
- В тюрьме.
- Вот как!

— И к чему этому поводу, господин инспектор! Она поддалась одному из больших магазинов... Одним словом, она

получила три месяца. Она просто потеряла голову, понимаете, эти роскошные прилавки...

— Пока не улавливаю смысла вашего сообщения.

— Понимаете, сегодня я уезжал на целый день в Бремен по делам — меня замещала одна из старых жительниц отеля фрей-Доротея Хансрегген, она живет больше десяти лет, очень достойная пожилая дама. Она и приняла Еву Риндинг утром, когда та вернулась. Ева ничего не знала об Аннелоре. Она девушка с добрым сердцем, поэтому поехала на кладбище в Дорфкруг, чтобы положить цветы на могилу подруги.

— Очень мило с ее стороны, но что из этого следует?

— Слушайте внимательно, господин инспектор. Возвращаясь с кладбища, Ева шла на остановку трамвая номер 36 — и кого, вы думаете, она встретила на остановке? Иоахима Решера!

Очень довольный произведенным эффектом, хозяин гостиницы с торжеством смотрел на обоих полицейских.

Хельмут Швенке, побледнев, склонился над ним:

— Вы уверены в том, что сказали нам, Шлютер?

— Совершенно уверен, господин инспектор.

— Значит, эта Ева знает Решера?

— Она была вместе с Аннелоре, когда та встретила Решера в первый раз. Она не видела его с тех пор, но хорошо помнит, наверное, потому что выбрали не ее. Надо признаться, Ева очень хорошенькая...

— Откуда вы это знаете?

— Ева мне сама все рассказала, пришла в мой кабинет, красавая, нарядная, надушенная, ей не дашь ее тридцати лет. Она отдала мне ключ, сказала, что рада снова видеть меня, мы поболтали, так, всякие глупости... Потом заговорили о бедняжке Аннелоре, вот тогда она рассказала, что встретила Иоахима Решера и идет на свидание с ним...

Швенке вскочил рывком.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что Ева Риндинг сегодня вечером должна встретиться с Иоахимом Решером.

— Шлютер, разве вы не знаете, что мы разыскиваем этого человека как убийцу?

— Знаю, господин инспектор. И первым моим побуждением было предостеречь девушку, но я подумал и ничего не сказал.

— Ну что ж, я рискнул. Если бы я сказал Еве правду, она бы не пошла. И тогда как бы вы нашли преступника? Я надеялся, что у вас будет достаточно времени расставить ему ловушку, но что тут скажешь?

— Где они собирались встретиться?

— В «Титенкабаре», в Валентинскампфе.

— Когда?

— Около восьми часов. Ева ушла в семь тридцать.

— Господи, уже девять! Тем хуже! Если нам хоть раз повезет, успеем! Вы с нами, потому что только вы знаете Еву Риндинг.

Швенке проклинал себя за то, что ходил прогуливаться по Сан-Марино. Если бы он был на месте, Шлютер нашел бы его вовремя.

— Можно было бы успеть устроитьмышеловку для Решера. Решительно все против него. Неужели провидение покровительствует убийце? Хотя бы не опоздать! Никакой надежды. Так или иначе, Решер уготовил ей участь Гертруды.

— Как эта девушка узнала его, Решер уготовил ей участь Гертруды?

— Греты...

Они остановили машину на Генземаркте и пешком направились к Валентинскампфу — огни «Титенкабаре» освещали темную аллею. Отто остановился у входа, сжимая оружие в кармане. Хельмут Швенке и Шлютер вошли. Они остановились на пороге зала, оттого дым и винных паров. Хозяин гостиницы оглядел присутствующих и констатировал:

— Ей нет.

Швенке понимал, что так оно и должно быть. Он подошел к стойке и спросил бармена:

— Полиция. Тут должна была быть девушка с молодым человеком, они недавно ушли...

— Знаете, парочек тут много...

Шлютер описал Еву и ее туалет.

— Да, я обратил на них внимание. Пяти минут не прошло, как они ушли. Он спускался в полуподвал, а когда вернулся, буквально тащил партнершу.

— Утащил?

— Да, она как будто не хотела уходить...

Хельмут направился к выходу, бросив Шлютеру:

— Подождите меня здесь, Шлютер!

Он спустился в умывальную и спросил даму, дежурившую там: — Молодой человек только что звонил тут по телефону?

— Да, а почему вы спрашиваете?

— Какой номер он набирал, не видели?

— Он только взял у меня жетон, а звонил из кабины. Я ничего не видела и не слышала.

Хюбнер и Шлютер ждали Швенке у входа на улице.

— Что теперь, Хельмут?

— Давай подумаем, Отто... Решер хочет покончить с Евой как можно скорее. Куда он мог повести ее? Вряд ли к себе, это опасно...

Отвечил Шлютер:

— Тут недалеко парк.

— Идем туда!

Решер на другую сторону, Швенке со Шлютером пошли в сторону Карл-Мукплац, где было кабаре. Они пошли в сторону Карл-Мукплац,

вглядываясь в каждую встречную пару. Сошлись у входа в парк, потом пошли к Гляцисшоссе, прислушиваясь и оглядываясь. Небо сияло отсветами огня Репербана. Они осматривали все темные уголки, когда услышали крик. Бросились туда. Они так торопились, что чуть не пробежали мимо, не заметив ее. Она лежала на траве под деревом, и так как юбка задралась, в темноте мелькнуло белое белье. Швенке нагнулся и тут же выпрямился со вздохом облегчения.

— Наконец-то мы не опоздали, она в порядке, это обморок. Они привели девушку в чувство, и она, рыдая, рассказала о своем грустном приключении. Иохим был очень мил, они долго говорили об Аннелоре, размышляя, кто мог ее убить. Ева плакала. Решер отошел в туалет, потом вернулся и предложил Еве проехать с ней. Они пошли через парк, так как это самая короткая дорога к Репербану. Вдруг спутник отделился, она почувствовала, что кто-то сзади схватил ее за шею, и закричала. Больше ничего не помнит. Бессмысленно преследовать преступника в темноте парка. Он мог выйти через два выхода: на Холштенваль или на Репербан. Признавая поражение, Швенке и все остальные вернулись к машине. Девушка постепенно приходила в себя и вдруг заметила, что она так и не разжала правую руку, в которой сжимала что-то. Когда она справилась с судорогой и раскрыла ладонь, в ней лежал брелок, который Отто стал рассматривать в свете фар. На брелке был спортивный значок. Хельмут положил вещь в карман и объяснил:

— Первое вещественное доказательство. Может быть, оно куда-нибудь приведет нас.

Швенке вышел из машины у автобусной остановки на Репербане.

— Отто, я иду спать, или со мной концы. Проводи, пожалуйста Шлютера и Еву в отель. И дай фройляйн Риндинг охрану.

— А как с комиссаром? Ведь он будет тебя ждать...

— Подождет. Он всегда успеет сказать мне, что хочет.

— Правильно. Спокойной ночи, старик.

— Спокойной ночи. А вам, фройляйн, пусть это приключение послужит уроком. Никому не открывайте дверь, понятно? И никого не убить. Он не уснет, пока еще раз не попытается устранить вас. Мы будем охранять вас, но помогите нам, пожалуйста.

— Обещаю, господин инспектор.

У инспектора Швенке была привычка: возвращаясь домой, вытрясывать все из карманов на столик в прихожей, чтобы не забыть ключи, если вздумается сменить костюм. Он положил на столик полицейскую бляху, ключи и брелок, отнятый Евой у преступника и поднялся в спальню, слишком уставший, чтобы думать о чем-нибудь. Он был так близок к победе — и снова проиграл. Теперь он был сломлен, теперь ему не поднимать голову.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Во сне Хельмут все время преследовал убийцу и старался помешать ему задушить очередную жертву. Он каждый раз просыпался, задыхаясь, по лицу струился пот. Видения повторялись. Лишь к рассвету он погрузился в глубокий, спокойный сон.

К десяти часам Ада пришла узнать, не заболел ли он. Дверь скрипнула, и спящий проснулся.

— Что? — едва не вскрикнул он.

— Это я. Хельмут, ты не заболел?

— Нет, а что?

— Уже поздно, ты не проспал?

Хельмут рывком сел — жена раскрывала шторы.

— Который час, Ада?

— Пол-одиннадцатого.

— Черт!..

— Уже два раза звонили из комиссариата.

— Кто?

— Хюбнер.

— А что он говорил?

— Что тебя требует комиссар, что он рвет и мечет.

— Если это ему нравится — пожалуйста. Ладно, встаю!

— Сварить кофе?

— Пожалуйста.

Ада пошла в кухню. Хельмут — в ванную. Предстоящая встреча с комиссаром больше не пугала его, даже веселила. Раз все кончено, он выскажет все, что хотел сказать все эти годы. Как когда-то на войне, перед атакой, он перешел границы страха и испытывал только одно желание: поскорее напасть на врага.

Закончив туалет и проглотив кофе, Швенке вышел в переднюю и стал надевать пальто; взял на столике ключи, и тут возникло смутное чувство, что чего-то не хватает. Брелка! Он поискал на полу и, так как не нашел, позвал Аду. Она появилась, вытирая руки о фартук, она всегда недовольна, когда мешают мыть посуду.

— Ты ничего не убила со столика?

— Нет. Ты что-то потерял?

— Брелок со спортивной эмблемой.

— Но это брелок Рудольфа.

— Рудольфа?

— Да, он уже решил, что потерял его, и очень обрадовался, когда нашел здесь утром, он просто забыл его дома.

Хельмут больше не слышал слов жены. Он оперся о стену, чтобы не обрушиться на пол со всей высоты своего роста. Все что было над ним, потолок падал на голову. Сердце готово было остановиться, когда он пересохло.

— Как изменилось его лицо, Ада испугалась.

— Тобой?

Он пошатывался. Невозможно! Только не его сын! Его мальчик! Чудовищно! Любой другой, только не он!

— Ада!..

Больше он ничего не мог произнести.

Потом собрал все силы и спросил:

— Ты была дома, когда вчера вернулся Рудольф?

— Да.

— Он тебе ничего не говорил?

— Он был не в настроении.

— Отчего?

— Откуда мне знать? Он ничего не сказал, поссорился с Ильзе, наверное.

Нужно все продумать, все доказать, но Швенке понимал, что знает ответ на все вопросы. А, может быть, это все же совсем другой брелок? Ведь эти штучки так похожи. Почему бы этот брелок должен принадлежать Рудольфу, он мог спутать... У этого брелка был номер, но, может быть, Рудольф не поглядел на номер? Он потерял вещицу, нашел, не поглядел на номер... Рудольф любил Ильзе. Хотел жениться на ней. Зачем бы ему знакомиться с Аннелоре? Он же совсем ее не знал... Да и где он мог с ней встретиться? С какой стати? Как можно подозревать Рудольфа? Швенке хотел отмахнуться, но в голове стучало, стучало: «Твой сын!»

Его охватила паника, он пытался еще бороться с ней — безуспешно! И точно волна, сметающая все преграды, забытые детали встали перед его глазами... И перемена отношения к нему... Рудольф проявил внимание — он хотел быть в курсе дела. Он хотел знать все ходы, которые предпринимал отец, а тот, дурак, воображал себе черт знает что... И он, инспектор Хельмут Швенке, рассказал о Гертруде. А зачем Рудольф пошел на кладбище? Хельмут счел вполне естественным, что сын потерял половину рабочего дня, чтобы составить ему компанию на могиле девушки, которую он никогда не видел. Рудольф был рядом, когда Швенке говорил о Грете. А сколько времени он потратил на звонок в комиссариат? Значит, это он назначил свидание Грете. В Зоологическом саду именно он выбрал маршруты, по которым они отправлялись на поиски девушки. Он почти что на глазах Швенке убил Грету. А Ева Риндинг встретила его в Дорфкруге — Рудольф тут живет. Хельмут упал на стул со стоном. Он хотел спрятать ужас от жены, но не смог. По его щекам текли слезы. Он беззвучно плакал, а Ада со страхом смотрела на него — она еще ничего не знала, ничего не понимала, но испугалась, смертельно испугалась. Дрожащим голосом она спросила:

— Что с тобой, Хельмут?

Надо сказать. Что она ответит, что сделать? Паника, которую нанес этот удар?

— Ох, Ада...

Он не находил слов. Она ждала. Потом, не в силах справиться с ужасом, закричала:

— Говори! В чем дело?

— Наш сын...

И он остановился. Он не в силах был произнести приговор ей и ее сыну.

— Ты скажешь наконец? Что с тобой? В чем дело? Что с моим сыном?

— Я подозреваю, что убийца — он... Последовало молчание. Ада окаменела, точно бык, оглушенный на бойне, который еще держится на ногах перед тем, как рухнуть. Потом она стала медленно отступать и тихо проговорила:

— Ты осмелился...

Он хотел приблизиться к ней, но она отступила еще дальше.

— Не прикасайся ко мне!

Он, в отчаянии от непонимания, постарался убедить ее:

— Ада, мы должны помочь друг другу, чтобы постараться перенести то, что должны...

— Ты внушаешь мне ужас! — крикнула она. — Ты — преступник! Ты ненавидишь сына за то, что он не стал таким ничтожеством, как ты! Ты сам не знаешь, что придумать, как замарать его!

— Ты разве не видишь, что мне легче умереть, чем арестовать сына?

— Безумец! За что его арестовывать?

— Я только что сказал тебе. Он — убийца!

— Не верю! Кого он мог убить!

— Аннелоре Эрбен... Гертруду Торнер... Грету Шлиссер... А вчера вечером пытался убить Еву Риндинг... Я пришел вовремя и спас девушку, но, защищаясь, она схватила этот проклятый брелок и зажала в руке, а утром он узнал брелок...

— Значит, он ошибся.

— Нет, не ошибся. Слишком много совпадений... Помощь, которую он мне предложил... Внимание, которое проявил к моим делам... Убийца — член его клуба... Как я не подумал об этом раньше, ночью? Убийца, которого я ищу, — в моем собственном доме!..

— Если прав ты, то Рудольф сошел с ума.

— Хотел бы я, чтобы было так! Но он не сошел с ума, к сожалению.

— Зачем бы он стал убивать всех этих женщин?

— Первую — потому, что она была его любовницей и ждала от него ребенка, других — потому, что они знали о связи и могли навредить его.

— Правда! Рудольф любит Ильзе, я уверена: он верен ей! Он не любит невесту. Он признавался мне, но хотел ее из-за ее положения. Он предпочитал Аннелоре...

— Но что же еще?

— Аннелоре Эрбен, которую задушил.
 — Которую ты похоронил в Дорфкруге?
 — Да.
 — Это правда?
 — Что?
 — Ты преследуешь его за то, что он убил грязную девушку, пренебрегшую долгом, проститутку, которую ты любил сам?
 — Не говори глупостей!
 — Теперь-то мне ясно, какой ты! Вся твоя игра стала мне ясна.
 — Теперь ты сходишь с ума.
 — Схожу или нет, но ты не тронешь моего сына.
 — Я исполню свой долг.
 — Плевала я на твой долг! Я хочу, чтобы Рудольфа оставили в покое!
 — Я не имею права оставлять на свободе убийцу!
 — Рудольф не убийца, он защищался!
 — А другие?
 — Они меня не интересуют!
 — Ты всегда была честным человеком.
 — Я мать и защищаю своего ребенка от отца-извращенца!
 — Замолчи! Я страдаю не меньше тебя!
 — Лжец!
 — Я страдаю, но не могу предать доверие сограждан.
 — Меня не трогают твои красивые слова. Ты будешь молчать, и Рудольф спасется. Никому и в голову не придет подозревать его...
 — Думаю, Хюбнер давно все знает.
 — Он будет молчать, если попросишь.
 — Я не попрошу!
 — Попросишь, потому что если моего сына арестуют, я покину этот дом, и ты никогда не найдешь меня! Никогда!
 Она стала подниматься вверх по лестнице. Над головой он услышал её шаги. Она вошла в комнату и заперла дверь на ключ. Швенке вошел в комнату и подошел к телефонному столику. Он не хотел, чтобы арест Рудольфа произошёл на людях. Он хотел попросить Рудольфа вернуться домой под любым предлогом и потом отвести к Рольфу Герхарду. Он уже протянул руку к трубке, но отдернул, будто обжегся. Ведь если попросить, Отто не выдаст. А другие не догадываются, не заподозрят Рудольфа. Если сын покинет Гамбург, он никогда не встретится с Евой Риндинг. Хельмут Швенке выйдет в отставку, и они с Адой присоединятся к сыну и Ильзе. Приговор сыну, отчаяние Ильзе, неутешное горе Ады, его горе не воскресят мертвых. Правосудие? А что такое правосудие, справедливость? Где она? Несправедливость гибели трех женщин станет меньше, если будет еще страдать Ада, Ильзе и он сам? Рудольф больше никого не убьет. Оставаясь на свободе, он принесет пользу обществу, а какой от него будет прок, если он останется в тюрьме?

конца дней? Что он искупит? Швенке старался убедить себя...
 А вдруг, в благодарность, Ада станет такой, как прежде? Инспектор должен дать шанс сыну, спасти Аду и Ильзе. Он не позвонит, признает поражение и уйдет в отставку. Какая разница — Рудольф будет спасен!
 Сидя у телефонного столика, Швенке погрузился в раздумья. Вздрогнул от внезапно раздавшегося звонка. Должно было пройти несколько мгновений, чтобы он вернулся к действительности и снял трубку.
 — Алло!
 — Это ты, Хельмут?
 — Я, Отто.
 — У тебя странный голос. Что-нибудь случилось?
 — Случилось, все случилось...
 — Что?
 — Отто, ты знаешь, кому принадлежит брелок?
 — Догадываюсь.
 — И ты ничего мне не сказал?
 — Зачем? Ты ведь мой друг.
 — Но я еще и полицейский.
 — И что из этого?
 — Ты рассуждаешь, как Ада.
 — Она в курсе?
 — Да.
 — И что она?
 — Требуется, чтобы я молчал и попросил тебя о том же.
 — Я согласен, пусть успокоится.
 — Но ты не имеешь права.
 — Мое дело!
 — Но...
 — Но, Хельмут, инспектор Отто Хюбнер умер в Воронеже, ты разве не знал? А тот, кто вместо него, плечет на все и делает, что хочет. Так вот, если ты еще не потерял желания увидеть господина на комиссара, пока его не хватил удар от того, что тебя нет, советую поспешить. Пока, друг, и брось заниматься всей этой мерзостью.
 Отто... Благородный друг... Он не предаст и готов разделить все ошибки Хельмута, вплоть до смертельных, экстремальных... которые могут иметь любые последствия. И Швенке решил спасти Рудольфа. Он никому не скажет ни слова, скроет результаты расследования, а Еве, чтобы успокоить ее, расскажет какую-нибудь небылицу. И Ада имеет право на счастье. Казня Рудольфа, зачем и даже Ильзе имеет право на счастье. Тот должен все казнить и их? Придется поговорить с сыном. Тот должен все казнить, может быть, это все-таки сблизит их и они вместе строить планы на будущее? Приняв решение, Хельмут готов правиться в комиссариат на последнее свидание с Рольфом дом.

Переступив порог гостиной, где он предавался размышлениям, Швенке случайно бросил взгляд на диплом в рамке, который давно уже висел здесь. Это был диплом, выданный бургомистром Гамбурга полицейскому Хельмуту Швенке, который, несмотря на опасность для жизни, выполнил свой долг, арестовав убийцу, забаррикадировавшегося в комнате, осажденной целым отрядом полиции. Очень давняя история. Швенке никак не мог оторвать взгляд от готических букв надписи «Верность и Долг». Хельмут был тогда совсем молодым полицейским, полным усердия, гордым ответственностью. Если бы тогда кто-нибудь сказал ему, что наступит день, когда он предаст, обманет доверие, он бы даже не рассердился, а рассмеялся, настолько абсурдной показалась бы ему эта идея. Но он-то был тот же самый, это его поздравляли за храбрость и верность долгу, а сегодня он пытается задушить голос совести, чтобы спасти семью и позволить преступнику избежать наказания. Что бы подумала Аннелоре, если бы видела его? А Гертруда? Бывают поступки, которые нельзя совершить, не разрушив свою личность, не обесчестив себя. И Швенке снял трубку и набрал номер конторы, где трудился его сын. Он сказал секретарше, ответившей ему, что мать Рудольфа Швенке стала жертвой несчастного случая, положение ее серьезно и требует скорейшего прибытия сына.

И подобно подсудимому, ожидающему произнесения приговора, Хельмут, совершенно уничтоженный принятым решением, утратил ощущение времени. Мысли разбежались. Он погрузился в бездну кошмара. Ада... Рудольф... Аннелоре... Ильзе... Гертруда... Грета... Все эти лица кружились перед ним, какая-то карусель, безумная и нескончаемая — живые... мертвые... Все кружится, кружится... С трудом он все же расслышал шум машины перед домом. С трудом встал. Начиная крестный путь.

Когда Рудольф открывал дверь, Швенке стоял на пороге. Рудольф с тревогой спросил:

- Что с мамой?
- Она у себя.
- Положение серьезное?
- Нет.

Рудольф остановился у подножия лестницы.

- Мне передали...
- Это я звонил.
- Что же случилось?
- Ничего.
- Ничего?

— Мне нужно было, чтобы ты пришел домой.

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Рудольф поблел.

- Не понимаю.
- Не хочешь понимать, боишься. Объясни.

Они вошли в комнату с телефоном.

— Садись.

Рудольф сел на один из стульев, которые Ада принесла в при-
даное. Инспектор указал на брелок, который висел на жилете сына.

— Мама сказала, что ты потерял этот брелок.

— Да, я оставил его на столике и решил, что потерял.

— Нет.

— Нет?

— Я нашел брелок. И знаешь где?

— Где?

— Скажу. В руке Евы Риндинг, которая вырвала его у тебя в момент, когда ты пытался задушить ее.

Рудольф подскочил.

— Отец, что ты говоришь?

— Садись! — приказал инспектор профессиональным тоном.

Рудольф сел.

— Брелок был зажат в руке Евы Риндинг, которую ты пытался убить, как убил Аннелоре, Гертруду Торнер и Грету Шлиссер.

— Ты говоришь невозможные вещи, отец! Это безумие! Поду-
май, зачем мне было убивать этих несчастных?

— Потому что все они знали, что ты был любовником Аннелоре.

Эрбен, которая была беременна и хотела выйти за тебя замуж.

— Ложь!

— Нет, Рудольф, я не лгу, это ты лжешь, как лгал всегда...
Вчера ты случайно встретился с Евой, о которой совершенно забыл... И решил избавиться от нее, как раньше от других...

— Неправда!

— Неправда?

— Клянусь!

— И ты не был в «Титенкабре» в Валентинскампе вчера вечером?

— Нет.

— Хорошо, проверим. Идем!

— Куда?

— К Еве Риндинг, и если она узнает тебя, мы отправимся вместе к бармену «Титенкабре», а потом к дежурной у телефонов в подвале кабака. Если никто из них тебя не узнает, мы вместе с Отто Хюбнером принесем тебе извинения.

— Отто?..

— Он давно раскрыл, что ты и есть преступник, которого мы разыскиваем. Так идем?

— Нет.

Огромная гора жалости навалилась на Хельмута при виде сына, застреленного зверя. Он сидел, вдавившись в стул, и просил хриплым голосом:

— Нет.

Огромная гора жалости навалилась на Хельмута при виде сына, застреленного зверя. Он сидел, вдавившись в стул, и просил хриплым голосом:

— Нет.

Огромная гора жалости навалилась на Хельмута при виде сына, застреленного зверя. Он сидел, вдавившись в стул, и просил хриплым голосом:

— Нет.

Огромная гора жалости навалилась на Хельмута при виде сына, застреленного зверя. Он сидел, вдавившись в стул, и просил хриплым голосом:

— Нет.

— Отпусти меня.
 — Не могу.
 — Из-за карьеры?
 — Ты сломал мою карьеру, сжав горло Аннелоре. Нет, карьера тут не при чем, тут речь о других вещах, которые тебе непонятны. Я когда-то дал слово, принес присягу, сознавая, что делаю и у меня нет желания и возможности отказаться от всего. Так почему ты убил Аннелоре?
 — Она обещала устроить скандал на заводе.
 — Ты любил ее?
 — Не знаю... Но не хотел жениться. Жизнь моя была бы кончена. Вдобавок Ильзе...
 — Никому нельзя убивать безнаказанно... Лучше потерять место, Ильзе, чем стать убийцей. Как ты мог?!
 — Я действовал под влиянием момента, и мне жаль...
 — Мило с твоей стороны. А Гертруду ты тоже убил под влиянием момента? Под влиянием момента ты отправился со мной и Отто в Зоосад, звонил и назначил свидание Грете и достаточно долго отсутствовал под предлогом, что звонил в полицию и вызывал машину... Свидание ты назначил ей около загона для лам? Надо признаться, ты проявил максимум хладнокровия, обманув нас обоих и послав по дорогам, удаленным от места вашего свидания. Ты задушил ее в то время, как мы ее искали?
 — Да.
 — Я никогда еще не встречал никого, кто бы действовал так спокойно и уверенно. И ты все продумал заранее, подготовил преступление было преднамеренным, ты не сможешь это опровергнуть, так что, если сохранишь жизнь, тебе еще повезет!
 — Нет!
 — Будь мужчиной! Аннелоре, Гертруда и Грета тоже, наверное, крикнули «Нет!», если бы успели, но они не успели. Ты задушил их всех троих!..
 — Сжался, замолчи!
 — Не тебе говорить о жалости. А теперь идем.
 — Я не хочу в тюрьму!
 — А ты и не пойдешь в тюрьму, мой маленький!
 Оба обернулись. На пороге стояла Ада и в упор глядела на них.
 — Ты подошла и обняла сына.
 — Ты не пойдешь в тюрьму, — повторила она, — мама обещает тебе.
 Прижавшись к матери, Рудольф спрятал лицо у нее на груди.
 — Все это ни к чему не приведет, — проговорил Швенке.
 Она не ответила. Она гладила волосы своего ребенка.
 — Я не для того растила тебя, чтобы ты провел жизнь в тюрьме. Я спасала тебя от бомбардировок не для того, чтобы у меня отняли. Отец поймет...
 — Ада, прошу, мне и так трудно...

— Я поговорю с отцом, Рудольф... Разве он хочет потерять единственного ребенка? А я? Должен же он немного подумать обо мне. Представляешь, во что превратится наше существование без тебя? Он знает, что я ему никогда, никогда не прощу. Пора было ставить точку, иначе безумная сцена никогда не закончится и он сам не сможет прервать ее, — Ада тут говорила о нем так, будто его нет.
 — Идем, Рудольф.
 Рудольф поднял к отцу лицо, залитое слезами, и напомнил ребенка, которого Швенке носил на руках.
 — Идем, — повторил Швенке.
 Рудольф встал, а Ада пронзительно закричала:
 — Не ходи!
 Рудольф обнял мать, поцеловал:
 — Прощай, мама...
 И он первым направился к выходу, где его догнал отец. Хельмут взял пальто и захлопнул дверь, в тот момент, когда Ада завывала, как животное, которое режут. Такси, на котором Рудольф приехал в Дорфкруг и на котором намеревался вернуться в Альтону, ждало. Они сели. Швенке назвал адрес комиссариата на Репербане.
 Когда комиссар Рольф Герхард узнал о прибытии инспектора Швенке, он приказал, чтобы тот немедленно поднялся в его кабинет. Гнев душил его, и он мечтал излить его на кого-нибудь. На stuk он заорал. А увидев Швенке, встал.
 — Вы все же изволили прийти, инспектор! У вас хватило доброты вспомнить, что я ожидаю вас со вчерашнего вечера? Очень любезно...
 Комиссар онемел, увидев Рудольфа, который входил в кабинет вслед за отцом. Комиссар уставился на обоих.
 — Швенке, кто этот молодой человек?
 — Убийца, которого я разыскивал, господин комиссар.
 — Вы хотите сказать, что арестовали...
 — Убийцу Аннелоре Эрбен, Гертруды Торнер и Греты Шлиссер... Того, кто вчера вечером пытался убить Еву Риндинг...
 — Он признался?
 — Признался.
 Герхард подошел к Рудольфу.
 — Признаешь себя виновным?
 — Да.
 — Надо сказать: да, господин комиссар.
 — Да, господин комиссар.
 — И не валяй дурака, а то тебя тут быстро научат хорошим манерам. Ясно?
 — Да, господин комиссар.
 — Да, господин комиссар.
 — Да, господин комиссар.

— Что?

— Рудольф Швенке.

Герхард с ошеломленным видом повернулся к инспектору, ожидая объяснений.

— Да, это мой сын, господин комиссар.

— Ваш сын!

Ситуация превышала понимание Рольфа Герхарда. Он вернулся к столу, сел, задумался.

— Когда вы узнали?

— Час назад.

— Кроме признания, у вас есть доказательства?

— Бесспорные.

Комиссар и в самом деле был взволнован, потому что он растерянно спросил:

— Что же делать?

— Оформим, как обычно. Допрос, проверка ответов — и передаем дело в суд.

Герхард нажал кнопку, говоря:

— Этим займется инспектор Белен.

Дежурному, который явился на звонок, Герхард велел отвести задержанного к инспектору Белену. Швенке надел на сына наручники.

— Этого требует закон, Рудольф.

— Прости меня, отец...

— А, я не в счет... Иди, сынок.

Оставшись наедине с инспектором Швенке, Герхард проговорил после паузы:

— Мне очень жаль, инспектор, и я поздравляю вас. Извините, я ошибся и был к вам несправедлив. Вы вполне могли бы отпустить его, он бы убежал — и все. Никто ведь ничего не подозревал.

— Только я.

Комиссар растрогался до того, что встал и поклонился.

— Я составляю об этом деле рапорт в самых восторженных тонах. Мы не отвечаем за наших детей. И если вы желаете остаться на службе на год или на два, я буду просить об этом у руководства.

— Благодарю вас, господин комиссар, но для меня теперь все кончено. Я с сожалением подаю в отставку.

— Я не принимаю ее, Швенке. Даю вам отпуск — на месяц. А потом увидим. Во всяком случае, вы получите очень хорошую пенсию. Я... я горд, что вы служите под моим началом.

Направляясь в кабинет, где Рудольф должен был подвергнуться первому допросу, Швенке встретил Хюбнера. При виде старого друга он не смог удержать слез. Хюбнер положил руку на плечо.

— Возьми себя в руки. Ну и что, стоило так?

— Это моя работа.

— Да, ты неисправим. Ну что же, пойдём.

— Может быть, не надо?

— Нет уж, ты сам выбрал крестный путь — теперь его надо пройти целиком. Я с тобой.

Инспектор Белен никак не мог взять в толк, как ему исполнить неожиданный приказ, разрешить тяжелую задачу, свалившуюся на него, как гром с ясного неба. Несмотря на все усилия, он не мог забыть, что преступник, сидящий перед ним, — сын Швенке. Но-

вость уже облетела комиссариат, и каждый выражал Швенке совершенно искреннее сочувствие, каждый разделял его горе.

Коллеги, встречавшиеся в коридорах, спешили пожать ему руку.

Все были огорчены и подавлены.

Когда Швенке и Хюбнер вошли в комнату, Рудольф не пошевелился. Он, казалось, уже принадлежал другому миру. Оба инспек-

тора сели в стороне и стали слушать вопросы Белена, который никак не мог справиться со смущением. Рудольф объяснил, что задушил Аннелоре, когда она отказалась от значительной суммы, которую он предложил. Ему повезло, хозяин отеля не заметил его, занятый ужином. Чтобы Гертруда открыла ему, он воспользовался именем отца и захватил женщину врасплох. Что касается Греты, он позвонил ей из Дорфкруга и спросил, хочет ли она заработать пятьсот марок — для этого нужно подойти к павильону, где содержатся ламы, ее попросят о небольшой услуге. Привлеченная де-

нежным вознаграждением, девушка тут же согласилась и больше ничего не спрашивала. А Еву он забыл и, когда внезапно встретил, понял, что необходимо избавиться и от нее.

Сын говорил совершенно спокойно — Швенке был в отчаянии.

Возможно ли, что Рудольф, которого он, казалось, знает, превратился в этого бестрепетного человека, подробно рассказывающего о преступлениях, не испытывая никаких угрызений совести? Он

вспоминал ребенка, с которым гулял в Дорфкруге, которого по праздникам водил в манеж кататься на деревянных лошадках, которому показывал буквы, у постели которого проводил бессонные ночи... Как мог он так измениться, как сам Хельмут мог не заметить этого — что за безжалостное существо, которое убивало без тени сожаления? Швенке пытался выбраться из тумана отчая-

ния, в которое погрузился, когда услышал, как сын холодно про-

изнес:

— Естественно, я сожалею о том, что сделал, в особенности из-

за родителей, матери и отца, я бы хотел, чтобы они простили меня, если смогут. Я совершенно потерял голову.

— Нет, Рудольф, ты не терял головы. Ты действовал холодно, манно и прекрасно отдавал себе отчет в сути дела. И не живаешь жалости».

— Тем не менее Хельмут заметил, что сын не упомянул невесту.

Он будто забыл о существовании Ильзе. Бросив вопросительный взгляд на коллег, Белен заключил:

— Перечитайте и подпишите.

Рудольф Швенке погрузился в чтение показаний. Именно в этот момент Хюбнер встал и, подойдя к Рудольфу, протянул ему пару перчаток.

— Вы забыли перчатки в кабинете комиссара.

Рудольф, не поворачиваясь, почти не обратив внимания на инспектора, ответил:

— Это не мои перчатки, я никогда не носил перчаток.

— За исключением случаев, когда душили фройляйн Эрбен и других?

— Простите? А!.. Да, конечно...

— А где же перчатки, которые вы тогда надевали?

— Дома, наверное.

— Нет, я побывал в Дорфкруге, и ваша мать подтвердила то, что вы только что сказали: вы никогда не носили перчаток, и у вас никогда их не было.

Швенке ничего не понимал, но безумная надежда заставила бешено забиться его сердце.

Рудольф стал нервничать.

— Я вчера вечером выбросил их в парке.

— В парке тоже ничего не нашли.

— Значит, я избавился от них в другом месте.

— Где же вы купили перчатки?

— В магазине. В Колоннаде.

— Когда?

— Не помню.

— Какой у вас номер перчаток?

— Номер? Но к чему вы ведете? Что хотите доказать?

— Я хочу доказать, что вы признались в преступлениях, которых не совершали.

Все окаменели. Белен смотрел на коллегу широко раскрытыми глазами, не понимая, не смеется ли он над всеми. Швенке, шатаваясь, подошел к Хюбнеру. И пробормотал:

— Что ты сказал, Отто?

— Что твой сын лжет, что он не убивал ни Аннелоре, ни Гертруду, ни Грету.

— Но вчера вечером Ева встречалась с ним?

— Она не помнит, кто напал на нее, не могла увидеть. Она не помнит этого, потому что Рудольф и пальцем к ней не притронулся.

— В таком случае, кто это был?

— Спроси его, — ответил Отто.

Рудольф рассмеялся.

— Я понимаю, что вы хотите помочь отцу в его деле. Но Хюбнер, но вам не удастся доказать мою виновность.

— Удастся!

— Я виновен.

— Нет. Впрочем, уточняю: вы соучастник преступления, но не убийца.

— Но это вы говорите.

— Вот записи в вашем клубе; там зафиксировано, что в момент убийства Аннелоре Эрбен вы обращались с речью к игрокам первой сборной Гамбурга, которая в тот день победила в матче в Бремене. Вы даже имели успех — так сказали многие ваши товарищи.

Рудольф походил на боксера, получившего сокрушительный удар и не имеющего сил подняться с ковра по свистку рефери. Он больше не протестовал. Отец поднял его голову.

— Прощу тебя, сын, если ты не виновен, скажи! Подумай о матери, Ильзе, обо мне! Почему ты хочешь обесчестить нас? Ради кого ты жертвуешь собой? Кого ты выгораживаешь?

— Никого я не выгораживаю. И если я не убивал Аннелоре, я убил других.

— Почему?

— Потому, что я был под подозрением.

— Глупец! — прервал Хюбнер. — Никто вас не подозревал, никому даже в голову не приходило подозревать. И очень легко было оправдать вас, как я сделал это только что, и в таком случае с какой целью совершили вы два преступления, как вы утверждаете? Вы ведь не сумасшедший — и у вас нет никакого мотива. Прекратите комедию, Рудольф Швенке. Вы ведь знаете убийцу — кто это?

— Не знаю.

Вошел сержант и доложил Швенке:

— Господин инспектор, там девушка скандалит, она хочет немедленно видеть вас.

— Пусть войдет.

Не успел сержант выйти, в кабинет шквалом ворвалась Ильзе. Ни с кем не здороваясь, она бросилась к Рудольфу и обняла его.

— Они ничего не сделали тебе?

— Не ожидая ответа, Ильзе выпрямилась и набросилась на Хельмута Швенке.

— Это, конечно, вы все устроили? Ваша жена все мне рассказывала. Вы — чудовище! Рудольф никого не убивал, и вам это отлично известно.

— Мы знаем это всего несколько минут, но Рудольф Швенке упорствует и утверждает обратное.

— Не слушайте его!

— Ильзе, если вам что-нибудь известно, скажите. Рудольф пытается покрыть кого-то. Кого?

— Не знаю.

— Вас очень красивый браслет.

— Замечание было настолько неожиданным, что все с удивлением

нием повернулись к Хюбнеру. Но не обращая ни на кого внимания, Хюбнер поднял руку Ильзе и показал ее всем. Браслет представлял собой витое кольцо с подвесками. Полицейский внимательно посмотрел на браслет и добавил:

— Это китайские обезьянки, они символизируют всю мудрость мира: ничего не видеть, ничего не слышать, никому ничего не говорить. Но одной обезьянки у вас недостает, той, которая затыкает уши.

— А у меня никогда ее и не было.

— Ошибаетесь, вот колечко, к которому она была прикреплена. Посмотрел на браслет и добавил:

— Вспомнила! Я потеряла ее летом, когда мы с Рудольфом ездили в Киль.

— Опять ошибаетесь, фройляйн, потому что я нашел вашу обезьянку.

И Хюбнер достал из кармана обезьянку, затыкающую уши.

— Разве не ваша?

— Может быть, и моя; благодарю вас.

— И вы не спрашиваете, где я нашел ее? Вам, правда, неинтересно?

— Извините, а где вы ее нашли?

— Рядом с телом Греты Шлиссер, где вы и потеряли ее, когда душили несчастную.

— Вы сошли с ума!

— Ничуть! Если молодой человек рискует головой, то только для близкого и любимого человека. Рудольф Швенке не защищает ни отца, ни мать, у которой и сил не хватило бы задушить кого-нибудь, он вас выгораживает! Потому что у вас-то хватило сил! И когда Рудольф Швенке только что просил прощения у родителей, он не просил у вас. Он знал, что убивали вы! Извините, Рудольф, но я не позволю вам отдать голову палачу!

Хельмут Швенке не узнавал Ильзе в этой крепкой суровой женщине, которая нападала теперь на Хюбнера.

— Вы ничего не сможете доказать!

— Одна эта ваша фраза — признание, и поверьте, так как мы теперь знаем, что Рудольф невиновен, мы все-таки заставим его сказать правду. Может быть, избавим его от этого? Вы ведь все равно потеряли его, все потеряли. Вы напрасно убивали этих женщин, Ильзе.

Ильзе посмотрела на совершенно раздавленного Рудольфа, потом на Швенке, на Хюбнера, перевела взгляд на Белена и поняла, что всякое сопротивление бесполезно.

— Пусть будет так — признаюсь. Я видела Рудольфа и Аннелор. Он мне уже некоторое время казался странным. Он всегда приглашал меня на матчи. А в тот день отказался, не объясняя причин. Я последовала за ним на такси после того, как он проводил меня домой. И нашла его в саду «Ауссенальстер» с девушкой. Я подошла, и назвала его по имени, и все испортила. Если бы

я была достаточно смелости и поделился со мной, все было бы иначе. Хорошо, и мы выпутались бы вместе. Как могла я догадаться, что Хюбнер использовал фальшивое имя? Когда она услышала, что я нашла его Рудольфом, она рассмеялась и сказала: «Вы ошиблись, фройляйн, это Иоахим». Гнев помешал мне подумать, и я закричала: «Не вы ли будете меня учить, как зовут моего жениха? Рудольф Швенке!» Тогда и она закричала: «Значит, тебя звать Рудольф Швенке? И ты сын инспектора?» И так как он признался, она сказала: «Теперь-то я уверена, что он женится на мне, потому что я все скажу его отцу, если он не придет ко мне сегодня до одиннадцати вечера назначить день свадьбы. Я уверена, что отец оставит его жениться на мне! А если он и после откажется, я устрою скандал у него на работе! Мне жаль, фройляйн, но я не могу уступить». И она ушла, подорвав его существование, однако, я не могу уступить вам место, так как жду ребенка от этого господина». И она ушла, убежденная, что выиграла партию. Рудольф стал просить у меня прощения. Мы долго спорили и, наконец, решили, что я вечером пойду к Аннелоре. И попытаюсь уговорить ее отказаться от любви к Швенке. Я готова была отдать ей все деньги. Вечером я ждала ее у дверей отеля, когда уйдет хозяин, и поднялась к ней. Когда же она вышла, она рассмеялась мне в лицо. И я, не помню как, схватила ее за шею. Я не собиралась убивать ее, но что она сделала, я сильная. Когда я опомнилась, она была мертва. Я призналась Рудольфу на следующий день. Он запаниковал. Он проявил непривычное внимание к отцу, рискуя возбудить его любопытство. Он и рассказал мне о Гертруде Торнер, опасном свидетеле, и я убила Гертруду так же, как и Аннелоре, но переодетшись в мужскую одежду. Больше я не могла отпустить вас, но нил мне на работу и сообщил, что вы отправляетесь на поиски Греты Шлиссер. Я приехала в Зоосад на пять минут раньше вас, но времени, которое вы потеряли в ресторане, мне хватило, чтобы задушить эту дуру и убежать по аллее, по которой шел Рудольф. Я знала, где он пойдет, мы условились. Когда же он рассказал мне о Еве Риндинг, я уже не беспокоилась о месте. Он позвонил мне из «Титенкабаре» и сказал, что они выходят. К несчастью, я не знала, что вас предупредили, я не успела. Жаль! Все эти девки, за исключением, может быть, Греты Шлиссер, ничего не стоили. Я ни о чем не жалею, потому что сражалась за свое счастье и шла до конца.

Хюбнер привел друга к себе, Хельмут боялся идти домой и сказать Аде, что у нее нет больше сына и что Ильзе тоже никогда не выйдет из тюрьмы. Хельмут без сил опустился в кресло, а Отто достал бутылку и два стакана.

— Джин из Любека. Напьемся?

— Не прикасайся к стакану, Швенке спросил:

— Ты давно узнал?

— Нет, я думал, что это сделал Рудольф.

— А почему ты так решил?

— Его внимание к тебе, столь непривычное, сто марок, которые он тебе предложил, его присутствие на кладбище, смерть Греты, кто, кроме него, мог знать о ней? А еще извращенность моего ума... Я видел, в каком ты отчаянии, что не находишь преступника. Я подумал: «А если бы это был его сын, стал бы он так стараться?» Я, конечно, пошутил сам с собой, но эта мысль стала ко мне возвращаться, заставила думать, сначала несерьезно, как вел бы себя Рудольф, если бы был виноват. Но сам я, конечно, не верил. Однако после убийства Греты я вернулся к этой мысли. Я подобрал обезьянку и не показал тебе, потому что решил, что она принадлежит твоему сыну. И провел свое следствие. Я тогда и установил его алиби в час убийства Аннелоре. Я перестал что-либо понимать, когда мы нашли клубный брелок в руке Евы Риндинг. Я считал невозможным, что убийца Аннелоре не убил кто-то близкий ему, чьим соучастником он стал. Кто же? Приятель? Вряд ли... В их возрасте для друга такого не делают. Должен сказать, что одну только секунду я думал и о тебе, поскольку решил продумать все пути, даже самые абсурдные. Подумал о твоей жене... Но ради чего стала бы она убивать этих женщин? Чтобы защитить кого-то от Аннелоре? И в этот момент я подумал о ребенке, которого ждала Аннелоре от Рудольфа, а это, скорее всего, было так. И я вспомнил Ильзе, невесту, достаточно сильную, чтобы задушить любую женщину, с мужской фигурой, не вызывающую подозрений в мужском костюме. Я пошел в ее контору и узнал, что ее не было в то время, когда убили Грету. И я спросил одну из ее коллег о браслете с тремя обезьянками. Все. Невеста твоего сына могла убить всех троих:

— Рудольф в тюрьме, Ильзе тоже, а я остаюсь наедине с Адой. Они выпили.

— И ты ничего не сказал бы, если бы вчера вечером мы не натолкнулись на них?

— Не знаю. У нас с тобой разные идеи на этот счет.

— Я, конечно, идиот, честный дурак, воспитавший сына-ка-торжника.

— Старайся не думать об этом.

Они пили и старались не думать о Рудольфе, Аде и Ильзе, убитых женщинах. Хельмут, немного опьяневший, вздохнул:

— Господи, почему я не остался в Воронеже?

— Я часто тебе говорил, что нам лучше было бы остаться лежать в воронежской земле вместе с другими.

— Единственное наше утешение, что ждать недолго, скоро мы к ним присоединимся.

— Вот где была наша настоящая семья. Не стоило возвращаться...

Они замолчали и погрузились в воспоминания.

Рисунки Марины ПИНКИСЕВИЧ

— А помнишь, Отто, капрала Зигфрида Фергенгрюна? Он нам еще про коров рассказывал...

Конечно, Хюбнер помнил — они оба никогда не забывали войны, где все потеряли. Они углубились в прошлое, в военные дороги, в проигранные сражения. Алкоголь приблизил, оживил события, канувшие в вечность тринадцать лет назад. Они вспоминали имена погибших, говорили о них, как о живых...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На рассвете Швенке ушел от Отто Хюбнера. На улице с новой силой его охватила боль, которую он хотел отогнать давними воспоминаниями. Дрожь от утренней прохлады не оживила его. Он был одинок и несчастен, боялся встретиться с Адой, боялся ее упреков. Как они теперь будут жить? Ему попалось такси, вышедшее из парка в Альтоне, и он доехал до Дорфкруга. Он остановил машину в сотне метров от дома. Подождал, пока машина скроется, и подошел к дому. Он желал, чтобы Ада спала, но не надеялся на это. Как могла бы она уснуть, зная, что Рудольф в тюрьме? В доме полная темнота. Он представил ее плачущей в кресле. Открыл дверь, прислушался. Тихо. Если бы только она могла уснуть! И он решил провести остаток ночи в гостиной. Зажег свет и на столике в прихожей заметил конверт с надписью: «Для тебя, Хельмут». Дрожащими руками разорвал конверт, взял оттуда лист бумаги, развернул и прочел:

«Хельмут, я ухожу. Возвращаюсь в Любек. Не старайся встретиться со мной, бесполезно. Все кончено. Ты убил моего сына и все, что могло еще связывать нас. Я хочу закончить жизнь вдаль от тебя и запрещаю тебе появляться на моих похоронах, если я умру первая. Я взяла половину из сэкономленных денег. Тебе оставляю дом и мебель. Прощай.

Ада Хофшорфер».

Она подписалась девичьей фамилией, подчеркивая, что не имеет с ним больше ничего общего. Швенке сложил письмо и положил обратно в конверт. Вот он и сравнялся во всем с Отто Хюбнером. Он поднялся в спальню. Кровать Ады была застелена, половина шкафа пуста. Пустота заброшенного дома, он ощутил ее всем существом. Так же одинок и заброшен он был в холодном поле среди мертвецов, но там он звал на помощь. От судьбы не уйдешь, вот она и догнала его. Тогда его подобрали, и он решил, что обманул свою судьбу, но, на самом деле, он лишь отсрочил время гибели.

Хельмут Швенке упал на кровать и зажал рот рукой, чтобы не закричать от горя и жестокой безысходности. Если бы не так, это был бы крик ужаснее того, в Воронеже. А теперь же кричать? Теперь никто не придет. Не поспешит. Теперь-то он точно знал, что умрет один.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ ЧИТАТЕЛИ О ЖУРНАЛЕ

Журнал «МЫ» прочно вошел в мою жизнь. А вот недавно я задумался: а что, собственно, так нравится мне в этом журнале?

В самом его названии есть то, что объединяет всех НАС, и совсем молодых, и подростков, и читателей-взрослых, потому, мне кажется, журнал интересен для всех. Надо больше печатать писем, мнений людей о жизни. Вообще мы все в чем-то зависим друг от друга, жизнь переплетается. И пусть журнал объединяет и простых людей, и талантливых писателей, и артистов. Многочисленным могут научиться ведь даже интервью с певцами.

Хорошо, что в рубрике «Проба пера» вы печатаете стихи молодых поэтов. Читая их стихи и думаю: «Как хорошо, что стихи не исчезнут!» Может быть, благодаря вашему журналу у кого-нибудь зажгутся искорки в сердце и им захочется писать стихи. Писать хотя бы для себя — это ведь самое главное. А у кого не загорелась такая искорка, тот, читая стихи, начинает их лучше понимать, воспринимать ближе к сердцу.

Другая моя любимая рубрика — «Говоря откровенно». Ее ка — «Говоря откровенно». Ее ребята пишут в нее о том, что не нравится, чего им не хватает, просто о своей жизни и надеждах. В этих письмах

можно открыто высказаться, рассказать о своих бедах.
Миша, 12 лет
г. Липецк

Я пишу вам первый раз и сразу хотела бы сказать вот что. Ваш журнал сыграл в моей жизни большую роль.

Не знаю, как для других, но для меня жизнь была серой и скучной. Когда в моей жизни вдруг появился журнал «МЫ», то мне вдруг стало казаться, что жизнь не однообразна, а наоборот, очень радужная и интересная. Читая журнал, я узнала, что есть на свете не только люди, замкнутые на своих проблемах, но и те, кого можно назвать по-настоящему счастливыми. Кому хочется жить интересно и весело.

Мне только 15 лет, но, читая ваш журнал, я стала задумываться и понимать смысл жизни, страх смерти и другие вещи, над которыми совсем не задумывалась. Благодаря журналу, или, вернее, произведению, в нем напечатанным, я поняла, что в любви есть не только радостные минуты, но и те, которые можно назвать «за занавесом», совсем противоположные, но все же по-своему ценные и важные для человека.

Журнал помогает взрослеть, и за это ему огромное спасибо.

Мадина
Северная Осетия

В комнате общежития со мной живут двое парней: на 2—3 года моложе меня. Так вот, они каждый месяц покупают по два экземпляра журнала «МЫ». Я, узнав, кому адресован журнал, вначале подтрунивал — вот, дескать, какие великовозрастные подростки нашлись. Потом сам взял один номер почитать — и с тех пор я ваш верный читатель.

Поначалу я не мог понять, чем же «держит» читателя (причем любого!) ваш журнал. Сейчас, похоже, догадываюсь: все дело в абсолютной его искренности и естественности.

К сожалению, после 16—18 лет мы теряем свою детскую непосредственность, как бы раздваиваясь: одно — для окружающих, другое — для самих себя и близких. Происходит и нивелировка личности. Но тому, кому удается избежать всего этого, как правило, в жизни удается очень многое. Думаю, журнал «МЫ» как раз и помогает избежать этой нивелировки, помогает молодому человеку остаться самим собой. И главный плюс журнала, на мой взгляд, — публикация материалов, раскрываю-

щих внутренний мир подростка. Именно подростку необходим духовный обмен (собственного-то опыта у него нет). Сверстники находятся в подобном же положении. И здесь журнал «МЫ» незаменим.

У меня к вам огромная просьба: не сбивайтесь на политику в любой ее форме! Подумать только — сколько ненависти во всех этих «Взглядах», «Вестях», «Политбюро» и прочей телевизионной муть, сколько злобы льется на подростка со страниц так называемых «молодежных» газет! А чего стоят родители с их политразговорами! Печатайте повести, романы, стихи (особенно!), письма о любви, интервью с кумирами, но ни в коем случае не сейте лжи, ненависти, зла. Всего этого и так предостаточно. Надеюсь, что вам удастся удержаться от печатания рекламы — это ведь тоже «возрослые игры», подросткам чуждые, хотя я и понимаю ее роль в «экономике» издания. Сердечно хотел бы помочь журналу...

Алексей С., студент
г. Москва

В следующем номере начнется публикация нового романа Рауля Мир-Хайдарова

«СУДИТЬ БУДУ Я»

Это — продолжение острозаметного романа «Масть пиковая», который публиковался в нашем журнале в 1991 и 1992 годах. В центре романа — противостояние прокурора Узбекистана Хуришда Камалова и дельцов «теневой» экономики, убийц и бывших партийных руководителей, действующих в условиях «перестроечных» условиях...

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Рассказывая о том, что больше всего способствует успеху актрисы в кино, одна молодая индийская кинозвезда призналась:

«НАДО, ЧТОБЫ ОДНАЖДЫ КРУПНО ПОВЕЗЛО...»

Если Амитабх Баччан и Митхун Чакраборти, как ведущие актеры кино хинди, оказали и продолжают и по сей день оказывать влияние на направление развития многонационального индийского коммерческого кинематографа, то у индийских киноактрис в фильме, как правило, вспомогательная роль. Да и их кинематографическая жизнь нередко зависит от стечения обстоятельств во времени: после вступления в брак и появления детей кинозвезда сама или по настоянию мужа обычно порывает с кинематографом. Бывают, конечно, исключения. Бывают, конечно, Шармила Тагор, Димпл Кападия, Рекха, Джаяпрада, Мумтаз и другие. Отрадно, что таких исключений становится все больше.

В бомбейском кинематографе на языке хинди непревзойденной звездой до сих пор остается Шридеви, хотя ее уже

«теснят» со всех сторон более молодые актрисы — Мадхури Дикшит и Джухи Чавла. За работу в каждом фильме Шридеви выплачивают сногшибательный гонорар, почти 1/5 часть всей сметной стоимости картины.

Актриса родилась на юге Индии в штате Тамилнад. Она начала сниматься в кино, когда ей едва исполнилось четыре года. Довольно часто Шридеви можно было видеть в ролях богов и богинь в детстве. Больше всего ей нравилось играть бога Муругана. В четыре года Шридеви, как это принято во всей Индии, пошла в школу и дополнительно к учебной программе начала изучать классический танец «бхарат-натям». У нее хватало времени и на школьные уроки, и на танцевальные занятия, и на съемки в кино.

С одиннадцати лет Шридеви исполняет роли роковых кра-

савиц (!) в семейных мелодрамах. Одно время ее даже называли Мэрилин Монро Южной Индии. Всего же за время работы на мадрасских киностудиях Шридеви снялась почти в ста картинах на южноиндийских языках тамили и телугу. Позднее большинство фильмов с ее участием было дублировано на хинди и таким образом стало достоянием всеиндийского и зарубежного зрителя.

Актёрский дебют Шридеви в кино на хинди состоялся в 1979 году. Тогда Шридеви весила 75 кг, и ей пришлось заниматься йогой и сесть на диету, чтобы похудеть и соответствовать стандартам бомбейских кинозвезд. В психологической мелодраме «Шестнадцать лет» она играла легкомысленную красавицу Майл, полюбившую простого деревенского парня Чаппани. Однако Майл считает, что «неотесанный» Чаппани ей не пара. Ей вскружил голову выпускник сельскохозяйственного колледжа, приехавший в деревню на практику. И только когда ее новоявленный жених уезжает в город, она соглашается выйти замуж за Чаппани. Но их семейное счастье оказалось недолговечным. Чаппани убивает подонка, покушавшегося на честь девушки. Его ждет суд и тюрьма...

К сожалению, кинематограф хинди в основном использует природные внешние данные актрисы. Ее героини — пылкие по натуре, сочетающие наивность с чувственностью.

способные полюбить до само-
забвения. Такими они предстали
перед зрителями в филь-
мах «Артист» и «Чант

Читатели киножурнала «Филмфер» назвали Шридеви лучшей актрисой 1991 года за ее роль в самом популярном фильме года «Мгновения» (реж. Яш Чопра). Она сыграла в этой картине две роли — дочери и матери. Во время съемок этой картины у Шридеви неожиданно скончался отец.

Сегодня Шридеви постоянно живет в Бомбее, снимается исключительно в картинах на хинди и лишь изредка выезжает в Мадрас на съемки в одном-двух тамильских фильмах, которые ей пришлось по душе.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, в наших кинотеатрах демонстрируется фильм «Гуру», где Шридеви снималась вместе с Митхуном Чакраборти, а зрители Индии смотрят «Свидетель божий» и «У Рама Сита, а у Шьяма Гита», где партнер Шридеви — знаменитый Амитабх Баччан.

Мандакини стала у нас в стране неожиданно сверхпопулярной после премьеры картины Раджа Капура «Ганг твои воды замутились». Настоящее имя Мандакини — Ясмин. По матери она мусульманка, по отцу — католичка. Родители будущей актрисы встретились в курортном городе Симла, совсем как в фильме «Любовь в Си...» который когда-то был

Ямкин росла обыкновенной девочкой, училась (недалеко от Дели) в школе, коллекционировала фотографии киноактеров. С семи лет она мечтала сниматься в кино. Когда кто-то из родных спрашивал ее, почему бы быть, то она

...хотела бы быть, отвечала: раздумывая, Хелен как Зинат Аман». Хелен другой ее любимой Ясмин смотрела все с ее участием, приходила домой, надевала яркое и танцевала до упаду. По-лучу у девочки не было, может быть, потому, что она выросла в необычной семье. Надо сказать, что у нее дома никогда не было никаких конфликтов на религиозной почве. Отец не запрещал девочке делать ежедневный намаз и праздновать мусульманский праздник «ид», мать, в свою очередь, разрешала ей ходить в церковь и наряжать рождественскую елку.

В 1983 году после окончания средней школы Ясмин твердо решила стать актрисой. Поехала в Бомбей, начала искать пути-ходы на студию. Вскоре режиссер Ранджит Вирк пригласил ее сняться в фильме «Утнетенный». Но съемки были отменены, и тогда режиссер отправил ее фотографу Раджу Капору в надежде, что семнадцатилетняя англоиндианка с голубыми, с зеленым оттенком, глазами окажется той самой Гангой, которая ему нужна была на главную роль в фильме «Ганг, который замутился». Из

сотни других претендентов Р. Капур остановился на Ясмин. Актерские пробы продолжались три часа.

Режиссер хотел видеть, на что способна его будущая героиня, хотел видеть ее и грустной, и счастливой. Ганга, кормящая грудью ребенка, был первым снятым эпизодом фильма.

Р. Капур дал Ясмин новое, экранное имя. Он назвал ее Мандакини. Так звали первую индийскую актрису немого кино, дочь режиссера Дадаса-хеба Пхалке. Мандакини, кстати, одно из названий реки Ганг (в Индии оно женского рода), которая согласно пред- ставлениям верующих индусов течет и на небесах.

В оригинале фильм называется «О, Боже, какая же грязная твоя Ганга!». На мой взгляд, наше прокатное название фильма «Ганг, твои воды замутились» не передает ту мысль, которую ре-

жиссер хотел раскрыть в своей последней картине. Вдобавок ко всему из титров из-за оплошности киностудии М. Горького исчезло имя Мандакини. Его восстановить, конечно, никто не удосужился, картина была растиражирована, и бедные зрители пребывают в полном недоумении, кто же все-таки играет главную героиню.

После триумфального успеха фильма Р. Капура Мандакини стала знаменитой. Она собиралась сняться в роли пакистанской девушки, полюбившей индийского парня, в новом фильме Р. Капура «Хина». Но после смерти режиссера его сын Рандхир пригласил на эту роль Зебу Бахтияр, актрису пакистанского телевидения.

За последнее время Мандакини была занята в десятках фильмов в амплуа романтической героини. Правда, режиссерам больше нравится снимать актрису в эпизодических ролях. Очень часто ее показывают в купальнике «бикини» в живописных сценах у водопада или в бассейнах с голубой водой, как, например, в фильме «Жгучая страсть». Может быть, поэтому мои индийские коллеги снисходительно называют Мандакини не иначе как «красоткой возле горного ручья» или более прозаично — «девочкой из ванной». Они весьма скептически настроены по отношению к ее дальнейшей актерской карьере. И у них есть для этого все основания. Пока ни один из

фильмов с участием Мандакини не имел в Индии успеха, за исключением «Ганг, твой воды...» и «Сети любви» (реж. Умеш Мехра), где ее партнерами по съемочной площадке были М. Чакраборти и Рехма.

Хотелось бы надеяться на лучшее. К тому же Мандакини, по ее словам, уже изрядно надоели съемки возле водопадов или под дождем в прилипшей к телу мокрой одежде. Она хочет стать хорошей актрисой.

У нас в прокате были несколько фильмов с участием Мандакини: «Ганг, твой воды замутились», «Танцуй, танцуй», «Сети любви», «Коммандос», «Жертва во имя любви», «Враг» и «Жгучая страсть».

О Сонам я впервые услышал от режиссера Геннадия Васильева, создателя совместного советско-индийского фильма «Черный принц Аджуба». «Шапи Капур, — рассказывал режиссер, — сделал мне странный сюрприз. Он рекомендовал на роль принцессы Хены, возлюбленной Хасана (Риши Капур), шестнадцатилетнюю Сонам. Когда я стал расспрашивать его, откуда она, что собой представляет, в каких фильмах снималась, он многозначительно сказал: знаешь, друг, нашу Сонам можно смело занести в Книгу рекордов Гиннеса. Ее пригласили сниматься в 50 картинах. 20 из них уже готовы к выходу на экран. Но до сих пор индийские зрители еще не видели ни одного фильма с участием Сонам».

Меня, как киноведа, заинтериговала эта информация. Не имея возможности лично встретиться с Сонам, я решил с ней познакомиться заочно. Пошел в библиотеку и начал просматривать индийскую прессу. Нашел ее интервью в газете «Навбхарат Таймс». Сонам рассказывала, как она попала в коммерческий кинематограф. «Еще когда я училась в Бомбее в женской школе, — говорила актриса, — мои друзья называли меня героиней. Я любила разыгрывать разные сценки. Ужас, как ненавидела школьные занятия. На уроках просто изнывала от скуки. Неожиданно мне повезло. Режиссер Яш Чопра искал партнершу Риши Капура для фильма «Победа» и пригласил меня сниматься в кино». Добавим от себя — Яш Чопра в одночасье сделал Сонам актрисой точно так же, как несколько лет назад Радж Капур вывел Мандакини. Одна-

ко одной красивой внешности и стройной фигуры недостаточно, чтобы удержаться в бурном кинематографическом потоке, надо научиться плавать в прямом и переносном смысле. И Сонам сразу же после окончания съемок своего первого фильма занялась самообразованием. Она прошла курс актерского мастерства у режиссера Рошана Таунджели (когда-то в киноинституте он преподавал М. Чакраборти и Ш. Азми), научилась танцевать и... плавать в бассейне.

Фильм «Победа» в Индии уже вышел на экраны. Я Чопра дал игре Сонам высокую оценку. «Сонам, — говорил режиссер, — просто самородок. Она наделена божественным даром. Она не играет, а живет жизнью своей героини». «Победу» нам вряд ли покажет кинотеатр. Но наша видеопрокат. Но наша встреча с Сонам уже состоялась. Зрители, наверное, уже

видели «Черного принца Ад-жубу» и не могли не полюбить строптивую, но добрую в душе, отзывчивую принцессу Хену в исполнении обаятельной Со-нам.

Восемнадцатилетняя Джу-хи, что в переводе означает «Жасмин», на конкурсе красо-ты завоевала корону «Мисс Индия». Об актерской карьере она и не думала, но не могла отказаться от заманчивых предложений сниматься в кино. Первые три фильма с ее участием не имели успеха у зрителя, поэтому своим на-стоящим актерским дебютом Джухи Чавла (это ее полное имя) считает роль Рашми в ро-мантической трагедии «Приго-вор». В Индии на Националь-ном кинофестивале этот фильм был назван лучшим развлекательным фильмом года, а Амир Кхан удостоен специального приза жюри за исполнение главных ролей в фильмах «Приговор» и «Пе-пел».

Однако вернемся к нашему разговору с Джухи Чавла. Отвечая на вопрос корреспон-дента, что нужно для завоева-ния успеха, начинающая актриса заметила: прежде все-го надо, чтобы тебе однажды крупно повезло. Конечно, ос-новное — это талант и обя-зание. У Джухи есть и то, и дру-гое. Мне хочется быть похо-жей на Шридеви и Рекху, заяв-ляет актриса, но я не буду сни-маться в прозрачных, просве-чивающих платьях. Я хочу играть, а не позировать в по-луобнаженном виде. Может

быть, ей удастся отстоять свои нравственные принципы в конъюнктурном мире коммер-ческого кино. Джухи нравится традиционное индийское кино с танцами и песнями на лу-вьев. Сейчас актриса вместе с Амир Кханом снялась в двух романтических мелодрамах «Любовь, любовь, любовь» и «Ты мой», вместе с Анилом Капуром сыграла запоминаю-щуюся роль в фильме «Безы-мянный король», который ско-ро увидят и наши зрители. У нее на руках более 20 кон-трактов.

Минакши (настоящее имя Шашикала) Шешадри, так же, как и Джухи Чавла, завоевала первое место на конкурсе «Мисс Индия». Королевы кра-соты в Индии либо удачно вы-ходят замуж, либо устраива-ются на работу манекенщица-ми и позируют в рекламных роликах. Минакши пригла-сили сниматься в настоящее кино. Правда, «Художник Бабу», первый фильм с ее уча-стием, с треском провалился в прокате. Но второй блин («Герой», реж. Субхаш Гхай, актерский дебют Джэки Шроффа) уже не был комом. О Минакши заговорили как о многообещающей актрисе. Ее домашний телефон разры-вался от звонков. Продюсеры наперебой приглашали сни-маться у разных режиссеров. Минакши не торопилась с ответом, подписывая наибо-лее стоящие контракты. Юж-ноиндийский кинемангнат Л. В. Прасад предложил ей

роль незаконноро-жденной дочери в социальной драме на хинди «Свати». Что-то слышала Шармила Тагор), Свати получает своим личным сча-стьем и выходит замуж за по-жизненного доктора. В оригиналь-ном варианте на телугу в этих ролях были заняты известные актрисы Су-мини и Шарада. Самозабвен-ная игра молодой актрисы до-вольно растрогала. Раджа Капу-

Минакши вряд ли может сожалеть о своей актер-ской судьбе. Ее ценят как ма-стерские режиссеры коммерче-ского кино, так и ведущие ак-теры молодого и старшего по-колений. Она снималась в фильмах Манмохана Десаи, Пракаша Мехры, Тинну и Му-гула Ананда, играла вместе с Джэки Шроффом, Анилом Капуром, А. Баччаном

и М. Чакраборти. У нас в про-кате был фильм «Семья», где Минакши выглядела вполне достойной партнершей М. Ча-кроборти. К сожалению, актриса ни разу не приезжала в нашу страну или по причине своей занятости, или из-за того, что ее «забывают» при-гласить на Московский или Ташкентский кинофестивали. Я не поверил своим глазам, ко-гда прочел в одном интервью, что Минакши любит русский балет, особенно «Лебединое озеро» П. Чайковского. Ну, это так, к слову, чтобы акцентиро-вать ваше внимание на интел-лектуальном кругозоре актри-сы. Конечно, примитивные

танцы в коммерческих кино-лентах, которыми так увлека-ются наши школьники, не имеют ничего общего с индий-ской культурной традицией, с классическими стилями тан-ца «бхаратнатьям» или «кучи-пуди». Их Минакши начала изучать с четырех лет и еже-дневно тренируется, чтобы не потерять навыков.

Работа в коммерческом ки-нематографе, несомненно, ограничивает творческий диа-пазон талантливой актрисы.

Может быть, поэтому она ис-пытывает щемящее чувство неудовлетворенности. Это

можно почувствовать, читая ее многочисленные интервью в индийской прессе. «Я хотела бы сниматься в малобюджет-ных фильмах у Шьяма Бенега-ла или Говинда Нихлани, — го-ворила она корреспонденту газеты «Таймс оф Индия». — Возможно, я — фантазерка, но что им стоит мне позвонить в один прекрасный день...»

За пределами сегодняшней нашей встречи — рассказ о грациозной Мадхури Дик-шит, о чувственной Нилам, об очаровательной Бхатъяшри... Рассказ о молодых индийских актрисах, о тех, кто завтра будет определять судьбу кине-матографа на хинди, невозмо-жен без знакомства с англоин-дианкой Санжаной, дочерью Шапи Капура... Но я надеюсь, что эта наша встреча с по-клонниками индийского кино на страницах журнала «Мы» — не последняя.

Юрий КОРЧАГОВ

Олег ДМИТРИЕВ

НОЧНЫЕ ГУДКИ

СКАЗКА

Жил мальчишка в степном поселке
И мечтал он только о море,
И читал он книги о море,
И смотрел он фильмы о море.
Вырезал он морские виды
Из газет и старых журналов.

Вдруг однажды отца послали
На далекий Север зимою,
И с собою он взял мальчишку,
Ибо город, куда он ехал,
На морском стоял побережье.
Называлось то море Белым.

Поезд шел по белой равнине,
А потом по седому лесу,
А потом по тайге зеленой,
И мальчишка на верхней полке

Двое суток, глаз не смыкая,
Ждал, когда он увидит море...

Он помчался на берег утром
И застыл там, глазам не веря:
Море было белой равниной,
Надоевшей зимнею степью —
Неподвижный простор сливался
С мутным небом на горизонте.

Ночью в поезде мальчик плакал,
Он вернулся в свой дом,
где море

Жило в раковинах, в альбомах
И на стенках —
в бумажных рамках...

Так рассказывал мне о детстве
Капитан с бородой и трубкой.

ЗАБИЯКА

Помню, мне проходу не давала,
Шуточною злою задевала,
Вечно насмехалась и дразнила, —
Во дворе при всех меня казнила!
Ни словечка доброго не скажет,
То язык мне, то кулак покажет,
Без кривлянья ни о чем не спросит,
То песком в меня, то камнем бросит...
Но с девчонкой невозможна драка!
Хоть бы ты отлипла, забияка!
На нее не поднимаю взгляда:
Я не понимаю, что ей надо...

Развела нас матушка-столица.
Встретились годочков через тридцать.
Мне призналась женщина седая:

154

— Да влюбилась по уши тогда я!
Ты же, олух, ничего не понял:
Не позвал в кино меня, не обнял
И до ночи на окне в подъезде
Мы с тобою не сидели вместе...

Я сказал: — Себя вела ты странно.
Впрочем, мы родились слишком рано.
Были в воспитании пробелы.
Вот теперь бы — никакой проблемы:
Жизнь другая, и на все на свете
По-иному смотрят наши дети.
Нам бы так! Но мне пора, однако.
До свиданья! Эх, ты, забияка...

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД
(конец сороковых годов)

Ни о чем жалеть не надо,
Если сизмальства дана
Александровского сада
Голубая глубина!
Если ты на санках несея,
Холодея на ветру,
От самой стены кремлевской
По высокому бугру.
А еще одна забота —
Я не струшу, не сорвусь! —
Щели каменного грота
Знать почти что наизусть.
Хоть тоскливо сердце ныло
Про недавнюю беду,
Но ведь рядом
Счастье было
В Александровском саду.
В духе древней пасторали
Вспомню, душу веселя,
Как беспечно мы играли
У священного Кремля.
Отчего ж великий Брейгель
Жил совсем в иные дни?
Лишь ему бы я доверил
Радость бедной ребятни:
Ни о чем жалеть не надо,
Если сизмальства дана
Александровского сада
Голубая глубина!

Этим — берег морской,
Тем — сверканье скал.
Ну, а мне — городской,
Только старый,
Квартал.
Чтобы крыша над крышей,
Стена над стеной
Да звезда над звездой
В летней выси ночной...

Этим — зелень дубрав,
Тем — просторы полей.
Знаю, что я не прав,
Но квартал мой —
Милей.
Чтобы крыша над крышей,
Стена над стеной,
Солнце над мостовой,
Убеленной зимой...

Размышляя с тоской,
У природы в долгу,
Что пейзаж городской
Мне дороже —
Не лгу.
Чтобы крыша над крышей,
Стена над стеной
Да над тополем тополь
Осенью или весной...

155

КАТОК

Мы дней не делили
На счастье тогда, на беду.
Коньки наши плыли
По синему, белому льду.
Скользили, скользили
По твердой, как камень, воде,
Не зная, что счастье
Порою подобно беде!

Все дни мы делили
На радость тогда и печаль,
Коньками пилили
Стеклянную светлую даль:

* * *

На аллеи бульварные длинные тени ложатся,
Молодые поэты несутся на полном скаку!
Мне бы к старому дубу щекой незаметно прижаться —
Он ведь Пушкина знал...
До чего повезло старику.

Чьи-то тени маячат за окнами Литинститута,
Видно, некто маститый опять затянул семинар:
Снизойди к ним удача, хоть к нескольким —
Вдруг почему-то
Очень хочется мне, чтобы Пушкин о них вспоминал.

Вспоминал бы, витая над двориком, тихим и славным,
Там, где маленький Герцен с придирчивой бонной гулял.
Коль о племени юном
Пушкин думал во времени давнем,
Хорошо б он в грядущем к нему интерес проявлял!

По Тверскому бульвару прошли чередой поэты,
Право, несть им числа, и давно уж потерял им счет:
Эти канули в Лету,
А эти возникли из Леты,
Ибо пушкинский гений собратьев спасал и спасет.

Выбегайте, мальчишки, из душных и узеньких классов,
Выбегайте, девчонки, в смятенье весенних аллей,
И встречайте там Муз и седлайте строптивых Пегасов,
И о Пушкине думайте —
С Пушкиным жить веселей!

ЛЕСНЫЕ ЦВЕТЫ

В людях все-таки больше, чем зла, доброты.
Человек — не злодей.
Занесенные в «Красную книгу» цветы
Не бегут от людей.

Не таятся, не прячутся, — им невдомек,
Что рассудит иной:
«Не убудет, коль срежу цветочков пяток,
Этой чаще лесной...»

Ну, а дома — в стакане букетик купав
Будет радовать глаз.
Может, мне попеняют, что здесь я не прав, —
Так в последний же раз!»

А фиалки и ландыши вышли к тропе,
Словно знаки любви.
И цветок ни один не прошепчет тебе:
— Проходя, не сорви...

Одному так несложно нарушить закон,
Что объявлен для всех,
И с букетом лесным возвращается он,
Не считая за грех.

А таких легионы на грешной земле,
Что, природу любя,
Никогда не сумеют в содеянном зле
Заподозрить себя.

ПРИНЦЕССА ПОЧТЫ

Проходил я по тропке у сада,
Через темный штакетник сквозь.
Нынче думать об этом не надо,
Если было когда-то нельзя.

Там бродила у дома, без спору,
Не девчонка — принцесса почты.
Но она, как и должно, к забору
Ни на шаг не могла подойти.

Я свистел, проходя мимо дома,
Свет сквозь щели меня прошивал,

Говоря себе: «Сено-солома!» —
Я старательно маршировал.

Все то лето я шел по полоске
Уходящего в небо огня,
Чтоб девчонка
сквозь тонкие доски
Хоть бы раз увидела меня!

НОЧНЫЕ ГУДКИ

А в детстве
Киевский вокзал
Гудками сны мои пронзал.

И, опершись на подоконник,
Смотрел я в сторону его,
Но, кроме

белых звезд спокойных,
Во тьме не видел ничего.
Дышало равномерно лето
В проеме высокого окна.
В дворовой яме до рассвета
Накапливалась тишина.

И прилетал издалека
Ко мне
Короткий зов гудка.

Аукались, перекликались
Гудки в полночной тишине,
Как будто рассказать пытались
О том, что неизвестно мне.

Вокзал мне подавал сигнал,
Но я тогда еще не знал,
Как много странствовать

придется
По свету белому потом!
И тишь дворового колодца
Меня окутывала сном...
Неслышно крался я к постели
И засыпал, но и во сне
Над спящую Москвой летели
Гудки тревожные
Ко мне.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР...

За шумным потоком попысы нет-нет да и услышишь порой такие знакомые и до сих пор близкие сердцу песни, как «Мазетро», «Старинные часы», «Яблони в цвету», «Золушка», «Вернисаж», «Еще не вечер»... И люди всех возрастов — бабушки и внуки — с удовольствием мурлыкают их себе под нос. Что и говорить — ностальгия одолевает нас по этим мелодичным, а главное, осмысленным песням. По сюжетам, заложенным в них, по их героям — близким и далеким нам. Стихи, написанные к ним поэтом Ильей Резником, немудрены. Но они хорошо усваиваются слушателями и воспринимаются сознанием, а в сочетании с прекрасными мелодиями легко запоминаются. Поэтому они до сих пор у всех на слуху. Илья Резник — автор многих популярных песен — любопытный человек. Разносторонний, ищущий, любознательный. Интересно, что он думает о нас с вами, о жизни вообще и, конечно, о песнях.

— Илья, какая песня у тебя была самой первой?

— «Золушка». С нее все и началось. Исполнила ее Людмила Сенчина. Песня понравилась, и я как-то само с

ебя вышел на «большую дорожку» эстрады. Хотя, между прочим, и до этого тоже писал песни для ансамблей «Поющие стары», «Дружба», «Эолика». Мои песни пели Эдита Пьеха, София Ротару, Татьяна Калиниченко, Ренат Ибрагимов. Но заметили меня и приняли именно после «Золушки». А почему — для меня до сих пор загадка. В эстрадном искусстве вообще очень часто трудно бывает объяснить причину успеха. Он, как любовь, может «нечаянно нагрянуть», когда его совсем не ждешь».

— Ваш «дуэт» с Раймондом Паулсом, а затем и «трио» с Аллой Пугачевой — одна из ярких страниц нашей песенной эстрады.

— С Паулсом мы написали около сорока песен. С Пугачевой примерно столько же. А вот конкретно для Пугачевой вместе с Паулсом — только восемь. Первая из них была «Мазетро». Объясняю это ее высокой взывательностью и тем, что она берет только за те песни, которые накладываются на ее личное жизненное. В этом, кстати, и секрет успеха, который сопутствует ей уже многие годы.

Пугачева — вели-

кая певица. Я познакомилась с ней, когда она стала лауреатом одного из эстрадных конкурсов. Кстати, она пела на нем твою песню «Посидим, нем твою песню «Посидим, попокаем». С каким юмором, артистизмом! Я, например, считаю ее не только прекрасной певицей, но и талантливым режиссером, композитором, рассказчиком, да и вообще уникальной личностью. Не случайно появилась «байка»: спустя много лет наш современник расскажет — я жил в эпоху Пугачевой. Красноречивое свидетельство популярности артистки.

— Согласен, Алла Пугачева — действительно великая певица и актриса. Но она еще и прекрасный друг. Я познакомился с ней в 1972 году случайно в Ленинграде. Потом этот случай перерос в творческое сотрудничество и дружбу. Она — верный человек и в искусстве и в партнерстве. Благодаря судьбе за то, что она перекрестила наши творческие и человеческие дороги.

— Жаль только, что теперь мы видим и слышим Аллу Пугачеву довольно редко. Разве что на традиционных «Рождественских встречах». Говорят, что она «до упора» занята

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

парфюмерным бизнесом с французами.

— И мне жаль. Но только думаю, что от песен она все-таки никогда не откажется. И я, и Раймонд Паулс надемся и верим, что сцена все-таки победит.

— Представляю, как прекрасно может прозвучать сегодня та же «Маэстро», обогащенная новыми вокальными, музыкальными и актерскими красками... Илья, зная тебя не один десяток лет, могу утверждать, что твои способности и склонности не ограничиваются стихами и песнями. Ты и книжки писал, был актером престижного театра. А вот теперь создал свою собственную труппу. Спектакль «Театра Ильи Резника» под интригующим названием «Игра в Распутина» идет везде с аншлагами. Так кто же ты на сегодняшний день — поэт, актер, режиссер?

— Начнем все по порядку. С самого начала. Еще в 1969 году у меня вышла детская книжка «Она не хочет быть клоуном». Забавная, веселая и по-своему грустная. Как сами клоуны. Кстати, это мои любимые герои. Они жизненны при любом строе. Недаром говорят: «Цирк уехал, а клоуны остались». В этом глубокий подтекст.

После этой книжки я написал для театра Шерлинга в 1977 году пьесу в стихах «Черная уздечка белой кобы-

лицы». А до этого семь лет работал в театре Комиссаржевской в Ленинграде, ведь я по образованию — актер. Закончил театральный институт. Так что для меня театр — это состояние души, ума, образ мыслей. Была мечта создать свой коллектив. К этому я шел медленно, но упорно. Кроме песен, писал и сонеты, и сценарии, и даже пародии, частушки и куплеты. Со временем меня заинтересовал образ Распутина, противоречивый и по-своему яркий. Стал изучать все, что с ним связано, и увидел в нем ко всему прочему фигуру курьезную, трагикомическую, которая сама себе устроила страшный суд. Эта мысль и послужила основой для спектакля-бурлеска, мистерии, буффонады. Основной выразительный язык в этом спектакле — хореография, пластика, клоунада.

— Что и говорить — эстрада давно не видела такого яркого, красочного, темпераментного и по-своему веселого спектакля. Решен он в гротесковой манере, сдобренной большой долей иронии. Одни сценки уличной жизни чего стоят! А ярмарочные персонажи! Сколько выдумки балетмейстера Ольги Морозовой и художника Валентина Юдашкина! Илья, это большая удача всего авторского и творческого коллектива. Ну, а что с песнями? Они отодвинуты на второй план?

— И да и нет. Конечно, театр отнимает много времени, мне не забываю. Не могу не писать их. Написал для Владимира Преснякова «Странники», «Незаконный сын», «Между нами стена», «Домик в океане». Это своеобразный цикло-драматический цикл песен, который вошел в репертуар певца. Кроме того, я иногда выступаю с творческими вечерами, где сам исполняю свои стихи и песни.

— И кто же вдохновляет тебя на все это?

— Жена и сын. Мунира — бывшая танцовщица Ташкентского мюзик-холла. Самый верный друг и самый строгий критик. Немного словна и ласкова, как все восточные женщины. Мы часто бываем у нее на родине в Узбекистане вместе со своим мальчиком — Артуром. И поверьте, никаких национальных неудобств не испытываем.

— Твой старший сын Максим живет сейчас в Израиле. Ты считаешь его выбор правильным?

— Он взрослый человек, семейный, и сам решал, где и как ему жить дальше. Мы с Мунирой были у них в гости. Не скажу, чтобы он там особенно благоденствовал, что, конечно, рассчитывал, как в таких случаях обычно бывает, когда решаются на подобный шаг. Но выбор он сделал.

— Мне кажется, что так называемую «национальную проблему» в нашей стране раздувают те, кто стоит возле «кормушек» и сидит в креслах. Простому народу подобные «вопросы» не свойственны. Я бывала в разных концах страны и нигде не ощущала среди простого народа враждебности и неприязни. А тем более к песням. Особенно к твоим. «Старинные часы», «Маэстро», «Еще не вечер» пелись и сейчас поются и слушаются с удовольствием. И никому нет дела, что текст написал еврей, а музыку — латыш. Главное, что они искренние, человеческие и близки каждому.

— Когда пишу песни, я всегда как бы разговариваю с людьми. Ведь все-таки мало, чтобы твоя песня просто нравилась. Хочется, чтобы ей сочувствовали. Прямо скажу, не переживали. Прямо скажу, каждая моя песня удостаивалась такого приема. Но тут лась такого себя. Значит, не как на самого себя. Достаточно проникновенно. Для меня песня — это своеобразная пьеса. Со своей драматургией. Как бы кусочек прожитой жизни. Поэтому мне дороги певички и певцы, которые внутренне напряжены и артистичны: таким подвластна драматургия песни. Песня для них — маленький завершённый спектакль.

— Сразу вспоминается Лайма Вайкуле, когда она ис-

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

полняет «Деловую женщину» или «Скрипач на крыше».

— Эта певица — настоящая актриса. Она тонко чувствует сюжет и умело создает канву песни.

— Это песни, которые у всех на слуху. А есть песни, которые прошли как бы мимо нас?

— Моя любимая песня «Скушимся на любовь, скушимся...» по популярности не идет в сравнение с тем же «Вернисажем». Или: «А внуки не знают, а внуки не знают, как в братской могиле друзей хоронили и что было в этой войне пережито...» Об этой песне мало кто слышал. Исполнители к ней не очень-то тянутся. А она так дорога моему сердцу...

— А почему?

— Я ведь ленинградский блокадный ребенок. Помню, на балконе горстка мороженой картошки, а за балконом — серое солнышко. Мама как-то вела меня по улице, паек несла. На землю упал ломтик хлеба, и я долго искал его в потемках сумерек. Много было пережито. Воспитывала меня в общем-то бабушка. Жили мы в коммуналке на улице Восстания.

Потом, когда учился, стипендия у меня была 22 рубля, у бабушки пенсия — 29. И ничего — выжили. Помню песни тех лет: «Ландыши», «Мишка, Мишка, где твоя улыбка». Они трогали своей сердечностью,

простотой. Наверное, все-таки взаимоотношения людей были тогда иными — более добрыми, искренними.

— А сейчас? Неужели мы все так озлобились, что не видим ничего светлого, не верим никому и ничему?

— Человек не рождается злодеем. Таким его делают обстоятельства. Когда человек сыт, одет, обут, у него не будет ни злобы, ни зависти. Но для этого он должен трудиться. А у нас сейчас труд не в почете. Многие подменяют его спекуляцией или какими-то темными делишками. Печально и обидно.

— Да, раньше было престижно быть врачом, учителем, инженером, а теперь все представления сместились. Вольготнее всего живет проституткам, рэкетирам или просто «спонсорам». Они стали «кумирами» и эталоном.

— Знаешь, мне иногда жаль наших девчонок. Им так хочется быть на виду, хорошо одетыми. Как в той песне: «Нет, нет, нет — мы хотим сегодня», а не завтра. А реальных возможностей занять все сразу — нет. Вот многие и думают: зачем напрягаться, грызть гранит науки, когда после института платят копейки. Гораздо проще переспать в сутки с двумя-тремя и получить за «услугу» весьма кругленькую сумму в «деревянных», а если с клиентом не разлет, то и в «зеленых».

сегодняшним днем. Хорошенькие дурочки не понимают, что век женщины короче, чем мужчины. Уйдут молодость, свежесть, и наступят серьезные будни. Таких случаев немало.

— Да, ведь ты — известный знаток женской души. Все песни твои о нас, женщинах. Преподанная половина человечества в них одухотворена. В этом смысле ты как бы следуешь известной пушкинской формуле: «Чистейшей прелестью чистейший образец».

— Каждый мужчина стремится к женскому идеалу. И пусть не морочат всем нам голову те, кто громогласно заявляет, что женщина должна быть полностью раскрепощена, то есть быть во всем наравне с мужчиной. Хотел бы я видеть мужчину, для которого идеал женщины — работающая отбойным молотком или дерущаяся на боксерском ринге. В душе у каждого из нас теплится надежда на встречу с женственной, ласковой и доброй «дамой сердца». Женщина призвана радовать не только взор мужчины, но и согревать его душу. Быть ему другом, матерью, сестрой, возлюбленной... Что и говорить — любимым, нравятся до непристойности девочки. С ними просто. Но брать их на ночь — одно, а в совместную жизнь — другое. На такой риск мало решается.

Мужчины тоже хороши!

Если бы они не «клали глаз» на этих проступек, не обольщали их деньгами, может быть, и девочки были другими. А то посмотришь кругом — мужиков-то настоящих и нет. Одни спекулируют каким-то шмотьем, другие — цветочками, третьи — обирают старушек, торгующих у метро сигаретами. Бешеные деньги текут рекой. Вот и покупают на них девчонок, а если надо, то и сами продают заезжим из ближнего и дальнего зарубежья. Так что винить в полной деградации нравственности следует и мужчин и женщин.

— Тем не менее я считаю, что женщина, как родоначальница и продолжательница рода человеческого, несет за это большую ответственность.

— Согласись, что на наших женщин сейчас в мире большой спрос. И не только потешной, но и неприязнательной, что они не привыкли довольствоваться малым. По всему свету разбегались сейчас русские фотографии, манекенщицы, всевозможные «мисс» и «королевы красоты».

— Хорошо, если это — стабильная работа. Но чаще всего это — факиры на час. Кончается праздник, и все возвращается на круги своя. Мало кому удастся распрямить плечи, вздохнуть полной грудью. Не только окружающих радуют своей красотой и грацией, но и самим от души и с легким

сердцем радоваться жизни. Работа кончается, и праздник проходит, рассеиваясь, как сон, как утренний туман. Ставлю себя на место победительницы такого конкурса красоты и представляю, как тяжело возвращаться из сказки в повседневную безрадостную обыденность.

Так хочется, чтобы вокруг было много красивых, хорошо одетых, улыбающихся женщин. Разумеется, улыбающихся искренне, от души, а не так вымучено, как это делают они за большие деньги для рекламы товаров, которые им самим недоступны. Лучше, если бы они улыбались бесплатно, радуясь прелестям жизни, спокойствию и благополучию в ней. Мне кажется, что правители всех мастей совершают непростительную ошибку, не допуская женщин к руководству в высшие эшелоны власти. Я имею в виду не ораторов в юбке или серых безгласных «мышек», а настоящих, талантливых, искренних и бесстрашных женщин. Когда я, например, слушал депутата Евдокию Гаер, которая одна из многолюдного зала встала на защиту Сахарова, сердце радовалось и ум торжествовал. Пока есть такие женщины — хрупкие, но сильные и совестью, мы не погибнем и выстоим. Такие, как она, — нам, мужчинам, пример и укор.

— Что-то мы ударились в пессимизм. А между тем

жизнь ведь продолжается. И что бы там ни говорили — она интересна своей неповторимостью и своеобразием. Наверное, то же испытывали наши деды и отцы тогда, в 1917 году, когда жили мечтой о светлом будущем. И не их вина, а их беда, что все получилось совсем не так, как им грезилося и хотелось. И происходящее сейчас, наверное, тоже должно вдохновлять поэтов, писателей, артистов. Не могут же они безучастно безмолвствовать!

— Сама по себе жизнь всегда прекрасна и удивительна. Многое подталкивает меня к перу и бумаге. Мы долго гастролировали по США со своим театром. Даже не ожидали такого успеха. Это вдохновило меня на следующий сценарий и новые стихи. Конкретно об этом сейчас говорить пока что рано. Перед отъездом на гастроли в США был у Раймонда Паулса, и мы отлично поработали. Нас нисколько не смущают границы и всякие там отношения между правителями. Мы, творческие люди, признаем только одного правителя — искусство. А ему предела нет. И границ у него тоже нет. Думаю, что 1993 — год Петуха — будет у меня песенным и звонким.

— Что ж, Илья, как говорится в твоей песне — еще не вечер. Будем ждать.

Беседа
Валентина

Андрей КОКАРЕВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО РОКА

DARK ANGEL

США. Образована в 1981 г. Джим Дуркин (гитара), Дон Доти (вокал), Роберт Йоан (бас), Джек Шварц (ударные).

«Дарк Энджел» («Темный ангел») — одна из самых тяжелых групп треш-направления, которая долгие годы уверенно шла в фарватере знаменитого Slayer. Дуркин, Доти и Йоан образовали ее еще в то время, когда все вместе учились в Высшей школе Доуни в Калифорнии. Почти год ребята репетировали, чти год ребята репетировали, пытались создать нечто собственное, пока не записали демо-ленту «Мы пришли» в конце 1982 г. Эта презентационная запись легла в основу диска, который группа окончательно привела в законченный вид летом 1984 г. на студии «Азураментал шторм». К этому времени в составе «ДЭ» появился ударник Джек Шварц, который, единственный из многих соиска-

телей за предыдущие пару-тройку лет, сумел продержаться на этом месте более восьми месяцев. Также в «ДЭ» появился второй гитарист Эрик Мейер. Успех первой пластинки группы подтвердил тот факт, что уже в феврале 1985 г. она была выпущена в Европе, и «ДЭ» получил мировую известность. В декабре 1984 г. произошло еще одно знаменательное для группы событие: в ее рядах появился ударник Джин Хоглан. Очень скоро он завладел лидерством в «ДЭ», стал основным композитором ансамбля и по сей день считается одним из самых лучших барабанщиков в треше.

Безусловно, именно его талант вывел следующий диск «ДЭ» «Ночь наступает» в лидеры металлических хит-парадов 1986 года. Этот ЛП был многолучше и качественнее спродюсирован, а саунд группы приобрел завидную жесткость благодаря прямо-таки маниакально интенсивной работе ударных инструментов. На этой пластинке в последний раз «отметился» басист Роберт Йоан из оригинального состава. Вскоре он

появление. Начало в №№ 1—6, 1992 г., № 1 за 1993 г.

был заменен Майком Гонсалесом.

Следующая пара лет прошла для «ДЭ» не слишком благополучно. Ушел Дон Доти. Группа погрязла в сотнях проблем, связанных с менеджментом, фирмами грамзаписи, дистрибуцией своих пластинок. Многими вещами, которые должны делать другие, музыкантам приходилось заниматься самим. «ДЭ» медленно окуналась в темноту забвения. Свежей кровью влился в группу в конце 1987 г. певец Рон Рейнхарт.

Вышедший в 1989 г. диск «Живые шрамы» оказался спасительной удачей для «ДЭ». Его саунд, несмотря на невероятную «тяжесть», отличался мелодизмом и красивыми запоминающимися ходами. На диске была записана перепевка композиции Led Zeppelin «Песня иммигрантов», которая доказала, что Рейнхарт явно обладает голосовыми преимуществами по сравнению со своим предшественником.

За этим последовали мощные европейские гастролы группы, которые подтвердили класс команды. Следующим шагом в развитии «ДЭ» стал ЛП 1990 г. «Время не лечит» (с обязательной переменой в составе: место Дуркина занял Бретт Эриксен, экс-Viking). Несмотря на то, что общее следование музыкальной концепции у «ДЭ» сохранилось без изменения, темп, всегда бешеный в песнях группы, зримо замедлился. Весь диск звучит более часа и выглядит эпически, если учесть еще то обстоятельство, что чище и проработанней стали вокальные пар-

тии. От диска к диску «ДЭ» явно прогрессирует.

Последним сообщением из стана «темных ангелов» было сведение о новой смене в составе: вместо Эриксона там теперь играет Крис Маккарти (экс-Silent Scream).

Дискография: 1. We Have Arrived — 1984. 2. Darkness Descends — 1986. 3. Leave Scars — 1989. 4. Time Does Not Heal — 1990.

DEATH ANGEL

США. Образована в 1982 г. Роберт Кавестани (гитара), Энди Галлеон (ударные), Марк Осегуэда (вокал), Гас Пепа (гитара), Деннис Пепа (бас).

Пятеро двоюродных братьев филиппинского происхождения заложили основы группы «Дэс Энджел» («Ангел смерти») летом 1982 г. в Бэй Эйриа, Калифорния. Удивительно, но им не только удалось удержаться вместе на плаву на протяжении многих лет, но и стать авторитетами в мире треш-метала. Их молодой задор и не по возрасту техничное исполнение (а ведь младшему — Галлеону — в 1984 г. только исполнилось 13 лет!) привлекли внимание гитариста Кирка Хэммита из Metallica, который сначала пригласил «АС» выступить вместе с его группой в концертном турне, а затем спродюсировал ансамблю вторую демо-запись, которая в 1985 г. попала в поле зрения фирмы «Энигма». Через год эта компания подписала с «АС» долгосрочный контракт.

Дебютный альбом «Чрезмерное насилие» представляет собой по-настоящему монологичное произведение, словно овеванное прохладным ветром юношеского энтузиазма. На удивление компетентные композиции оказались оплодотворены стальными гитарными риффами такой мощи и свежести, что впору было považивать даже грандам треш-музыки. Не давая времени на раздумье, «АС» спустя едва год выбрасывает на рынок второй ЛП, который за счет улучшенной спродюсированности и чувствительно «обматеревшего» звучания являет фэнам новую сторону «АС» — вдумчиво-серьезную. Если здесь немногим меньше мальчишеского задора, чем на первом диске, так это не значит, что «АС» хоть в чем-то уступает свои позиции. Наоборот, музыканты заметно расширили свои творческие возможности и в первую очередь за счет привлечения новых выразительных средств, присущих не только трешу, облагородили свое творение: например, оглушающий финал исполнен «АС» по всем канонам симфонической музыки — и поражает своим величием.

Все шло к тому, что следующий, 1989 г. будет триумфальным для «АС». Но судьба распорядилась иначе. Группой были в тень. Тому причиной были малоафишируемые события: изменения в менеджменте, смертельные несчастные случаи у родственников, в результате которых Энди Галлеон попал прямо в операционный стол и чудом остался жив... Только в 1990 г. появился ЛП «Акт 3», на кото-

ром «АС» наметил еще большее отклонение от прямолинейного трешового формата, максимум внимания уделив экспериментированию с ритмами, темпами и т. п. Однако именно это позволило знаменитому английскому рок-критику Джону Дьюку заявить, что «Акт 3» — один из величайших треш-альбомов, когда-либо записанных. Это то произведение, которое раздвигает рамки жанра, способствует его развитию.

В том же году музыканты «АС» преподнесли подарок своим фэнам в виде концертного диска и вскоре объявили о переименовании группы в The Organisation. С тех пор об активности нового ансамбля почти ничего не слышно.

Дискография: 1. The Ultra-Violence — 1987. 2. Frolic Through The Park — 1988. 3. Act 3 — 1990. 4. Fall From Grace — 1990.

DEFECATION

США. 1988 г. Мик Харрис (ударные, гитара, бас), Митч Харрис (гитара, бас, вокал).

Идея создать проект «Дефейкешн» («Испражнение») родилась в 1987 г., когда Мик Харрис из английской экстремальной группы Napalm Death и американец Митч Харрис (экс-Ripstick Pigs) начали переписываться и обмениваться записями друг с другом. Летом 1988 г. Мик приехал в Лас-Вегас, вдвоем ребята сочинили семь песен, а затем, экономя время и деньги, записали их за 12 часов мотом наложения. В октябре

уже Митч приехал в гости к Мику, и они завершили работу над мини-диском (переписали заново бас и гитары, дописали вокал). В 1989 г. это творение дуэта треш-профессионалов увидело свет.

Дискография: 1. Purity Dilution — 1989.

DEFIANCE

США. Образована в 1985 г. Кен Элкингтон (вокал), Брэд Боуэрс (гитара), Майк Кауфманн (бас), Мэтт ван дер Энде (ударные).

«Дефьянс» («Вызов») был создан на океаническом побережье Калифорнии в районе Бэй Эйриа близ Сан-Франциско. У истоков группы стояли ван дер Энде, Боуэрс и Кауфманн, которые в течение года пытались сколотить приличный состав. В итоге, найдя Элкингтона, они тут же потеряли Боуэрса, которого пришлось заменять сразу двумя гитаристами: Дугом Харрингтоном и Джимом Адамсом. Записанного в феврале 1988 г. демо хватило для подписания контракта с фирмой «Роадраннер», которая заслала их в Ванкувер, в мастерскую лидера группы Annihilator Джеффа Уотерса. Там «Д» создал свой дебютный альбом «Продукт общества», который оказался на редкость добротным треш-продуктом, в духе Metallica, без резких атональных переходов и каких-либо «сверхкрутых закидонов». Две инструментальные вставки, одна из которых — акустическая зарисовка,

удачно разбавили общую тяжесть саунда группы, привнеся в него утонченность и особый полувосточный колорит.

К сожалению, дальше у «Д» дела пошли хуже. Уход Элкингтона поставил ансамбль в затруднительное положение. Новый вокалист Стив Эскивель (экс-Laughing Dead) ничем не смог себя проявить, и второй диск группа «завалила».

Дискография: 1. Product Of Society — 1989. 2. Void Terra Firma — 1990.

DESTRUCTION

ФРГ. Образована в 1984 г. Михаэль Шиффингер (гитара), Марсель Ширмер (вокал, бас), Томас Шенманн (ударные).

Группа «Дестракшн» («Разрушение») появилась в немецком городке Вайл-ам-Рейн в 1984 г. Вышеозначенное трио записало там демо-ленту, которая неожиданно принесла ему контракт с фирмой «Стимхаммер». Уже в декабре 1984 г. появился мини-ЛП «Смертный приговор», а в мае 1985 г. — дебютный ЛП под названием «Адское уничтожение». После того как поклонники метала благосклонно приняли эти опусы, отличавшиеся скоростным исполнением и вполне мелодичным, в рамках треша, звучанием, «Д» отправились в турне со Slayer завоевывать Германию и мир. С тех пор, несмотря на обилие записанных дисков и большое количество смен в составе, «Д» прочно «засел» во втором треш-дивизионе, выполняя роль «подносчика снарядов» для

главных музыкальных сил этого направления. По сути, этот коллектив так и не сумел пробиться в высшее общество. Его лучшей студийной работой считается пятый диск «Конец агонии». Тяжелым ударом стал для остальных музыкантов разрыв с лидером ансамбля Ширмером в 1990 г. Его пришлось заменить сразу двумя исполнителями: басистом Кристианом и вокалистом Андре. Но оба не очень уверенно чувствуют себя в рядах «Д».

Дискография: 1. Sentence Of Death — 1984. 2. Infernal Overkill — 1985. 3. Eternal Devastation — 1986. 4. Maximum Destruction — 1986. 5. Release From Agony — 1987. 6. Mad Butcher — 1987. 7. Live Without Sense — 1989. 8. Cracked Brain — 1990.

EVIL DEAD

США. Образована в 1987 г. Альберт Гонсалес (гитара), Хуан Гарсиа (гитара), Мел Санчис (бас), Фил Флорес (вокал), Роберт Аланис (ударные).

Ансамбль «Ивил Дед» («Зловещие мертвецы») был создан двумя бывшими участниками известной группы Abattoir Гаризииа и Санчисом. Особого времени на раскачку этим опытным музыкантам не требовалось, и они быстро заключили контракт с фирмой грамзаписи «Эс-Пир-Ви». В 1989 г. по обе стороны океана появилась дебютная пластинка «ИД» — «Уничтожение цивилизации». От начала и до конца этот диск был заполнен бескомпромиссной треш-атакой. Группа страдала одно-

образием, но определенная часть поклонников треша именно этого и ожидала. «ИД» получил относительную известность и превратился в один из столпов, поддерживающих купол треш-храма.

К сожалению, не все складывалось благополучно для группы. Неожиданно обанкротилась американская фирма «Эс-Пир-Ви», и контракт «ИД» перешел к немецкому отделению «Стимхаммер». Вместе со сменой «страны-депозитария» изменились и условия существования (законы-то другие) — контракт трещал по швам. Мел Санчис решил не дожидаться конца разборок и ушел из группы, как оказалось впоследствии, он вообще бросил музыку. Альберта Гонсалеса ребята выгнали сами — почувствовав себя уверенно после первого ЛП, он попытался узурпировать власть и объявил, что ко второму диску все песни будет писать единолично. Потерял «ИД» и ударничка — Роберта Аланиса.

На помощь пришли бывшие члены группы Sanctum Карлос Медина (бас) и Дуг Клаусон (ударные). Они заняли вакантные места, как, впрочем, и гитарист Дэн Флорес (никакого родственного отношения к Филу!). В обновленном составе «ИД» выпустил свой второй диск — «Подземный мир», который возродил надежды поклонников на длительное знакомство с этой группой.

Дискография: 1. Annihilation Of Civilization — 1989. 2. Underworld — 1991.

Продолжение следует

ТЯЖЕЛО В УЧЕБЕ...

На обложке одного из первых российских букварей была изображена вот такая сцена: учитель розгами наказывает провинившегося ученика. Да, учение — труд, и труд тяжелый. Тех, кто трудится хорошо, ждет поощрение, нерадивых и непослушных — наказание. Давно ушли в прошлое эти времена. А вот в японских школах до сих пор многие преподаватели, особенно в младших классах, применяют далеко не педагогические методы обучения. Поэтому не случайно школа занимает одно из первых мест в списке того, что больше всего не любят маленькие японцы.

Примером подобной жестокости может служить недавний инцидент в японском городе Киото. Пятеро учеников за-

были взять с собой учебники на урок физики, и за это были наказаны электрошоком: зажав провода реостата в руках школьников, преподаватель с садистским наслаждением довел прибор до 100 вольт. За «телесное наказание», больше похожее на пытку, учитель заплатил всего лишь штраф за превышение допустимого предела наказания школьников, тогда как дети получили серьезную моральную травму.

Во многих школах преподаватели для собственного развлечения закрывают автоматические железные ворота школы перед самым началом урока, при этом любуются на давку и панику среди учеников. Уже были случаи получения тяжелых телесных повреждений в таких «пробках», а одну девочку задавили железными воротами.

Кое-кто применяет и другие методы.

Преподаватель английского языка из города Осака, озабоченный нерадивым отношением учеников к своему предмету, в преддверии контрольной работы заключил с ними пари. При положительном результате (по японской стобальной системе — не ниже 60 баллов) учитель стрижется наголо и становится посмешищем для всей школы. При обратном же исходе лысыми должны прийти двоечники. Однако же удовольствия не получил никто: наголо остриженные ученики пришли в школу вместе со своими возмущенными родителями.

У нас принято говорить о «японском чуде», восхищаться японской техникой и вздыхать, когда заходит речь об «их» уровне жизни. А может быть, и права старая пословица: «Тяжело в ученье — легко в бою». В наших же школах с некоторых пор иной принцип — учение с развлечением. А не оттого ли и приходится нам так часто завидовать другим, что в осуществлении этого принципа мы делаем упор на второй его части — развлечением?..

ДЕМОКРАТИЯ — НЕ ДЕТСКАЯ ИГРА

Ученики школы в Каскад-Вэлли в Портленде, штат Орегон, с недавних пор избирают старосту класса, а... весь штат учителей. «Во всех дру-

гих местах учащиеся вынуждены иметь дело с автократической системой образования и посему не знают, что представляет собой подлинная демократия, — подчеркивает Нан Нарбоу, управляющий этой частной школы. — У нас ученики знакомятся с выборами и правом голоса с первого класса, впитывая демократию вместе с другими знаниями».

Все это отнюдь не детские игры — в начале нынешнего учебного года учащиеся «прокатили» на выборах трех преподавателей, после чего администрация расторгла с ними контракты, пишет американский журнал «Лайф». Эх, нам бы их заботы...

ЗИТА РАЙЧАНЬ: «ФОРУ НЕ ПРИНИМАЮ...»

«Что ищет он?..» Эту классическую лермонтовскую формулу можно было бы продолжить: «А что ищет она?..» Об этом задумывались в Европе, когда узнали о том, что у знаменитого американского шахматиста Бобби Фишера появилась девушка, которая тоже, естественно, играет в шахматы, и вовсе неплохо. Более того: в свои девятнадцать лет она стала победительницей чемпионата Венгрии среди девушек. Ее зовут Зита Райчань, и среди шахматной элиты уже шли разговоры о том, что она скоро сменит свою фамилию на другую и будет зваться Зита Фишер. Пока этого, прав-

да, не произошло, ибо, как отмечают журналисты, прославленный гроссмейстер так быстро кого-либо к себе не подпускает, будь ты даже хорошенькая девушка, а если такое все же случается, то, вероятно, этот необыкновенный человек должен его хорошо понимать и обладать какими-то особыми качествами. А пока что все отмечают несомненную благотворность женского влияния на строптивого американца.

Предлагаем вам познакомиться с интервью юной венгерской шахматистки, которое она дала журналу «Эроп Эшек» (его перевод появился в парижской газете «Русская мысль»).

— Как вы познакомились с Бобби Фишером?

— Я открыла для себя Бобби, когда прочла одну венгерскую книгу, в которой описывалась его карьера. Затем я проштудировала его книгу «Мои 60 памятных партий». После этого мне захотелось узнать его лично. Я обратилась в Американскую шахматную федерацию, и мне прислали его адрес. Я написала Бобби, и он мне ответил. Мы долго переписывались, а потом стали созваниваться.

— А когда вы встретились?

— В апреле этого года. Я провела два месяца в Калифорнии.

— Вы жили на квартире у Фишера?

— Нет, но мы совершили вместе поездку в Сан-Франциско.

— Бобби — мужчина вашей жизни?

— Нет. — Зита смеется. — Он — мой шахматный идол.

— Значит, о замужестве пока говорить рано?

— Пока рано...

— Какая, по вашему мнению, самая характерная черта Фишера?

— Честность.

— А его главный недостаток?

— Пока не замечала...

— Вы играете с ним в шахматы?

— Да, и очень часто, особенно блиц-партии. Причем с часами, которые он изобрел и которые используются в матче со Спасским.

— Бобби Фишер когда-то утверждал, что может дать любой шахматистке фору в одну фигуру. Вам он дает такую фору?

— Я никогда ее не принимаю, но я никогда у него и не выигрываю.

— Говорят, благодаря вам Бобби вернулся к шахматам. Как это произошло?

— Бобби сказал мне, что хочет начать снова играть...

Надеюсь, что наши читательницы тоже смогут оказывать столь благотворное влияние на своих мужчин, вне зависимости от того, играют они в шахматы или нет. Тем более если девушка умеет не замечать недостатки своего избранника.

По материалам зарубежной прессы
подготовил Сергей БАРАНИН

Предлагает «ВОСКРЕСЕНЬЕ»

● «АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ». Тв. переплет, 35 тыс. слов и выражений, 450 руб.

● Л. Рон Хаббард. «ДИАНЕТИКА. СОВРЕМЕННАЯ НАУКА ДУШЕВНОГО ЗДОРОВЬЯ» — одна из самых читаемых книг нашего времени, которая помогла тысячам людей в разных странах обрести новые жизненные силы, веру в себя. Издается совместно с международным издательством «Новая эра». Тв. переплет, 320 руб.

● «НОВЫЙ АТЛАС АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ» — впервые под одной обложкой точные карты автодорог СНГ и других стран, станции техобслуживания, бензоколонки, пограничные переходы, таможенные правила, включая автотехнические и юридические аспекты, советы службы ГАИ, планы столиц и крупнейших городов. Тв. переплет, 1600 руб. В указанные суммы входит стоимость доставки, а также НДС. Адрес для денежных переводов за заказанные Вами книги: 103016, Москва, ул. Неглинная, 12, ЦОУ при ЦБ России, расчетный счет 608312, МФО 299112, ГЖО «Воскресенье». Обязательно указывайте название книги.

Деньги можно перечислять как почтовым переводом, так и по безналичному расчету, в том числе с вашего счета в сбербанке или по вашему заявлению из вашей зарплаты по месту работы. Справки по телефонам в Москве: /095/ 299-29-60, 299-26-88, 924-07-82, 292-03-06. Факс: /095/ 921-05-02. Наш почтовый адрес: 103051, Москва, Крапивенский пер., 3. ГЖО «Воскресенье». По этому же адресу можно купить книги за наличный расчет. Работаем без выходных и перерыва.

Газетно-журнальное объединение
«Воскресенье»

Ищу друга

Письмо, которым мы начинаем сегодняшний выпуск нашей рубрики, прислала в редакцию 19-летняя Надя. Она инвалид II группы, но совершенно самостоятельна. «Самое главное для меня — вера в Бога, в Святую Русь. Хочу помочь в ее возрождении. Пусть отзовутся истинно русские духом!» Наде можно позвонить в Москву — телефон 454-64-11 или написать. 125438, Москва, 3-й Лихачевский пер., 5, корп. 1, кв 56. Надежда.

«Хочу переписываться с парнями и девочками. Хочу, чтобы у меня появилось много друзей. Как поется в песне: «Не имей 100 рублей...» Наша редакция просит всех, кто знает песню с такими словами, выслать нам стихи и ноты. Мы по наивности думали, что это — пословица. 617100, г. Верещагино Пермской обл., ул. Ярославцева, 34А, кв. 2. Дубровских Света (15 лет).

«Может, это прочтет какой-нибудь хиппи или человек из «системы». Привет! Я хочу быть с вами. Меня не прикалывает моя теперешняя жизнь. Я не хочу подделывать свою жизнь под всех. Хочу иметь друзей, которые меня поймут. Как мне к вам попасть? Помогите мне!»

332340, Украина, Запорожская обл., п.г.т. Приазовское, пер. Школьный, 1, кв. 2. Макс.

«Мне 22 года, я Собака в созвездии Льва. Увлечениям и интересам моим нет конца, даже на баяне хотел играть. Коллекционировал от всяких насекомых до монет и химикатов. Последнее увлечение — каратэ. В наши нелегкие времена пусть мне пишут те, кому нужны хорошие слова. Я, конечно, не «Служба доверия», но сколько таких, кому плохо, от кого отвернулись».

453121, Башкирия, г. Стерлитамак-21, ул. Николаева, 2А, кв. 90. Виталик.

То и дело среди нашей почты, дорогие друзья, попадаются письма, украшенные уже использованными, погашенными марками разных зарубежных стран — от Болгарии до Сингапура. Причем обратный адрес на них — как правило, из самой российской глубинки. А теперь вдруг повалили письма, где вместо почтовых наклеены марки членских взносов профсоюза или разных добровольных обществ. Работники почты качают головами, дивясь сообразительности некоторых редакционных сотрудников краснеют. А внутри такого конверта — письмо: «Я для своего друга ничего не пожалею...» Но рубля все-таки жалко. Мы приняли решение: такие письма не будут даже читаться в редакции. Имейте это в виду.

Два симпатичных bruneta 14-ти лет, Костя и Иван, жалуются, что им не хватает женского общества. Желают переписываться с блондинками и brunetками. 690109, г. Владивосток, ул. Нейбута, 24, кв. 35 — Иван, кв. 124 — Костя.

Юноша 22-х лет, высокий, спортивного телосложения, из мест лишения свободы, хотел бы переписываться с серьезной, порядочной девушкой, которая может подержать в трудную минуту. 211440, г. Новополюцк-5, УЖ 15/10, 8 отряд. Войтеповок Сергей.

Алеше 13 лет, он увлекается резьбой, кулинарией, лыжным спортом и каратэ. «Трудно одному, без друзей, тем более когда с родичами неладит», — пишет он. 665772, Иркутская обл., п. Кузель, ул. Победы, 24, кв. 2. Карнаузов Алеша.

«Я неплохой наружности, трудолюбив, привлекателен, иногда отлично думаю головой. Мне 17 лет. У меня несколько друзей, а не считая родных, всего один. Да и то мы видимся редко. Мне нравятся изобретать, например, я собрал, грубо говоря, «вечный двигатель». По крайней мере год работать он будет. Если нужны чертежи — пожалуйста!» От редакции: спасибо тебе, Олег, за финансовую помощь журналу.

644073, г. Омск-73, 2-я Любинская ул., 2А, кв. 49. Биктаиров Олег.

«Мне 21 год. Хочу с кем-нибудь подружиться. Почему обращаюсь в журнал? Дело в том, что я был в местах лишения свободы и знакомиться разучился. Немного о себе: люблю Высоцкого и котов». 931801, Гродненская обл., Слонимский р-н, пос. Грибово, д. 1, кв. 7. Тарасов Григорий.

Наташа твердо решила, что будет выписывать наш журнал до самых последних дней существования. А так как ни Наташа помирать, ни мы закрываться не собираемся, будем надеяться вместе прожить долгую и счастливую жизнь. Между прочим, в чистоте — ведь Наташа написала, что очень любит мыть полы. Многие ли могут таким похвастаться?

658200, г Рубцовск Алтайского края, ул. Комсомольская, 285, кв. 2. Наташа П. (15 лет).

Увлечения 16-летней Тани — макраме, фриволи (что это такое, мы, к сожалению, не знаем), роспись по дереву, а еще она не пьет, не курит, не колется и не нюхает. Ну и слава Богу!

164500, Архангельская обл., г. Северодвинск, пр. Труда, 17—54. Кравцова Таня.

«Ищу подругу. Мне 16 лет, я помешан на автомобилях и бронетехнике. Хочу стать в будущем российским офицером. Девушек сразу хочу предупредить — я толстяк». Не расстраивайся, Сергей: судя по «либерализованным» ценам в продмагах, все мы скоро сильно похудеем.

251986, Украина, Черниговская обл., Козелецкий р-н, п. Десна, ул. 50 лет Октября, 46А, кв. 20. Безусов Сергей.

«Ищу подругу или друга, кто родился в январе 1978 года! Мои увлечения — вязание и кактусы. Я уже купила конверты для ответов». Про конверты — одобряем. Запасливость украшает девушку.

188970, Ленинградская обл., Выборгский р-н, п/от. Бородинское, п. Михалево, д. 2, кв. 53. Гусева Юлия.

А вот у этой девочки, видимо, очень плохо с арифметикой — или она уж очень хочет нам польстить. Она пишет, что уже ПЯТЬ ЛЕТ выписывает наш журнал и беспрерывно им наслаждается. Спасибо, конечно, Леночка, на добром слове, но попробуй все-таки подсчитать, сколько лет журналу «МЫ», если его первый номер вышел в 1990 году? А вообще-то Лене 16 лет и она балдеет от группы «Кар-Мэн», что в ее возрасте вполне извинительно.

643016, Северо-Казахстанская обл., Мамлютский р-н, ст. Михайловка. Попова Лена.

Одиноким симпатичным брюнетом с большими черными глазами, стройным, занимается фехтованием, ищет тех, кто увлекается творчеством Б. Титомира и группы «Технология».

630122, г. Новосибирск, ул. Линейная, 29, кв. 2. Зейнабов Алик (18 лет).

Юноша, приславший нам это письмо, собирает необычную коллекцию — он коллекционирует схемы метрополитена. Он весьма желал бы найти себе друзей по переписке, кто стал бы помогать ему в пополнении метро-собрания в тех городах, где уже есть метро или оно строится.

637013, Казахстан, г. Павлодар, ул. Свердлова, 163, кв. 62. Поздняков Андрей.

Светлане 16 лет, она хотела бы познакомиться с ребятами, у которых в сердце осталась хоть маленькая частичка добра и уважения к девушке. Эх, ребята, ребята... Неужели же ТАКОЕ — столь большая редкость, что надо в журнал писать?

690054, г. Владивосток-54, ул. Александровича, 13-1. Петришина Света.

«Люблю литературу — Есенина и Пушкина, английский язык и собак. Обожаю песни Высоцкого. Мне 14 лет» 399340, г. Усмань Липецкой обл., ул. Ленина, 83Б, кв. 16. Полина.

15-летняя девушка, собирающая песни и фотографии певцов, сама умеющая играть на гитаре, ждет писем от ребят.

353665, Краснодарский кр., Ейский р-н, ст. Должанская, ул. Коллективная, 40. Кузьменко Оля.

«У меня никогда не было старшего брата! А это моя несбыточная мечта. Вот я и подумала: может быть, найдутся ребята, которые станут моими старшими братьями? Мне 14 лет».

412400, г. Аткарс Саратовской обл., ул. Советская, 60, кв. 6. Смирнова Света.

18-летний Линур, симпатичный, с карими глазами и атлетической фигурой, проходящий службу в армии, просит писать девушек.

249000, г. Балабаново-1 Калужской обл., в/ч 42337 «Клуб». Зямилов Линур.

«Я для вас очередной хлебник. А если серьезно, в России живу всего месяц и друзей у меня нет. Возраст самый раз. Увлекаюсь музыкой, собираю банки из-под пива». Мы тоже, но предпочитаем полные.

302010, г. Орел, ул. Комсомольская, 400-58. Олежон.

15-летняя Марина, про которую говорят, что она — клеваев девчонка, увлекающаяся книгами, музыкой, танцами, хочет переписываться с ребятами-инвалидами или с теми, кто находится в местах лишения свободы. «Они же умные парни!» — утверждает она.

630097, г. Новосибирск-97, Бердское шоссе, 178. Марина Г.

Писем от голубоглазых мальчиков ждет Наташа 13-ти лет.

652810, г. Осинники Кемеровской обл., ул. Ломоносова, 35, кв. 11. Тустугашева Наташа.

Две 15-летние подруги, увлекающиеся поп-музыкой, любящие попрыгать на дискотеках, ищут порядочных и симпатичных парней. «Нам надоело видеть вокруг себя пропитые и прокуренные лица парней, которые липнут ко всем девчонкам подряд! А мы не считаем себя «блатными», придерживаемся своего мнения и стиля».

307239, Курская обл., г. Курчатова, ул. Садовая, 7, кв. 610 — Олеся; ул. Мира, 21, кв. 87 — Валя.

**ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!
ПИШИТЕ РАЗБОРЧИВО
СВОЙ АДРЕС
И ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС**

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Перевод с английского
Илана ПОЛОЦКА

НЕВЕРОЯТНЫЙ И ЕЩЕ НЕ ОБЪЯСНЕННЫЙ МИР

История нашего прошлого явилась результатом косвенных свидетельств и сведений. Раскопки, старые тексты, наскальные рисунки и пещерная живопись, легенды и так далее — все шло в дело для создания рабочих гипотез. Этот материал послужил основанием для создания интересной и внушающей уважение мозаики, но она явилась продуктом заранее заданного образа мышления, составляющие которой уже заранее должны были подходить друг к другу, хотя нередко скрепляющий их цемент назойливо лез в глаза. События должны были происходить таким и вот таким образом. Только так, и не иначе.

Мы же имеем право и, больше того, должны сомневаться в общепринятом образе мышления или в любой рабочей гипотезе, ибо если идеи не подвергаются сомнению, исследованиям приходит конец. Так что наше «историческое прошлое»

Продолжение. Начало в № 1.

Эрик фон ДЕНИКЕН

КОЛЕСНИЦЫ БОГОВ

является правдой лишь в относительной степени. И похоже, что настал момент представить на суд читателей новые гипотезы.

Новые знания о состоянии солнечной системы и космоса, проникновение в глубь макро- и микрокосмоса, стремительное развитие технологии, особенно в области вычислительных систем и медицины, в биологии и геологии, начало исследований ближнего космоса — это и многое другое полностью изменило в наших глазах картину мира меньше чем за пятьдесят лет.

Картина нашего мира, которая веками была неподвижна, начинает расплываться. Для оценки новых рабочих гипотез требуются новые критерии. Например, в будущем археология будет получать материал для работы и осмысления не только из раскопок. Ей придется обращаться за консультациями к другим областям науки, с помощью которых начнет предстать новая картина прошлого нашего мира.

Так что давайте войдем в этот непонятный мир и попробуем

познакомиться с наследством, которое нам оставили «боги».

В начале восемнадцатого века были найдены древние карты, принадлежавшие адмиралу турецкого флота Пири Рейсу. Эти два атласа, хранящиеся в Берлинской государственной библиотеке, содержат точное изображение Средиземноморья и района вокруг Мертвого моря.

Все эти карты были переданы для исследований американскому картографу Арлингтону Х. Маллеру. Он отметил удивительный факт, что на картах присутствуют все географические реалии, но размещены они не на полагающихся им местах. Он обратился за помощью к М. Уолтеру, картографу Гидрографического бюро ВМС США. Ученые построили сетку параллелей и меридианов и перенесли карты на современный глобус. Это привело к сенсационному открытию. Карты оказались абсолютно точными — и не только в областях, относящихся к Средиземному и Мертвому морям. На картах Пири Рейса были аккуратно нанесены бере-

га Северной и Южной Америки и даже Антарктиды. Карты давали представление не только об очертаниях континентов, но и знакомили с их топографией! Горные хребты, пики, острова, реки и плато были нанесены с исключительной точностью.

В 1957, Геофизическом году картами занялся иезуит Линехам, который был одновременно директором Вестонской обсерватории и картографом ВМС США. После самого скрупулезного исследования Линехаму не оставалось ничего другого, как признать, что карты исключительно точны. Более того — карты Пири Рейса показывали горы в Антарктиде, которые были открыты только в 1952 году. Они покрыты толстым слоем льда, и наши сегодняшние карты этого района Антарктики созданы при помощи эхолокационной аппаратуры.

Последующие исследования принесли еще более потрясающую информацию. Сравнения с современными фотографиями земного шара, сделанными при помощи спутников, показали, что в основе карт Пири Рейса лежат аэрофотосъемки, сделанные с очень большой высоты. Как это можно объяснить?

Только наличием космического корабля, висящего высоко над Каиром и направившего вниз свои камеры. В процессе съемки возникает следующая картина: все, что находится в радиусе примерно 5 тысяч миль от Каира, воспроизводится совершенно точно, потому

что лежит прямо под объективом. Но остальные страны и континенты заметно меняют свои очертания — тем больше, чем дальше они отодвинуты от центра съемки.

Как это могло произойти?

Учитывая сферическую форму Земли, континенты, отдаленные от центра, как бы «уплывают вниз». Например, Южная Америка оказалась заметно вытянутой в длину, как она и изображена на карте Пири Рейса! И так же она выглядит на снимках, сделанных американскими исследователями с поверхности Луны.

Перед нами возникают один-два вопроса, которые требуют незамедлительного ответа. Не подлежит сомнению, что наши предки не могли сами создать такие карты. К тому же совершенно ясно, что карты были созданы с помощью самой совершенной техники.

Как объяснить этот парадокс? Удовлетворимся ли мы преданиями, что «боги» через первосвященников вручили людям эти изображения? Или же просто не будем обращать на них внимания и пренебрежительно отнесемся к этому чуду, потому что эти карты не вписываются в картину мира? Или же мы рискнем сунуть палку в осиное гнездо и объявим, что изображение Земли сделано с высотного самолета или же космического корабля?

Надо признать, что карты турецкого адмирала не оригинальны. Они представляют собой копии с копий, которые в свою очередь... Но даже будь они да-

тированы восемнадцатым веком, когда впервые предстали глазам исследователей, этот факт необъясним. Кто бы их ни делал, он должен был уметь летать и к тому же знать фотографии!

В Перу, недалеко от моря, в Андах лежит плоскогорье, на котором расположен древний город Наска. В долине на земле выцарапаны рисунки, которые в общей сложности покрывают пространство в 37 миль в длину и милю в ширину: они процарапаны обломками камней, напоминающими куски ржавого железа. Местные обитатели называют эти места пампой, но тут ничего не растет. Пролетая над этой территорией, вы можете увидеть гигантские линии, очерченные с геометрической точностью, некоторые из которых параллельны друг другу, другие же изображают каких-то насекомых или окружены трапециевидальными фигурами.

Археологи говорят, что тут пролегалли дороги инков.

Абсурдное предположение! Зачем инкам были нужны дороги, которые пролегают параллельно одна другой? Которые пересекаются? Которые возникают сами по себе в долине и так же неожиданно исчезают?

Здесь, конечно, были найдены черепки и образцы керамики, типичные для культуры Наска. Но это значит упрощать вопрос, если относить к культуре Наска эти геометрически правильные линии лишь по этой причине.

До 1952 года здесь не проводилось серьезных исследова-

ний, раскопок. Все, что здесь было найдено, не датировано. Только сейчас измерены эти геометрические линии и фигуры. Результаты измерений ясно подтверждают гипотезу, что все эти линии были проложены в соответствии с астрономическими планами. Профессор Олден Мэсон, специалист по древней истории Перу, предполагает, что тут изображены некие религиозные символы или, вполне возможно, календарь.

Взгляд с воздуха на 37-мильную долину Наска создал у меня твердое впечатление, что я вижу перед собой аэродром.

Каким образом я пришел к этой идее?

Исследования (которые равняются знаниям) не могли начинаться, пока предмет исследований не был обнаружен! Когда рисунки были найдены, их неустранно чистили и полировали, пока прогрызенные до камня линии не превратились в потрясающую мозаику, существующую и поныне. Классическая археология не может признать, что люди доинкской эры обладала возможностью обозреть пространство целиком. А теория, что в древности существовали летательные аппараты, кажется им сущей чепухой.

Но в таком случае — какой цели служили рисунки плоскогорья Наска? В соответствии с моими воззрениями, их гигантские размеры могли служить системой координат или же они были созданы по инструкции с летательного аппарата. Нелзя с уверенностью утверждать,

что плоскогорье Наска в самом деле служило аэродромом. Если тут было пущено в ход железо, найти его, конечно же, не удастся, потому что доисторического железа не существует. Ржавчина уничтожает металл за несколько лет, камень же не поддается коррозии. Что невероятного в предположении, что рисунки созданы для того, чтобы дать знать «богам»: «Садитесь здесь! Все готово, как вы и говорили!» Создатели этих геометрических фигур, может, и не подозревали, что они делают. Но, вероятно, они отлично знали, что «богам» нужна соответствующим образом подготовленная площадка.

Огромные рисунки, которые, без сомнения, воспринимались как сигналы теми существами, которые находились в воздушном пространстве, найдены во многих частях Перу. Какой иной цели могли они служить?

Одно из самых примечательных изображений вырезано на большой красной стене скалы над заливом Писко. Если вы подплываете со стороны моря, то видите эту фигуру высотой около 820 футов с расстояния более 12 миль. Если вы начнете размышлять на тему «Это выглядит как...», вам сразу же придет в голову, что эта гигантская скульптура напоминает огромный резубец или колоссальный подсвечник для трех свечей. У подножия центральной колонны этого огромного знака была найдена длинная петля. Служила ли она в прошлом своеобразным маятником?

Честно говоря, надо при-

знать, что мы блуждаем в темноте, когда пытаемся найти объяснения этому феномену. Он никоим образом не может быть бездумно включен в систему существующих догм, но и в систему археологических воззрений он не может быть вписан без ухищрений, на которые горазды некоторые исследователи.

Но что могло заставить людей доинкской эры создавать эти фантастические рисунки, эти посадочные площадки на плоскогорье Наска? Какое помутнение мозгов могло толкнуть их вырезать этот 820-футовый каменный знак на красной скале к югу от Лимы?

Работа без современных машин и приспособлений должна была занять десятилетия. Вся эта деятельность могла казаться полной бессмыслицей, если бы конечный продукт их труда не воспринимался как сигнал, видимый с большой высоты. И вопрос настойчиво требует ответа: зачем они занимались этой длительной и изнуряющей работой, если были уверены, что летающих существ нет в природе?

Ответ на этот вопрос должен быть найден теперь отнюдь не только в рамках одной археологии. Совет ученых, представляющих самые разные области знаний, должен приблизить к тайне этой загадки. Обмен мнениями в живом диалоге может привести к удивительным интуитивным озарениям. Потому что отдельные ученые стараются не заниматься всерьез такими проблемами, опасаясь, что не найдут оптимального реше-

ния. Густой туман времени в самом деле скрывает от нас фигуры космических путешественников? Для ученых академического толка такой вопрос просто недопустим. Любой, кто задает подобные вопросы, должен, по их мнению, обратиться к психиатру.

Но вопросы по-прежнему существуют, те вопросы, которые непрестанно висят над нашими головами, пока «недопустимых» вопросов достаточно много. Например, что можно сказать о календаре, в котором есть даты равноденствий, астрономических сезонов, положения Луны на каждый час и ее передвижений, учитывающих вращение Земли?

Это отнюдь не гипотетический вопрос. Такой календарь в самом деле существует. Он найден на дне высохшего озера Тиахуанако. Находка буквально обескураживающая. Фактами и доказательствами она неопровержимо свидетельствует — и может ли наша самоуверенность выдерживать такие докзательства? — что существа, которые придумали, создали и пользовались таким календарем, обладали культурой более высокой, чем наше собственная.

Еще одной фантастической находкой оказался Большой Идол. Этот цельный блок красного песчаника длиной более 24 футов, который весит 20 тонн. И снова мы сталкиваемся с противоречием между высоким качеством и точностью изображений сотен символов, которые покрывают поверхность Идола,

и примитивной техникой, которая использовалась для этого.

Г. С. Беллами и П. Аллен дали достаточно приемлемую интерпретацию этих символов в книге «Великий Идол Тиахуанако». Они пришли к заключению, что огромное количество символов говорит об астрономических знаниях, предполагающих шарообразность Земли.

Они делают вывод, что эти сообщения отвечают «Теории спутников» Гербиера, немецкого ученого, которая была опубликована в 1927 году, за пять лет до находки Идола. Эта теория утверждает, что силой притяжения Земли был захвачен спутник. Приблизившись к ней, он замедлил вращение Земли. Затем он распался и был замещен Луной.

То, что изображено на Идоле, говорит об астрономических наблюдениях, которые соответствуют теории, гласящей, что было время, когда спутник нашей планеты совершал 425 оборотов вокруг Земли в течение года, который длился 288 дней. Исследователи были вынуждены прийти к заключению, что символика Идола представляет нам картину неба, каким оно было 27 тысяч лет назад. Они пишут: «Информация, которую можно считать с Идола, создает впечатление... что она предназначена и как сообщение для будущих поколений».

Одно из самых знаменитых археологических чудес Южной Америки — это монолитные Ворота Солнца в Тиахуанако: гигантская скульптура примерно 10 футов в высоту и 16,5 в ши-

рину, высеченная из единого блока.

Что говорят легенды о таинственном городе Тиахуанако?

В них рассказывается о золотом космическом корабле, который спустился со звезд: из него вышла женщина по имени Ориана, которая должна была стать Великой Матерью Земли. У Орианы было всего четыре пальца, соединенные перепонкой. Великая Мать Ориана дала жизнь 70 земным детям и вернулась на звезды.

На камнях в Тиахуанако были найдены рисунки существ с четырьмя пальцами. Время, когда были сделаны рисунки, определить не удалось. Но в преданиях, отдаленных от нас веками и веками, нет и следов того, что кому-то довелось видеть Тиахуанако иначе, как в руинах.

Что за тайны скрыты в этом городе? Какие послания, оставленные из других миров, еще ждут расшифровки на этом боливийском плато? Нет никаких данных, которые могли бы рассказать о рождении или о конце этой культуры. Увы, эта неопределенность не может удерживать некоторых археологов от самонадеянных и голословных утверждений, что руинам города не более трех тысяч лет. Они определяют эту дату, исходя из наличия нескольких смешных маленьких глиняных фигурок, которые, без сомнения, не имеют ничего общего со временем, когда создавался монолит. Ученые стараются упростить предмет размышлений. Они склеивают пару старых

глиняных горшков, ищут их подобия в анналах одной или других соответствующих культур, наклеивают ярлычок на реставрированную находку, и — быстро, еще быстрее! — все прекрасно соответствует апробированному образу мышления. Пользоваться этим методом, конечно, куда легче, чем допустить мысль, что в прошлом существовало совершенное техническое мастерство или что за дымкой веков скрываются фигуры инопланетных пришельцев. Ведь такой подход вносит ненужные осложнения.

А разве можно забыть Саксагуаман! Я не буду упоминать ни изумительные укрепления времен инков, которые ныне лежат на несколько футов ниже уровня современного Куско, ни молилитные блоки весом более ста тонн, ни стены полутора тысяч футов длиной и шириной в 54 фута, перед которыми неизменно толпятся изумленные туристы, делающие снимки на память. Я хочу повести речь о неизвестном Саксагуамане, который лежит примерно в полумиле от широко известных крепостей инков.

Воображение не в силах представить себе, какими техническими средствами пользовались наши предки, чтобы вырубить в каменоломнях молилитные блоки весом каждый не менее ста тонн, обработать и доставить их на такое расстояние. Но когда перед нашими глазами предстает каменный блок, вес которого, по приблизительным оценкам, составляет не менее двадцати тысяч тонн,

воображение наше, привыкшее к техническим достижениям современности, просто отказывается принять его существование. Покинув укрепления Саксагуамана и пройдя несколько сот футов до края воронки, что расположена на склоне горы, вы минуете каменный блок размером с четырехэтажный дом. Он безупречно отшлифован рукой опытного мастера; в нем вырезаны ступени и пандусы, и поверхность его покрыта спиральями и отверстиями. Неужели во времена инков над этой чудовищной громадой трудились просто от нечего делать? Почему мы не можем предположить, что она служила какой-то цели, смысл которой пока остается неясен для нас? Чтобы усложнить решение этой головоломки, огромный блок стоит, так сказать, вниз головой. Таким образом, ступени ведут вниз с его крыши; отверстия расположены в разных направлениях; странное углубление, напоминающее по форме кресло, словно бы висит в воздухе. Кто может представить себе те руки и ту мощь, которая вырубала, переместила и обработала этот блок? Какая сила перевернула его?

Какие титанические силы трудились над ним?

И с какой целью? По-прежнему находясь под впечатлением чудовищности этого блока, посетитель находит менее чем в 900 футах от него следы расплавленного камня, которые могут появиться только при воздействии на гранит и базальт высокой и сверх-

высокой температуры. Удивленному зрителю объясняют, что эти камни доставлены сюда движением ледника. Такое объяснение просто смешно. Ледник, по всем законам логики, может двигаться только в одном направлении, и скорее всего этот закон действовал и в то время, когда плавилась эти камни. Во всяком случае, трудно представить себе, что ледник на площади в 18 тысяч квадратных ярдов двигался в шести различных направлениях.

Саксагуаман и Тиахуанако полны доисторических тайн, по поводу которых существует множество искусных, но неубедительных объяснений. Более того, расплавленные лужицы песка найдены в пустыне Гоби и в окрестностях археологических раскопок древних городов в Ираке. Кто может объяснить, почему эти стекловидные образования так разительно напоминают следы атомного взрыва в пустыне Невада?

Когда нам удастся приступить к поиску убедительных ответов на эти загадки? В Тиахуанако существует искусственно насыпанный холм, «крыша» которого представляет собой абсолютно ровную площадку площадью в 4784 квадратных ярда. И вполне вероятно, что под его поверхностью кроются какие-то строения. Но ни одна канава до сих пор не прорезала эту цепь холмов, ни разу лопата не была пущена в ход, чтобы разрешить эту древнюю загадку.

Примерно за две тысячи лет до нашей эры шумеры начали

записывать сообщения о блистательном прошлом своего народа. Даже и сегодня мы не знаем, откуда они пришли. Но нам известно, что они принесли с собой в высшей степени развитую культуру, которая оказала могучее воздействие на полуварварские семитские племена. Мы также знаем, что они, как правило, определяли местожительство своих «богов» на высоких горных пиках, а если поблизости не было возвышенностей, то возводили на равнине искусственные «горы». У них был очень высокий уровень астрономических знаний. В их обсерваториях проводились наблюдения над периодом оборота Луны, которые разнятся от сегодняшних всего лишь на 0,4 секунды. Кроме величественного эпоса о Гильгамеше, о котором пойдет речь ниже, они оставили нам еще одну сенсацию. На вершине одного из холмов, там, где некогда стояла Ниневия, были найдены расчеты, конечный результат которых давал число, в нашем исчислении равное 195 955 200 000 000. Предшественники западной культуры — греки, наследие которых мы так тщательно изучили и столь часто цитируем, никогда, даже в период наивысшего расцвета своей культуры, не имели дело с числами больше 10 000. Все, что следовало за этой цифрой, описывалось как «бесконечность».

Древние клинописные таблички шумеров говорят о совершенно фантастических временных периодах. Так, десять властителей правили всего

456 000 лет, а двадцать три властителя, которые ревностно восстанавливали свои владения после Потопа, правили в общей сложности 24 510 лет, 3 месяца и 3 с половиной дня.

Эти временные периоды с трудом воспринимаются при нашем образе мышления, хотя все имена владык и правителей сохранились в длинном их списке, увековечены в печатях и на монетах. И почему бы нам не осмелиться смахнуть завесу слепоты с глаз и посмотреть на события древности свежим взглядом, взглядом современности?

Давайте предположим, что астронавты древности посетили земли, где жили шумеры, тысячелетия назад. Давайте предположим, что они положили начало цивилизации и культуре шумеров, а затем вернулись на свою собственную планету, дав человечеству стимул к развитию. Давайте не будем отказываться от утверждения, что любопытство исследователей составляло их каждые несколько сот лет по земному летосчислению возвращаться на Землю, чтобы поинтересоваться результатами своего эксперимента. По меркам сегодняшней продолжительности жизни те астронавты вполне могли жить и по пятьсот земных лет. Теория относительности доказывает, что астронавты могли становиться старше всего лишь на сорок наших лет, которые проходили между их отлетом и возвращением на Землю в космическом корабле, который перемещался со скоростью, близкой к скорости света. В течение

столетий шумеры могли строить башни, пирамиды и дома, в которых был максимальный по тем временам комфорт; они приносили жертвы своим «богам» и ждали их возвращения. Проходили сотни земных лет, и они в самом деле вновь встречали их. «А затем пришел Потоп, а после Потопа корабль снова спустился с неба», — говорится в клинописной табличке шумеров.

В какой форме шумеры представляли себе и описывали своих «богов»? Шумерская мифология и некоторые аккадские таблички дают нам представление об этом. Шумерские боги не антропоморфны (то есть не созданы «по образу и подобию» человека), и каждое символическое изображение бога имеет отношение к звездам. В аккадских табличках звезды изображены так, как мы изображали бы их сегодня. Обращает внимание, что каждая такая звезда окружена планетами самого разного размера. Каким образом шумеры, у которых, конечно же, не было нашей техники исследования звездного неба, следования звездам, знали, что у некоторых звезд имеются планеты? Есть наброски, изображающие людей со звездами на головах, и других, летящих на шарах с крыльями. Есть рисунок, напоминающий современную модель строения атома, кольцевые конструкции из шариков, соединенные друг с другом каким-то излучением. И если мы взглянем на наследие, оставленное шумерами, «космическим глазами», то увидим, что оно полно вопросов

и загадок. Вот лишь некоторые из них, расположенные и в этом же географическом районе:

Спиральные рисунки древностью не менее шести тысяч лет в Геок-Тепе.

Производство кремневых орудий, которым занимались сорок тысяч лет назад в Гар Кобехе.

Подобные же находки в Бардаостиане — возраст тридцать тысяч лет.

Фигуры, надгробия и каменные орудия в Тепе Асиабе, созданные тринадцать тысяч лет назад.

Окаменевшие экскременты, скорее всего, не имеющие отношения к человеку, найденные в тех же местах.

Орудия и резьба на камне, найденные в Карим Шафире. Кремневые орудия и инструменты, раскопанные в Барда Балка. Скелеты взрослого человека и ребенка, обнаруженные в пещере в Шандиаре. Радиоуглеродным методом был определен их возраст — сорок тысяч лет до нашей эры.

Этот список может быть значительно расширен, но каждый факт подтверждает предположение, что примерно сорок тысяч лет назад на территории тогдашнего Шумера и жили достаточно примитивные люди. И вдруг по совершенно необъяснимым причинам там появляются шумеры с их астрономией, их культурой и технологией.

Вывод, что все происшедшее объясняется посещением Земли доисторическими пришельцами со звезд, все еще остается чисто умозрительным. Мы можем

представить себе, что появившиеся «боги» собрали вокруг себя в районе Шумера полудиких людей и передали им свои знания. Фигуры и статуэтки, которые ныне смотрят на нас из стеклянных витрин музеев, рассказывают о смещении рас — это существа с выпуклыми глазами, высокими сводчатыми лбами, узкими губами и длинными прямыми носами. Изображения, которые с большим трудом отвечают нашему представлению о схематическом мышлении примитивных людей тех веков.

Пришельцы из космоса в далекой древности?

В Ливане найдены стекловидные каменные образования, получившие названия тектитов, в которых обнаружены следы изотопа радиоактивного алюминия.

В Египте и Ираке найдены отшлифованные хрустальные линзы. Они сегодня могут быть созданы только с использованием окиси цезия — вещества, которое может быть получено лишь в результате электрохимических процессов.

В Хелуане обнаружен клочок материи, сотканной столь тщательно, что и сегодня ее можно сделать лишь на специальном высокотехнологическом оборудовании, обладая большим опытом.

Сухие гальванические батареи экспонируются в Багдадском музее.

В нем же посетители могут увидеть электрические элементы с медными электродами, которые опускались в электролит неизвестного состава.

В горном районе Азии Кохистан на стене пещеры найдены рисунки, показывающие положение звезд, которое существовало двадцать тысяч лет назад. Венера и Земля соединены линиями.

Орнамент из расплавленной платины обнаружен на Перуанском плато.

Алюминиевые детали пояса найдены в одной из древних могил в Китае (Юнг-джен).

В Дели стоит древняя колонна, которая не поддается воздействию ни погоды, ни фосфора, ни серы.

Эта странная смесь «невероятного», того, что не может быть, вызывает у нас любопытство и растерянность. Что руководило примитивными пещерными жителями, помогало рисовать правильное расположение звезд? Какая мастерская, оснащенная высокоточным оборудованием, шлифовала эти линзы? Кто мог выплавить и отформовать платину, которая размягчается только при температуре свыше 1800 градусов по Цельсию? И каким образом в древнем Китае могли получить алюминий, — металл, для выплавки которого из бокситов требуется преодолеть большие химико-технологические сложности?

Надо признать, что вопросы исключительно трудны, но означает ли это, что мы не должны искать ответа на них? Так как мы не готовы принять или признать гипотезу, что до нашей эры существовала высоко развитая культура или технология, не уступающая нашей, то,

значит, остается только одно объяснение — пришельцы из космоса! И пока археологи не признают, что такой факт в данном деле мог иметь место в далекой древности, у нас никогда не будет возможности проникнуть в туманную даль веков и озарить ее ярким светом знания.

В ходе Археологического года, который пока является утопией, историки, физики, химики, геологи, металлурги и специалисты всех других сопутствующих отраслей науки должны были бы сконцентрировать свои усилия в поисках ответа на один простой вопрос: посещали ли наших предков гости из далекого космоса?

Например, металлурги могли бы быстро и точно ответить археологам, насколько сложно производство алюминия. И разве нельзя допустить, что физикам удалось бы расшифровать наскальные рисунки? Химики, пустив в ход свою сложную аппаратуру, могли дать ответ на вопрос, каким образом удалось отколоть от скалы столь огромный монолит: с помощью ли деревянных клиньев, поливаемых водой, или же, предположим, пустив в ход какую-то неизвестную кислоту. Геологи дали бы нам целую серию ответов на вопросы относительно наследия ледникового периода. Состав ученых утопического Года Археологии включил бы в себя и группу аквалангистов, которые опустились бы на дно Мертвого моря в поисках радиоактивных следов атомного взрыва над Содомом и Гоморрой.

Почему хранилища старейших библиотек на Земле в некоторых разделах недоступны для обозрения? Чего в самом деле боятся люди? Почему их беспокоит, что правда, скрывавшаяся столько тысячелетий, выйдет на свет?

Прогресс остановить невозможно. Четыре тысячи лет назад египтяне считали, что их «боги» в самом деле существуют. В Средние века сжигали «колдуний». Древние греки верили, что могут предсказывать будущее по внутренностям птиц и животных.

В прошлом мы совершили тысячу и одну ошибку, которые ныне надо исправлять. Мнимой самоуверенности уже не остается места в современности, ибо она всего лишь предельная форма глупости. На конференциях, где собираются ортодоксальные ученые, по-прежнему доминирует точка зрения, что определенные концепции могут быть «доказаны» или «опровергнуты» и без серьезного знакомства с ними.

В прошлом люди, которые выдвигали совершенно новые идеи, должны были быть готовы к тому, что они подвергнутся презрению со стороны своих коллег и преследованию церкви. Сложные и новые идеи с трудом пробивали себе путь. Теперь больше не услышишь проклятий с церковных кафедр, и на городских площадях не горят костры для еретиков. Методы научных исследований в наше время все отчетливее теряют умозрительный характер, способствуют прогрессу.

Все обретает более «цивилизованный» характер, воспринимается с куда меньшим раздражением. Теории и еретические идеи отвергаются или уничтожаются убийственными фразами: «Это противоречит законам!», «Не обладает достаточной классической стройностью!», «Слишком революционно!», «Университеты не будут иметь дело с такими взглядами!», «Другие уже пытались подступиться к этим вопросам!», «Мы не видим в этом никакого смысла!», «Это еще не доказано!»

Пятьсот лет назад ученые уверенно утверждали перед любым собранием: «Элементарные ощущения убеждают любого, что Земля никоим образом не может быть круглой, в противном случае люди не могли бы удержаться на другой ее стороне».

«Нигде в Библии, — утверждал другой, — не указано, что Земля вращается вокруг Солнца. Следовательно, любое такое допущение исходит из уст дьявола!»

Тем не менее порой кажется, что такой «подход» сохранил всю свою силу, когда возник мир новых идей. На пороге двадцать первого века ученые должны свыкнуться с мыслью, что реальность будет обретать фантастические черты в их глазах. Они должны найти в себе мужество пересматривать законы и правила, которые столетиями считались незыблемыми святынями, но которые тем не менее должны ответить на вызов, бросаемый им новыми знаниями. И если даже армия реак-

ционеров от науки постарается поставить заслон на пути этого интеллектуального подъема, мир нового знания должен быть готов к тому, что ради правды и истины придется вырывать знания зубами. Любой, кто всего лишь несколько десятилетий назад допускал в ученых кругах возможность существования искусственных спутников, обрекал себя на академическое самоубийство. Сегодня искусственные спутники, вращающиеся вокруг Земли, исследующие планеты солнечной системы и уходящие в глубокий космос, стали реальностью; они фотографируют Фобос и совершают мягкую посадку на Венере и Марсе, передавая на земную поверхность превосходные снимки неземных ландшафтов.

Понятие «не может быть» в наше время исчезает. Слово «невозможно» должно быть изгнано из научного лексикона. Любой, кто сегодня не признает этого, завтра будет повержен натиском новых открытий. Поэтому позвольте мне упорно придерживаться теории, в соответствии с которой астронавты с далекой планеты посещали Землю много веков назад. Мы можем предположить, что наши даже самые одаренные предки не знали, что делать со сложной технологией, принесенной астронавтами. Они преклонялись перед ними как перед «богами», пришедшими со звезд, и у астронавтов не оставалось иного выбора, как принимать отношение к себе как к божественным созданиям — впрочем, наши астронавты с неизве-

стных планет должны были быть готовы к таким почестям.

Некоторые районы Земли до сих пор заселены примитивными народами, которые воспринимают пулемет как оружие дьявола. Реактивный самолет для них — это колесница ангелов, голос из репродуктора — глас Божий. С детской наивностью в сказаниях и преданиях они передают из поколения в поколение свое восприятие технических достижений цивилизации, с которой им довелось столкнуться. Они по-прежнему выскакивают на камнях и стенах пещер изображения богов и их удивительных кораблей, на которых те спускаются с неба. Таким образом эти дикари дают нам представление о тех проблемах, которые мы исследуем сегодня.

Наскальные росписи в Кохистане, во Франции, Северной Америке и Южной Родезии, в Сахаре, Перу и Чили подтверждают нашу теорию. Французский ученый Анри Лот открыл в Тассили (Сахара) несколько сотен каменных стен с изображениями тысяч и тысяч людей и животных, среди которых были человеческие фигуры в коротких элегантных одеяниях. В руках у них были небольшие жезлы с прикрепленными странными ящичками непонятного назначения. Великий Бог Марсиан, как Лот окрестил его, представлял собой фигуру высотой в 18 футов. «Дикари», которые завещали потомству свои работы, вряд ли были столь примитивны, как нам хотелось бы их видеть; без сомнения, они

должны были использовать леса, чтобы создавать такие рисунки, потому что за последние несколько тысяч лет уровень земли под этими каменными стенами оставался неизменным. Даже не напрягая воображения, нельзя не увидеть, что Великий Бог Марсиан изображен в водолазном или космическом скафандре. На его мощных сильных плечах находится шлем, который соединен с торсом неким подобием переходника. На шлеме в тех местах, где должны быть рот и нос, прорезано несколько щелей. Можно было бы поверить, что это изображение стало результатом «творческого каприза» первобытного художника, будь оно уникальным. Но существует несколько таких огромных фигур, в той же экипировке, что и изображение в Тассили, и, кроме того, найдено много схожих изображений на каменных поверхностях в районе Тулара в Калифорнии.

Я готов признать, что первобытные художники не отличались высоким мастерством и изображали фигуры в такой грубоватой манере потому, что лучше они не могли. Но тогда почему те же самые примитивные художники совершенно точно и с большим изяществом изображали других людей и животных? Мне кажется гораздо более убедительным предположение, что эти художники точно передавали то, что они на самом деле видели. В штате Калифорния на стене одной пещеры видно геометрическое изображение, которое легко можно опознать, даже не напря-

гая воображения, — это логарифмическая линейка с двойной рамкой. Впрочем, археологи считают, что так изображалась фигура бога.

Неизвестные животные с взнесенными вверх огромными рогами изображены на керамике, найденной в Сиджаке (Иран). На обоих рогах по пять спиралей, закрученных слева направо. Представьте себе два стержня с большими фарфоровыми изоляторами — это и будет примерно то, что изображено. Как оценивают их археологи? Очень просто: это символ бога.

Но что, если фрески в Тассили, в Соединенных Штатах или во Франции изображают лишь то, что в самом деле видели первобытные люди? Что, если спирали на стержнях в самом деле изображают антенны, какими их видели примитивные племена на шлемах неизвестных «богов»? Разве невозможно предположить, что в свое время действительно существовали такие вещи? «Дикари», которые могли создавать такие стенные росписи, на самом деле отнюдь не были таковыми. Рисунок Белой Леди из Бранденбурга (Южная Африка) вполне мог относиться к двадцатому столетию. На ней свитер с короткими рукавами, тесно облегающие брюки, подвязки и туфли. Женщина не одинока: позади нее стоит худой мужчина со странным острым стержнем в руках и со шлемом на голове, в котором прорезано нечто вроде смотровой щели. Композицию можно безогово-

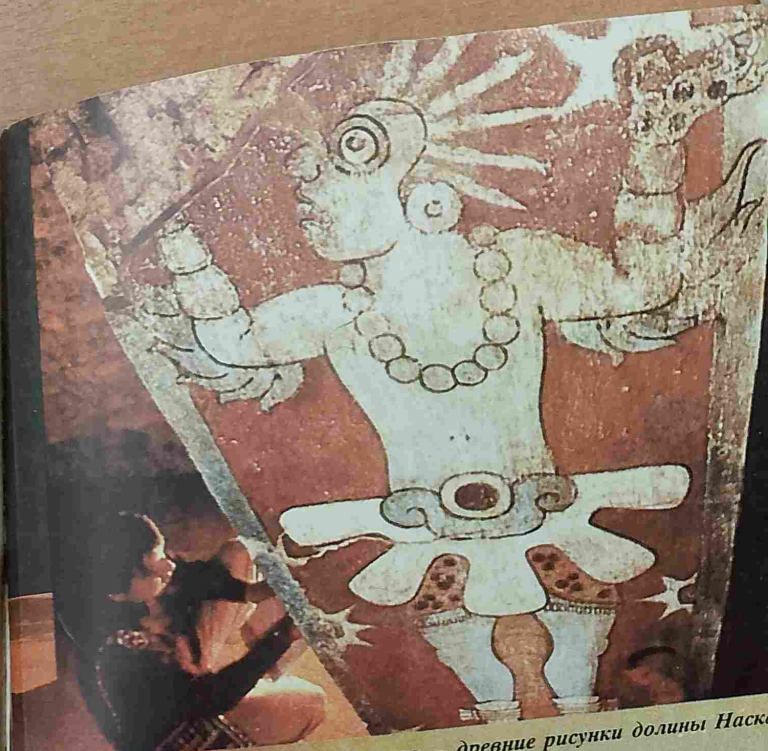
рочно посчитать образцом современной живописи, но... мы имеем дело с древними пещерными рисунками.

Все «боги», изображенные на стенах пещер в Швеции и Норвегии, имеют одни и те же головы неопределенной формы. Археологи говорят, что тут изображены головы животных. Но не абсурдно ли изображать «бога» в виде существа, которого убивают и едят?

Фигуры в неуклюжих одеяниях снова возникают в Вал Камонике (Брешия, Италия), и снова с надоедливой постоянством у них появляются рога на головах. Я не могу утверждать, что итальянские обитатели пещер совершали путешествия в Северную Америку и Швецию, в Сахару и Испанию, чтобы распространять свои художественные находки. И вопрос остается безответным. Почему первобытные люди на разных континентах независимо друг от друга изображали фигуры в неуклюжих одеяниях с антеннами на головах?

Рассматривая прошлое с сегодняшней точки зрения и используя достижения нашего технологического века, мы видим, что занавес, скрывающий тьму прошлого, начинает приподниматься. Изучение древних священных книг поможет подвести под мою теорию такую базу, что исследователи прошлого уже будут не в состоянии избежать вопросов, несущих в себе революционную переоценку нашей истории.

Продолжение след...

...ые свидетельства прошлого — древние рисунки долины Наск

МЫ

**ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1993 ГОДА
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «МЫ»
ВЫ СМОЖЕТЕ ПРОЧИТАТЬ:**

повесть Юрия Короткова «Седой»;
новые повести Кира Булычева и Леонида Жуховицкого;
роман Льва Кожевникова «Олимпия».
Будет продолжена публикация романа
Рауля Мир-Хайдарова «Судить буду я»
и книги Эрика фон Деникена «Колесницы богов».

МЫ ПЛАНИРУЕМ ОПУБЛИКОВАТЬ
фантастический роман Роберта А. Хайнлайна «Между планет»;
новеллы Рафаэля Сабатини из книги «Под знаменем быка»;
фантастические рассказы Говарда Ф. Лавкрофта.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДЕТЕКТИВОВ
романы Дж. Макдональда «В понедельник мы их всех
перестреляли» и Эдварда Мак-Бейна «Ненавижу полицию».

Нам обещали свои новые произведения
Аркадий Вайнер, Глеб Горьшин, Евгений Добровольский,
Леонид Фролов, Вадим Шефнер.

На наших страницах будет напечатан перевод
знаменитого романа американского писателя,
лауреата Пулитцеровской премии Германа Вука
«Городской мальчик».

Полубившиеся читателям рубрики «Говоря откровенно»,
«Кумиры и звезды», «Наше прошлое»,
«Музыкальные страницы»,

«Проба пера» представят разнообразный материал,
который будет интересен читателям разных возрастов.

Подписка на второе полугодие 1993 года принимается
во всех отделениях связи. Индекс 70554.

У ЖУРНАЛА «МЫ» — САМАЯ НИЗКАЯ ПОДПИСНАЯ ЦЕНА!
В розницу журнал будет продаваться по свободной цене.

Цена 15 руб. В розницу — цена свободная.
Индекс 70554.